

А.Н.ДРАЖАСТЬЕ
РУССКИЕ
ЗАВЕТНЫЕ
СКАЗКИ

BIBLIOTHECA EROTICA

T. — Rosewater

А. Н. АФИНАСЬЕВ

РУССКИЕ
ЗАВЕТНЫЕ
СКАЗКИ

ТОО "БЛАНКА", ИО "БОЯНЫЧ"
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

ББК 82.3 Р
А 94

**Иллюстрации
и художественное оформление
С. Лопуховой**

ISBN 5-7199-0012-8

© С. Лопухова, иллюстрации,
художественное оформление, 1994
© И. Земцовский, послесловие, 1994
© ТОО «Бланка»

Предисловие ФИЛОБИБЛА

"Honny soit, qui mal y pense"

Издание наших заветных сказок, в том виде и последовательности в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нимало не стесняясь выражениями, развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей *pruderie*². Наши заветные сказки - единственное в своем роде явление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме была таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая всеми блестящими и остроумными сторонами простолюдина.

Литературы других народов представляют много подобных же заветных рассказов и давным-давно опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров,

новелл, *farces*, *sotties*, *moralites*, *dictons*³ и т. п. другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, также мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. Кто сомневается в том, что игравые рассказы Боккаччо не почерпнуты из народной жизни, что бесчисленные французские новеллы и *faceties*⁴ XY, XYI и XYII веков - не из того же источника, что сатирические произведения испанцев, *Spottlieder*⁵ и *Schmaschriften*⁶ немцев, эта масса пасквилей и разных летучих листков на всех языках, являвшихся по поводу всевозможных событий частной и общественной жизни - не народные произведения? В русской литературе, правда, до сих пор есть еще целый отдел народных выражений непечатных, не для печати. В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует. Не восходя к классической древности, разве *Ragionamenti* P. Aretino, *Capitoli Franc.* Berni, Giov. della Casa, Molsa, *La Rettorica delle Puttane Pallavicini*, *L'Alcibiade fanciullo a scola*⁷ и произведения других итальянских писателей, далее книга Меурсия *Elegantiae latini sermones*⁸, целый ряд известных во французской литературе: *Joyeusetes, faceties et folastres imaginations*⁹, знаменитый *Recueil de pieces choisies par les soins du Cosmopolite*¹⁰, разве весь этот поток *Flugschriften*¹¹, о которых говорит Shade: "die damals wie eine Fluth ubers Land fuhren"¹², не доказывает ясно, что печатное слово не считало нужным прикрываться

дымкой стыдливой *pruderie* и виноградным листом цензурного письма? Нужно ли при этом упоминать о макаронических произведениях, пользующихся такою честию от великолепного Лаврентия Медичиса и до Медичисов нашего времени? Нужно ли, наконец, заметить, что не одним только библиофилам известны целые отделы, предмет которых описывают специальные библиографии, вроде *Bibliotheca scatologica* (*Scatopolis*, 5850)¹³, отделы, известные в книжном мире под именем: *Singularites*, *Curiosa*, *Erotica*, *Ouvrages sur l'amour, sur la galanterie*¹⁴ и т. д.

Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами - само собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто только на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатири и иронии. Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, как они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это-то и составляет их особенность: в них ничего не тронуто, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста, не будучи еще ни подслушана, ни записана собирателями. Приводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных

или наиболее характеристичных почему-либо.

О последовательности, в какой являются наши сказки, мы считаем даже излишним распространяться. Заметим только по этому поводу, что та часть сказок, где действующие лица - животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, в лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой для него жизни сами собой переносятся на его собратий - и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом "жеребячей породе", из которых пока мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям, и верное понимание их.

*Любопытны наши заветные сказки, помимо многих сторон, и в следующем отношении. Важному ученому, глубокомысленному исследователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов. Каким путем проникли в русские захолустья рассказы Боккаччо ***, сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общая сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, какого рода сомнения и заключения из очевидности*

подобного тождества и т. д., и т. д.

Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным ученым, мы и без того надеемся, что наши читатели помянут добрым словом труды поченных собирателей этих сказок. Мы же, со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний.

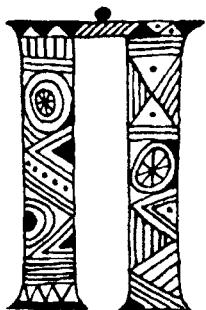
Таким образом, не принимая лицемерно ученой наружности, книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, ее кривом понимании нравственности и морали книга наша тихо печаталась в той отдаленной от треволнений света обители, куда еще не проникала святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших задушевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители. Пусть разовьется в них, чуждое всякой цензуры благородное искусство книгопечатания, и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с заветных станков их всякое свободное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они.

Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать: русские заветные пословицы и продолжение русских заветных сказок. Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок. Изданием их мы надеемся оказать услугу

как вообще делу изучения русской народности, так и в особенности нашим собраниям - истинным любителям и знатокам всего заветного, меткой, образной русской речи и ее светлого юмора.

-
- ¹ Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (франц.) - девиз "Ордена Подвязки", учрежденного английским королем Эдуардом Ш.
- ² Показной добродетели (франц.)
- ³ Фарсов, сотни, моралите, поговорок (франц.)
- ⁴ Фацетии (франц.)
- ⁵ Насмешливые песни (нем.)
- ⁶ Победоносные сочинения (нем.)
- ⁷ "Беседы" П. Аретино, "Капитоли" Франческо Берни, Джованни делла Каза, Мольцы, "Риторика девок" Паллавичини, "Мальчик Алкивнад" (итал.)
- ⁸ "Изящные латинские разговоры" (лат.)
- ⁹ Потешки, фацетти и забавные выдумки (франц.) См. Reimpressions par Saëp, Montaran, Techener, Veinant, J. Gay и других. - Переиздания Карона, Монтарана, Тениера, Венанта, Ж. Гая (франц.)
- ¹⁰ "Сборник избранных отрывков для развлечения всего света" (франц.)
- ¹¹ Листовки (нем.)
- ¹² Шаде. "Которые тогда летали над землей подобно целой стае" (нем.) ** Sie kennzeichnen sich fast alle durch ein scharfes atirisches Element, beisiellosen Freimuth, mitunter durch grosse Derbheit u. s. v., (Satiren u. Pasquille von Oscar Shade). - Они почти все характеризуются подчеркнутым сатирическим элементом, беспримерной свободой мышления и в то же время открытой грубостью и т. д. (Сатиры и пасквили Оскара Шаде). (нем.)
- ¹³ "Скатологическая библиотека" (Скатополис, 5850) (лат.)
- ¹⁴ Странности, Курьезы, Эротика, Произведения о любви, Руководство к ухаживанию (франц., итал.).

ЛИСА И ЗАЯЦ

ришла весна, разыгралась у зайца кровь. Хоть он силой и плох, да бегать резов и ухватка у него молодецкая. Пошел он по лесу и вздумал зайти к лисе. Подходит к лисицкой избушке, а лиса на ту пору сидела на печке, а детки ее под окошком. Увидала она зайца и приказывает лисеняткам:

- Ну, детки! Коли подойдет косой да станет спрашивать, скажите, что меня дома нету. Ишь его черт несет! Я давно на него, подлеца, сердита. Явось теперь как-нибудь его поймаю.

Я сама притаилась. Заяц подошел и постучался.

- Кто там? - спрашивают лисенятки.

- Я, - говорит заяц. - Здравствуйте, милые лисенятки! Дома ли ваша матка?

- Ее дома нету!

- Жалко! Было еть - да дома нет! - сказал косой и побежал в рощу.

Лиса услыхала и говорит:

- Ах он сукин сын, косой черт! Охаверник Эдакой! Погоди же, я ему задам зорю!

Слезла с печи и стала задверью караулить, не придет ли опять заяц. Глядь, а заяц опять пришел по старому следу и спрашивает лисенят:

- Здравствуйте, лисенята! Дома ли ваша матка?

- Ее дома нету!

- Жаль, - сказал заяц, - я бы ей напырял по-своему!

Вдруг лиса как вскочит.

- Здравствуй, голубчик!

Зайцу уж и не до ебли, со всех ног пустился бежать, ажно дух (в ноздрях) захватывает, а из жопы орехи сыплются.

Я лиса за ним.

- Нет, косой черт, не уйдешь!

Бот-бог нагонит!

Заяц прыгнул и проскочил между двух берез*, которые плотно срослись вместе. И лиса тем же следом хотела проскочить, да и завязла**.

Ни туда ни сюда! Билась-билась, а вылезть не сможет. Косой оглянулся, видит, дело хорошее, забежал сзаду и ну лису еть, а сам приговаривает:

- Вот как по-нашему! Вот как по-нашему!

Отработал ее и побежал на дорогу, а тут недалечко вышла угольная яма - мужик уголья жег. Заяц поскорей к яме, вывалился весь в пыли да в саже и сделался настоящий чернец.

Вышел на дорогу, повесил уши и сидит.

Тем временем лиса кое-как выбралась на волю и побежала искать зайца. Увидела его и приняла за монаха:

- Здравствуй, - говорит, - святой отче! Не видал ли ты где косого зайца?

- Которого? Что тебя давеча еб?

Лиса вспыхнула со стыда и побежала домой.

- Их он подлец! Уже успел по всем монастырям расславить!

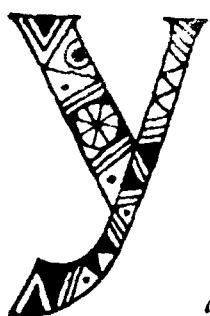
Как лиса ни хитра, а заяц-то ее попробовал!

* Вариант. Меж развалинами березы.

* * Вариант. Пошел заяц в лес, увидел лису и стал с нею разговаривать: говорить-то говорит, а сам норовит, у него хуй как рог стоит. На такое дело он ловок, да попросить-то ровок. Дождался заяц удобного времени, когда лиса завязла как-то между березами...

ВОРОБЕЙ И КОБЫЛА

мужика на дворе сидела куча воробьев. Один воробей и начал перед своими товарищами похваляться:

- Полюбила, - говорит, - меня сивая кобыла, часто на меня посматривает. Хотите ли, отделяю ее при всем нашем честном собрании?

- Посмотрим, - говорят товарищи.

Бот воробей подлетел к кобыле и говорит:

- Здравствуй, милая кобылушка!

- Здравствуй, певец! Какую нужду имеешь?

- Я такую нужду - хочу попросить у тебя...

Кобыла говорит:

- Это дело хорошее; по нашему деревенскому обычаяу, когда парень начинает любить девушки, он в ту пору покупает ей гостинцы: орехи и пряники. А ты меня чем дарить будешь?

- Скажи только, чего хочешь?

- Я вот: натаскай-ка мне по одному зерну четверик овса, тогда и любовь у нас начнется.

Воробей изо всех сил стал хлопотать, долго трудился и натаскал-таки наконец целый четверик овса. Прилетел и говорит:

- Ну, милая кобылушка! Овес готов!

Я у самого сердце не терпят - и рад, и до смерти боится.

- Хорошо, - отвечала кобыла, - откладывать дела нечего, вить истома пуще смерти, да и мне век честною не проходить. По крайней мере, от молодца потерпеть не стыдно! Приноси овес да созывай своих товарищей - бывль молодцу не укора! Я сам сядись на мой хвост подле самой жопы да дожидайся, пока я хвост подыму.

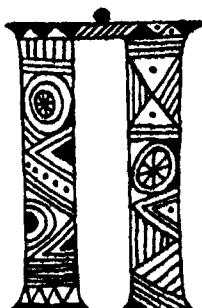
Стала кобыла кушать овес, а воробей сидит на хвосте, товарищи его смотрят, что такое будет. Кобыла ела, ела да и забздела, подняла хвост, а воробей вдруг и впорхнул в зад. Кобыла прижала его хвостом. Тут ему плохо пришлось, хоть помирай!

Бот она ела, ела да как запердела. Воробей оттуда и выскоцил, и стал он похваляться пред товарищами:

- Бот как! Небось от нашего брата и кобыла не стерпела, ажно запердела.

МЕДВЕДЬ И БАБА

АХАЛА БАБА В ПОЛЕ; УВИДАЛ ЕЕ МЕДВЕДЬ И ДУМАЕТ СЕБЕ:

- Что я ни разу не боролся с бабами! Сильнее она мужика или нет? Мужиков довольно-таки я поломал, а с бабами не доводилось покозиться.

БОТ подошел он к бабе и говорит:

- Давай-ка поборемся!

- Я если ты, Михайло Иваныч, разорвешь у меня что?

- Ну, если разорву, так улей меда принесу.

- Давай бороться!

Медведь ухватил бабу в лапы, да как ударит ее о землю - она и ноги кверху задрала, да схватилась за пизду и говорит ему:

- Что ты наделал? Как теперь мне домой-то показаться,

что я мужу-то скажу!

Медведь смотрит, дыра большущая - разорвал! И не знает, что ему делать. Вдруг откуда ни взялся бежит мимо заяц.

- Постой, косой! - закричал на него медведь. - Поди сюда!

Заяц подбежал. Медведь схватил бабу за края пизды, натянул их и приказал косому придерживать своими лапками. Я сам побежал в лес, надрал лык целый пук - едва тащит. Хочет зашивать бабе дыру. Принес лыки и бросил о земль, баба испугалась да как перднет, так заяц аршина на два подскочил вверх.

- Ну, Михайло Иванович, по целому лопнуло!

- Пожалуй, она вся теперь излопается! - сказал медведь и бросился что есть духу бежать: так и ушел!

ВОЛК

ыл мужик, у него была свинья, и привела она двенадцать поросят; запер он ее в хлев, а хлев был сплетен из хворосту. Вот на другой день пошел мужик посмотреть поросят, сосчитал - одного нету.

- Кто ворует поросят?

Вот и пошел старик ночевать в хлев, сел и дожидается, что будет. Привежал из лесу волк да прямо к хлеву, повернулся к двери жопою, натиснул и просунул в дыру свой хвост, и ну хвостом-то шаркать по хлеву. Почуяли поросыта шорох и пошли от свиньи к дверям июхать около хвоста. Тут волк вытащил хвост, поворотился передом, просунул свою морду, схватил поросенка и драла в лес. Дождался мужик другого вечера, пошел опять в хлев и уселся возле самых дверей. Стало темно, привежал волк и только засунул свой

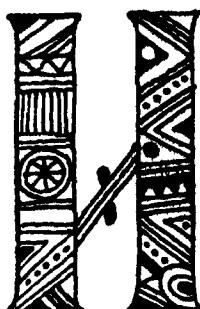
Хвост и начал шаркать им по сторонам, мужик как схватил обеими руками за волчий хвост, уперся в дверь ногами и во весь голос закричал:

- Тю-тю-тю!

Волк рвался, рвался и заснул срать, и потуда жилился, пока хвост оторвал. Бежит, а сам кровью дрицет. Шагов двадцать отбежал, упал и издох. Мужик снял с него кожу и продал на торгу.

МУЖИК, МЕДВЕДЬ, ЛИСЯ И СЛЕПЕНЬ*

НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ЕМУ ДЕЛАТЬ¹.

Да потом надумался (мужик), схватил в охапку свою жену и повалил ее на полосу, она кричит, а мужик говорит:
- Молчи!

Да все свое. Задрал ей сарафан и рубаху и поднял ноги кверху, как можно выше. Медведь увидал, что мужик дерет какую-то бабу, и говорит:

- Нет, лиса, вы со слепнем как хотите, а я ни за что не пойду к мужику!

- Отчего?

- Да оттого, посмотри-тко, вишь, он опять кого-то пежит!

ВОТ ЛИСА СМОТРЕЛА, СМОТРЕЛА И ГОВОРИТ:

- И ТОЧНО, ТВОЯ ПРАВДА, В САМОМ ДЕЛЕ ОН КОМУ-ТО НОГИ
ЛОМАЕТ!

Я СЛЕПЕНЬ ГЛЯДЕЛ, ГЛЯДЕЛ И СЕБЕ ТОЖЕ ГОВОРИТ:

- СОВСЕМ НЕ ТО, - ОН КОМУ-ТО СОЛОМИНУ В ЖОПУ ПИХАЕТ!

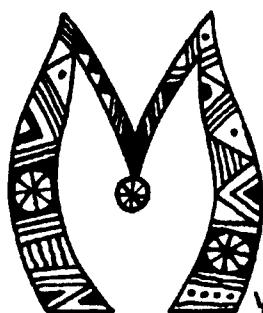
Всякий, знать, свою беду понимает; ну, однако, слепень
лучше всех отгадал. Медведь с лисой ударились в лес, а
мужик остался цел и невредим.

* Начало сказки известно.

¹ Начало см.: Народные русские сказки А. И. Яфанаусьева. В 3 тт. М., 1957, т1, с. 71-72.
Сказка 48.

КОТ И ЛИСА

Ужник прогнал из дома блудливого кота в лес. Я в этом лесу жила-была лиса, да такая вляды! Все валялась с волками да медведями. Повстречала она кота, разговорились о том о сем. Лиса и говорит:

- Ты, Котофей Иванович, холост, а я незамужняя жена! Возьми меня за себя.

Кот согласился. Пошел у них пир и веселье, после пира надо коту по обряду иметь с лисицей грех. Кот влез на лису, не столько едет, сколько когтями дерет, а сам еще кричит:

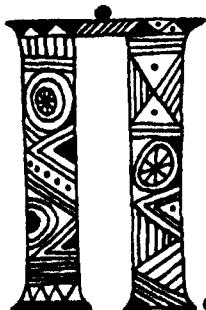
- Мало, мало, мало!

- Вот еще какой! - сказала лисица, - ему все мало!..

ВОШЬ И БЛОХА*

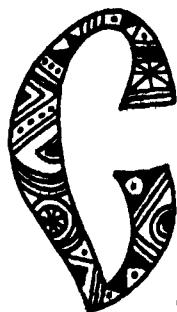

овстречала вошь блоху:

- Ты куда?
 - Иду иочевать в бабью пизду.
 - Ну, а я залезу к тебе в жопу.
- И разошлись. На другой день встретились опять.
- Ну, каково спалось? - спрашивает вошь.
 - Уж не говори! Такого страха набралась; пришел ко мне какой-то лысый и стал за мной гоняться, уж я прыгала, прыгала, и туда-то и сюда-то, а он все за мной, а потом как плюнет на меня и ушел!
 - Что ж, кумушка, и ко мне двое стучались, да я притаилась, они постучали себе, постучали, да с тем и прочь пошли.

* Эта сказка записана в Бородинской губернии.

СОБАКА И ДЯТЕЛ*

ТАЛА БАБА ЛОВИТЬ ДЯТЛА¹ И ПОЙМАЛА-ТАКИ, И ПОСАДИЛА ПОД РЕШЕТО. ПРИЕХАЛ ДОМОЙ МУЖИК, ХОЗЯЙКА ЕГО ВСТРЕЧАЕТ.

- Ну, жена, - говорит он, - со мной на дороге несчастье случилось.

- Ну, муж, - говорит она, - и со мною несчастье!

Рассказали друг другу все как было.

- Где же теперь дятел? Улетел? - спросил мужик.

- Я его поймала и под решето посадила.

- Хорошо же, я с ним разделяюсь, съем его живого!

Открыл решето и только хотел взять дятла в зубы - он порхнул ему прямо в рот живой и проскочил головкою в жопу. Высунул из мужиковой жопы голову, закричал:

- Жив, жив! - и спрятался, потом опять высунет голову и

опять закричит; не дает мужику спокою,

видит мужик, что беда, и говорит хозяйке:

- Возьми-ка полено, а я стану раком, как только дятел высунет голову, ты его хорошенько и ограй поленом-то!

Стал раком, жена взяла полено, и только дятел высунул голову - махнула поленом, в дятла-то не попала, а мужику жопу отшибла. Что делать мужику, никак не выживет из себя дятла, все просунет голову из жопы да и кричит:

- Жив, жив!

- Возьми-ка, - говорит он жене, - острую косу, а я опять стану раком, и как только высунет дятел голову - ты и отмахни ее косою.

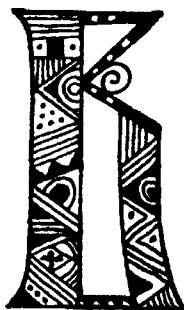
Взяла жена острую косу, а мужик стал раком. Только высунула птица голову, хозяйка ударила ее косою, головы дятла не отрезала, а жопу мужику отхватила. Дятел улетел, а мужик весь кровью изошел и помер.

* Начало сказки известно.

¹ Начало см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 тт. М., 1957, т1. С. 95-97.
Сказки 66 и 67.

ПИЗДЯ И ЖОПА

ОДНО ВРЕМЯ ПОСПОРИЛИ МЕЖ СОВОЙ ПИЗДА И ЖОПА, И ТАКОЙ ПОДНЯЛИ ШУМ, ЧТО СВЯТЫХ ВЫНОСИ! ПИЗДА ГОВОРИТ ЖОПЕ:

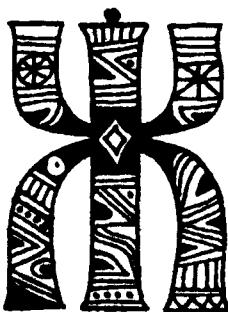
- Ты бы, мерзавка, лучше молчала! Ты знаешь, что ко мне каждую ночь ходит хороший гость, а в ту пору ты только вздишь да коптишь.

- Ях ты подлая пиздюга! - говорит ей жопа. - Когда тебя ебут, по мне слюни текут - я ведь молчу!

Все это давно было, еще в то время, когда ножей не знали, хуем говядину рубили.

МОЙ ЖОПУ*

или муж да жена. Вот, бывало, как подает жена мужу обедать, он и начнет ее колотить, а сам еще и приговаривает:

- Мой жопу, мой жопу!

Вот она и начнет мыть жопу, трет ее и песком и рогожею, так что кровь пойдет, а только что подаст мужу обедать, он начнет ее колотить и опять приговаривает:

- Мой жопу, мой жопу!

Вот она и говорит своей тетке:

- Что это, тетушка, когда я подаю мужу обедать, он всегда меня выбьет и приговаривает: мой жопу, мой жопу - кажется, я и так мою, даже до крови растираю!

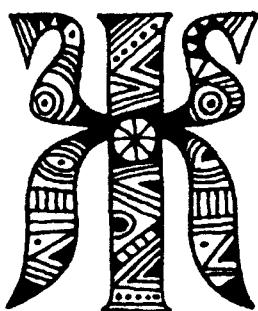
- Эх ты, дура-дуря! Ты мой-та жопу, да не свою, а у чашки.

Как стала мыть жопу у чашки, так и перестал ее бить муж.

* Записана в Малоархангельском уезде.

ХУДО НЕ ХУДО*

ЕРНОВА ПО ВОДЕ ПЛАВЛЮТ, НА НИХ СОБАКА СИДИТ,
ГОЛОВУ СОГНУВШИ, ХВОСТ В ЖОПУ ВОТКНУВШИ, ПОВИЗГИВАЕТ,
ЛАПУ ПОЛИЗЫВАЕТ.

- Ты ехал мимо архиерейского дома?
- Ехал; там кони поседланы, седоки посажены, в трубы играют, черт знает кого, Ебена мать, величают! Говорят, архиерея на соловой кобыле венчают...
- Я ростовского медведя видел?
- Видел.
- Каков?
- Серый!
- Какой, Ебена мать, медведь? Пошел к хую, не бредь! Это волк.
- Хуй те в лов! У нас волк по лесу побегивает, ушами

ПОДЕРГИВАЕТ.

- Это заяц.
- Кляп ты знаешь! Это трус.
- Говна тебе кус!.. **

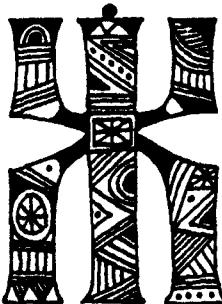
* Записана в Малоархангельском уезде.

** Вариант.

- Видел архиерей?
- Видел.
- Какой же он?
- На четырех ногах ходит, на цепи его волят, золотое кольцо через нос продето, а собаки на него так и лают.
- Дурак же ты, это медведь.
- Поди к хую, не бредь.

ДУРЕнь

или мужик да баба, у них был сын дурак. Задумал он, как бы жениться да поспать с женою. То и дело пристает к отцу:

- Жени меня, батюшка!

Отец и говорит ему:

- Погоди сыночка, еще рано тебя женить, хуй твой не достает еще до жопы, когда достанет до жопы, в ту пору тебя и женю.

Вот сын схватился руками за хуй, натянул его как можно крепче, посмотрел - и точно правда, не достает немногого до жопы.

- Да, - говорит, - и то рано мне жениться, хуй еще маленький, до жопы не хватает! Надо повременить годик-другой.

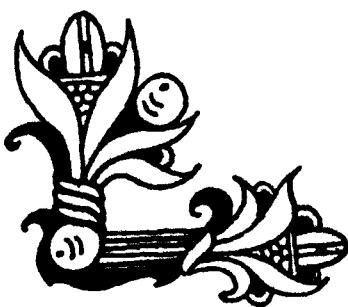
ВРЕМЯ СЕБЕ ИДЕТ, А ДУРАКУ ТОЛЬКО И РАБОТЫ, ЧТО ВЫТАГИВАТЬ СЕБЕ ХУЙ. И ВСЕ-ТАКИ ДОБИЛСЯ ОН ТОЛКУ, СТАЛ ХУЙ ЕГО ДОСТАВАТЬ НЕ ТОЛЬКО ДО ЖОПЫ - И ЧЕРЕЗ ХВАТАЕТ.

- НЕ СТЫДНО БУДЕТ И С ЖЕНОЮ СПАТЬ, САМ ЕЕ УДОВОЛЬСТВУЮ, НЕ ПУЩУ В ЧУЖИЕ ЛЮДИ!

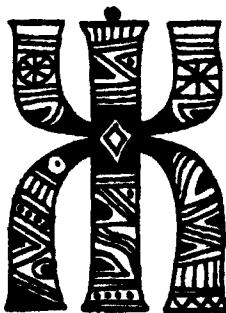
ОТЕЦ ПОДУМАЛ СЕБЕ: "КАКОГО ОЖИДАТЬ ОТ ДУРАКА ТОЛКУ?"
СКАЗАЛ ЕМУ:

- Ну, сынок, когда хуй у тебя такой большой вырос, что через жопу хватает, то и женить тебя не для чего; живи холостой. Сиди дома, да своим хуем еби себя в жопу.

ТЕМ ДЕЛО И КОНЧИЛОСЬ.

ЩУЧЬЯ ГОЛОВА

или-были мужик да баба, у них была дочь, девка молодая. Пошла она бороновать огород; бороновала, бороновала, только и позвали ее в избу блины есть. Она пошла, а лошадь совсем с бороною оставила в огороде:

- Пущай постоит, пока ворочусь.

Только у ихнего соседа был сын - парень глупой. Давно хотелось ему поддеть эту девку, а как - не придумает. Увидал он лошадь с бороною, перелез через изгородь, выпряг коня и завел его в свой огород. Борону хоть и оставил на старом месте, да оглобли-то просунул сквозь изгородь к себе и запряг опять лошадь-то. Девка пришла и дала сиву:

- Что бы это такое - борона на одной стороне забора, а лошадь на другой?

И давай бить кнутом свою клячу да приговаривать:

- Какой черт тебя занес! Умела втесаться, умей и вылезать; ну, ну, выноси!

Я парень стоит, смотрит да посмеивается.

- Хочешь, - говорит, - помогу, только ты дай мне...

Девка-то была воровата:

- Пожалуй, - говорит, а у нее на примете была старая щучья голова, на огороде валялась, разинувши пасть. Она подняла ту голову, засунула в рукав и говорит:

- Я к тебе не полезу, да и ты сюда-то не лазь, чтоб не увидал кто; а давай-ка лучше сквозь этот тынок. Скорей просовывай кляп-то, а уж я тебе наставлю.

Парень вздрогнул кляп и просунул его сквозь тын, а девка взяла щучью голову, раззявила ее и насадила на плеши. Он как дернет - и ссадил хуй до крови. Ухватился за кляп руками и побежал домой, сел в угол и помалкивает.

- Ях, мать ее так,-думает про себя, - да как больно пиздато у нее кусается! Только бы хуй зажил, а то я сроду ни у какой девки просить не стану!

Вот пришла пора; вздумали женить этого парня, сосватали его на соседской девке и женили. Живут они день, и другой, и третий, живут и неделю, другую и третью. Парень боится и дотронуться до жены. Вот надо ехать к теще; поехали.

Дорогой молодая-то и говорит мужу:

- Послушай-ка, милый Данилушка! Что же ты женился, а дела со мной не имеешь? Коли не сможешь, на что было чужой

ВЕК ЗАЕДАТЬ ДАРОМ?

И Данило ей:

- Нет, теперь ты меня не обманешь! У тебя пизда кусается. Мой кляп с тех пор долго болел, насилия зажил.

- Врешь, - говорит она, - Это я в то время пошутила над тобою, а теперь не бойся. На-ка попробуй хоша дорогою, самому полюбится.

Тут его взяла охота, заворотил ей подол и сказал:

- Постой, Барюха, дай-касся я тебе ноги привяжу, коли станет кусаться, так я смогу выскоичить да уйти.

Отвязал он вожжи и скрутил ей голые ляжки. Струмент у него был порядочный, как надавил он Барюху-та, как она закричит благим матом, а лошадь была молодая, испугалась и начала мыкать (саны то туда, то сюда), вывалила парня, а Барюху так с голыми ляжками и примчала на Тецин двор. Теша смотрит в окно, видит: лошадь-то зятева, и подумала, верно это он говядины к празднику привез, пошла встречать, а то ее дочка.

- Ах, матушка,-кричит, - развязжи-ка поскорей, покедова никто не видал.

Старуха развязала ее, расспросила, что и как .

- И муж где?

- Да его лошадь вывалила!

Бот вошли в избу, смотрят в окно - идет Данилка, подошел к мальчишкам, что в бабки играли, остановился и загляделся.

Теца послала за ним старшую дочь. Та приходит:

- Здравствуй, Данила Иванович!
- Здорово.
- Иди в избу, только тебя и недостает!
- Я Варвара у вас?
- У нас.
- Я кровь у нее унялась?

Та плюнула и ушла от него. Теца послала за ним сноху; эта ему угодила.

- Пойдем, пойдем, Данилушка, уж кровь давно унялась.
- Привела его в избу, а теца встречает и говорит:
- Добро пожаловать, любезный зятюшка!
 - Я Варвара у вас?
 - У нас.
 - Я кровь у нее унялась?
 - Давно унялась.

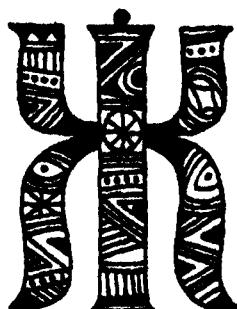
Вот он вытащил свой кляп, показывает теце и говорит:

- Вот, матушка, это шило все в ней было!
- Ну, ну, садись, пора обедать.

Сели и стали пить и есть. Как подали яичницу, дураку и захотелось всю ее одному съесть, вот он и придумал, да и ловко же вытащил кляп, ударил по плечи ложкою и сказал:

- Вот это шило все в Варюхе было! - да и начал мешать своей ложкою яичницу. Тут делать нечего, полезли все из-за стола вон, а он приел яичницу один и стал благодарствовать теце за хлеб за соль.

ЖЕНИТЬБА ДУРНЯ

ИВ БУВ СОБИ КАЗАК, У ЕГО БУЛА ЖИНКА И ЕЩЕ БУВ СЫН ГРИЦЬКО. ГРИЦЬКО ХОДЫВ В СТЕПУ ЗА ВИВЦЯМИ. ОТ ДИД С БАБОЮ ЗМОВЛЯЮТЬСЯ:

- Стара! ТРЕВА НАМ ГРИЦЬКА ОЖЕНИТЬ.

- ЯК ЖЕНИТЬ, ТАК ЖЕНИТЬ! - ПОСЛАЛЫ ВОНЫ ЗА ГРИЦЬКОМ.

ПРИХОДЕ НАЙМИТ ДА И КАЖЕ:

- ЗДОРОВ БУВ, ПАНОЧЕ! БАТЬКО ЗВИЛИВ ТОБИ ИТЫ ДО ГОСПОДИВ.

ПРИЙШОВ ДО ДОМУ, УСТРИЧАЮТ ЙОГО БАТЬКО И МАТЕ:

- ЗДОРОВ БУВ, СЫНКУ! ЯК СОБИ МАЕШЬ?

- СЛАВА БОГУ, ТАТО И МАМО, ПОМАЛЕНЬКУ. Я ЧОГО-ЦЕ ВЫ МЕНЕ ДО ДОМУ ЗВАЛЫ?

Я БАТЬКО КАЖЕ:

- ТА ВЖЕ-Ж Я - СТАРЫЙ И МАТЕ ТВОЯ - СТАРА, ТАК ТРЕВА ТЕБЕ ОЖЕНИТЬ.

- НЕ ХОЧУ! ПИДУ СОБИ У СТЕП.

- Почекай (подожди) лышинъ трохи: мы порадамось (рада-совет) з добрыми людьми, як воны скажуть.

- Ну, добра!

От добри люди присовитовалы, шоб даты йому борошня (зерно, хлеб) мишкив шисть и послаты на базар; та-й звилнть йому, шоб вин не продавав ни евреям, ни купцям, ни старым бабам, а продавав дивчатам и молодыцям и просыв бы з их за борошно ебелки. Прийшов старый до дому та й каже:

- Сынку! Бери пару волив, запрягай у виз и йидь на базар та везы шисть мишкив борошня; тилко не продавай евреям, купцям и старым бабам, а продавай дивчатам та молодыцям.

От вин үзяв пару волив, заприг, наклав на виз борошня и повиз у мисто. Пидъихав к базару, устричае його еврей.

- Здорово був, паноче! Шо таке у вас е продажне?

- Ничего нема, бисик еврей!

Подходит купец:

- Шо таке, паноче, продаєте?

- Ничего нема!

Оце подхое к йому молодыця и пытае:

- Шо таке продажне?

Вин каже:

- Борошно.

- Я скілько є?

- Шисть мишкив.

- Я шо просите за його?

- Та дай ебелки!

Бона подыбилась на парубка и каже:

- Чи не можно менши узять?
- Ни, не возьму; як дасы ебелку, так оддам.
- Везы ж за мною.

Вин зараз:

- Гей, гей!

И прииҳав до ней на двер и пытае:

- Куды ж мини зносыть?

Бона показала йому, а сама пишла, прыготавыла меду и паляныць, та и говорнты:

- Иди сюда, паноче!

Вин приишов у хату.

- Здоров був, паноче! Сидай та и ніжъ ебелку.

Вин сив и зачав опиздячиватъ, найися и каже:

- Спасыби за ебелку.

Бона отвича:

- Богу святому дякую!

Прииҳав до дому, батьо и мате пытаютъ:

- Я цо, сынко! Продав борошня?

- Продав.

- Я за що продав?

- За ебелку.

- Я цо, сынку, гарна ебелка?

- Та така соладка, цо и сказать не можно.

- Ну, сынку, женысь, и у твоей жинци буде!

- Колы так, то й женить мене!

- Ну, стара, - каже батько, - слава Богу! Наш Грицько

женицца захотив.

Писалы вони сваҳу к богатому мужику.

Прийшла сваҳа:

- Помогай Бог!

- Здорова була, бабуся! Я що ты нам скажешь хорошее?

- Та у вас е товар, а у мене е купец.

От и сосватала за Грицька дивчину Гапку. Тутычки выбрали дружку и бояр, созвали пойезд, пойхали до церкви и повинчали, та й начали гулять, веселицца. От вже ж треба молодых весты спать до коморы. Дружко каже:

- Ну, глядь-ж, Грицько! Чи знаєшь, де єбелка?

Я вин:

- Як не знати!

- Я де?

- Та на столи.

- Та ни, ты шукай - де волосья, там и єбелка.

- Довре.

Положили их спати и самы пийшли гуляти. Довго лежав Грицько з Гапкою и захотилось йому єбелки. Начав вин шукати по кошелям, и полкам - нигде нема, а в тий же камори стояла соха, а вверху на сохи було пидоткнuto күщем волосьев. Вин побачив тые волосья, полиз на соху, просунув руку и цупає: чи нема там єбелки! Та вже слизти с сохи воницца. Прийшов дружко пиднимати молодых, стучить:

- Добры день, молодый Грицько!

Я вин сидыть на сохи и каже:

- Здоров був!

- Я цо, Грицько, найшов волосся?
- Найшов.
- И влиз?
- Влиз, та оце лыхо - не злизу.
- Валськ набик.

Грицько зваливсь набик, удаливсь об землю и разбив соби голову до крові.

Дружко пытає:

- Я цо, зваливсь?
- Зваливсь.
- Я цо, до крові?
- Та вже ж, до крові.
- Отчиняйте ж двери.

Одчинили. Грицько зараз вискочив и побиг у степ, к своим вівцям. Біжить біля попова двора, удрог наскочив на його собаки; вин начав обороняцца, пятывся, пятывся и влиз у саму церковь, а се было у нидилю (воскресенье). Вин подивився та й каже:

- Ишь, бисови собаки, скілько нагналы сюда людей!

И дывно йому, шо людей багацько, а усі мовчат, тилько помаленку шепчуть да кланяюцца; мабуть вони кого просят, шоб их до дому довив. Я дали побачив вин попа в золотий свити, шо ходить між людей та все кланяецца; от иде вин и до Грицька. Грицько думає:

- Шо се таке? Несе вин якусь торвишку и на людей огонь кидает (речь идет о кадиле).

Поп блыжче, а Грицько йому каже:

- Помалу, батько, очи не выпечн!

Я поп усе маҳае та маҳае. Як Грицько свисне його по головин, аж вин үпав; тут люди, мабуть чоловиков пятьдесят буде, үчинялсь за дурня; вин усих их вытачив с церкви и сам пишов ү степ.

- Ну, бисовы люди, кажить мнин спасьби, а то в вы тутышки н заночувалы!

Я Гапка скучае соби без чоловика и плаче. От научилы йини, щоб вона пишла до Грицька ү степ; як буде вин стояты з ватагою виля воды, то щоб вона спытала ү його:

- Я цю, чоловиче, чи не можно тут скупатыся?

Я вин скаже:

- Чому ж неможно? Можна.

- Та може тут глыбоко? Полезай сам перши ү воду.

От так дило и здиланцця! Пишла Гапка ү степ, приходит, а вин стонть коло става (пруда).

- Здоров був, паноче!

- Здорова була!

- Я цю, чоловиче, чи можно тут скупатыся?

- Чому ж неможно?

- Та може глыбоко, покажи мнин.

Вин зараз скинув сорочку и штаны, влиз ү воду и каже:

- Бачишь, по колини.

Вона и соби влизла ү воду, повачила ү його хуй и пытає:

- Шо се таке?

Я вин каже:

- Се табака.

- На шо ж вона? Шо ты робышь з нею?
- Сыцю.
- Я чим ты йии годуешь (кормишь)?
- Та ничим.
- Ото-то вона и худа!

Я Грицько побачив у Гапки пизду, да й пытає:

- Я у тебе шо се таке?
- Поцька.
- Я на шо вона тоби?
- Табаку годовать. Хай твоя табака пойисть поцьки.
- Э, шоб вона мене укусыла! Хай йий вис!
- Ни, не укусыть.

Грицько үзяв свою гирлышу (овчарская палка) и зачав пробувати: чи не укусити? Я потім согласився погодовать свою табаку. Надрочила вона йому и направила хуй в пизду, та и придергиває. Любо стало Грицьку, бросив вин степъ и привежав до дому, и кричить:

- Тату, мамо! Де моя жинка?
- На шо вона тоби?
- Ебать хочу.
- Зараз прийде.

Я жинка тому и рада, а сама каже:

- Пидожди до обида, мате галушки варыла.

Я вин:

- Ничого не хочу, ходим годовать табаку.

И зачав йии єбать, а вона зачала пирдити; трудно йии стало, скочила и охота. Вона и говорить:

- Я, чоловиче, вже не вздужаю.

- Шо ж ровны?

- Та мини добры люды казалы, щоб нашого сусида вил полызак мини сраку, то може я и поправлюся. Пиды попроси вола!

Пийшов он до сусида:

- Нехай ваш вил моей жиньци сраку полыже?

- Нехай!

Воротився до жинки, та й каже:

- Иды! Вже пригнав вола.

От Гапка задрала хвист, уставила сраку у викно, Грицько йии придергиває; а сусидский Ивашка (бо вона з ним наперед зговорилася) як почав Гапку через сраку чесать, аж йии лыхорадка забира.

- Ну що? - каже Грицько.

- Та мало полегчило!

Я потом і сам Грицько заболив і каже:

- Жинка, пиды, попросы сусидова вола, щоб мини сраку полызак.

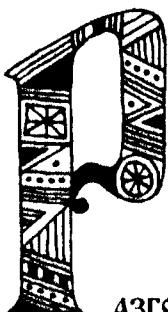
Вина пийшла и выпросыла вола:

- Ну уставай, иды до викна!

От вин спустые штаны и выпятив у викно сраку, а вил як вдарить його по тий сраци, аж через голову вин перевернулся!

БОЯЗЛИВАЯ НЕВЕСТА

азговорились про меж себя две девки.

- Как ты - а я, девушка, замуж не пойду!
 - Я что за неволя идти-то! Ведь мы не господские.
 - Я видала ль ты, девушка, тот струмент, каким нас провоют?
 - Бидала.
 - Ну и что же - толст?
 - Ях, девушка, право, у другого толщиною будет с руку.
 - Да это и жива-то не будешь!
 - Пойдем-ка, я потычу тебя соломинкою - и то больно!
- Поглупей-то легла, а поумней-то стала ей тыкать соломинкою.
- Ох, больно!
- Бот одну девку отец приневолил и отдал замуж.

Оттерпела она две ночи и приходит к своей подруге.

- Здравствуй, девушка!

Та сейчас ее расспрашивать, что и как.

- Ну, - говорит молодая, - если б да я знала, ведала про это дело, не послушалась бы ни отца, ни матери. Уж я думала, что и жива-то не буду, и небо-то мне с овчинку показалось!

Так девку напугала, что и не поминай ей про женихов.

- Не пойду, - говорит, - ни за кого, разве отец силою заставит, и то выйду ради одной славы за какого-нибудь безмудрого.

Только был в этой деревне молодой парень, круглый ведняк; хорошую девку за него не отдают, а худой самому взять не хочется. Вот он и подслушал ихний разговор.

- Погоди же, - думает, - мать твою так! Улучу время, скажу, что у меня кляпа-то нет!

Раз как-то пошла девушка к обедне, смотрит, а парень гонит свою худенькую да некованую клячу на водопой. Вот лошаденка идет, идет, да и спотыкнется, а девка так смехом и заливается. Я тут пришлась еще крутая горка, лошадь стала взбираться, упала и покатилась назад. Рассердился парень, ухватил ее за хвост и начал бить немилостиво да приговаривать:

- Вставай, чтоб тебя ободрало!

- За что ты ее, разбойник, бьешь? - говорит девка.

Он поднял хвост, смотрит и говорит:

- Я что с ней делать-то? Теперь бы ее есть да есть, да хуя-то нет!

Как услышала она эти речи, так тут же и усмалась от радости и говорит себе:

- Вот Господь дает мне жениха за мою простоту!

Пришла домой, села в задний угол и надула губы. Стали все за обед садиться, зовут ее, а она сердито отвечает:

- Не хочу!

- Поди, Дунюшка! - говорит мать, - или о чем раздумалась? Скажи-ка мне.

И отец говорит:

- Ну, что губы-то надула? Может, замуж захотела? Хошь за этого, а не то за этого?

Я у девки одно в голове, как бы выйти замуж за безмудрого Ивана.

- Не хочу, - говорит, - ни за кого; хотите отдайте, хотите нет за Ивана.

- Что ты, дурица, взбесилась али с ума спятила? Ты с ним по миру находишься!

- Знать, моя судьба такая! Не отдадите - пойду утоплюсь, не то удавлюсь.

Что будешь делать? Прежде старик и на глаза не принимал этого бедняка Ивана, а тут сам пошел навиваться со своею дочерью. Приходит, а Иван сидит да чинит старый лапоть.

- Здорово, Иванушка!

- Здорово, старик!
- Что поделываешь?
- Хочу лапти заковыривать.
- Лапти? Ходил бы в новых сапогах.
- Я на лыки-то насилиу набрал пятнадцать копеек; куда уж тут сапоги?

- Я что ж ты, Баня, не женишься?
- Да кто за меня отдаст девку-то?
- Хочешь, я отдам. Целуй меня в самой рот!

Ну и сладили. У богатого не пиво варить, не вино курить; в ту же пору обвенчали, отпирокали, и повел дружка молодых в клеть и уложил спать. Тут дело знамое; пронял Банька молодую до руды (крови), ну да и дорога-то была туды!

- Эх, я дура глупая! - подумала Дунька. - Что я наделала? Уж ровно бы принять страху, выйтить бы мне за богатого! Да где он кляп-то взял? Дай спрошу у него. - И спросила-таки: - Послушай, Иванушка! Где ты хуй-то взял?

- У дяди на одну ночь занял.
- Ях, голубчик, попроси у него еще хоть на одну ночку. Прошла и другая ночь; она опять говорит:
- Ях, голубчик, спроси у дяди, не продаст ли тебе хуя совсем? Да торгуй хорошенько.
- Пожалуй, поторговаться можно.
Пошел к дяде, сговорился с ним злодно и приходит домой.
- Ну что?
- Да что говорить! С ним не столкнешься; 300 рублей

заломил, эдак не укупишь; где я денег-то возьму?

- Ну, сходи, попроси взаймы еще на одну ночки; а завтра я у батюшки выпрошу денег - и совсем купим.

- Нет уж, иди сама проси, а мне, право, совестно!

Пошла она к дяде, входит в избу, помолилась Богу и поклонилась.

- Здравствуй, дядюшка!

- Добро пожаловать! Что хорошего скажешь?

- Да что, дядюшка, стыдно сказать, а грех утаить; одолжите Ивану на одну ночь хуйка вашего.

Дядя задумался, повесил голову и сказал:

- Дать можно, да чужой хуй беречь надыть!

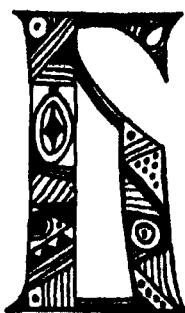
- Будем беречь, дядюшка, вот те крест! Я завтра беспременно совсем у тебя его купим.

- Ну, присылай Ивана!

Тут она кланялась ему до земли и ушла домой. Я на другой день пошла к отцу, выпросила 300 рублей и купила она себе важный кляп.

ГОРЯЧИЙ КЛЯП

ыл-жил мужик, у него была дочь. Говорит она отцу:

- Батюшка, Ванька просил у меня поеть.

- Э, дурная, зачем давать чужому, мы и сами поевем!

Взял гвоздь, разжег в печи и прямо ей в пизду и вляпал, так что она три месяца ссать не могла! И Ванька повстречал эту девку да опять начал просить:

- Дай-де мне поеть.

Она и говорит:

- Брешешь, черт Ванька! Меня батюшка поеб, так пизду обжег, что я три месяца не сала!

- Не бось, дура! У меня холодный кляп.

- Брешь, черт Ванька! Дай-ка я пощупаю.

- На, пощупай.

Она взяла его за хуй рукою и закричала:

- Их ты, черт эдакой! Биши теплой: макай в воду.

Банька стал макать в воду, да с натухи и забздел.

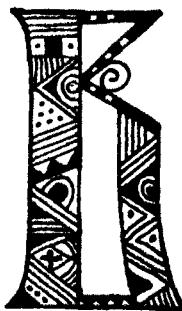
И она:

- Ишь, зашипел! Ведь сказывала, что горяч, так еже обмануть, вор, хочешь.

Так и не дала Баньке.

ПРИБЯУТКИ

а)

Черашний день я по улице гулял, видел: петух топчет курицу, воробей - воробку*; надели меня супругой - веселой и упругой. Бudeшь доволен, я знаю приворотный корень, да видя твою дурацкую рожу - приведу тебе козу. Чем же тебя благодарить, не успел киселя наварить; хотел бы сварить кашу, да расклевали куры чашу.

б)

- Где ты, сорока, была?

- Да на колу сидела.

- Да что ж ты оттуда улетела?

- Да напакостила.

- Я, напакостила! Черт же те в шею, так ты и здесь напакостишь.

в)

Был я добрый молодец, пошел я к синю морю дубище-коренище рубить; как отрубил я коренец, он ударил меня посередь яец, так

ВОТ И ТЕПЕРЬ У МЕНЯ РУБЕЦ. ПОШЕЛ Я ОТТЕДОВА ПО-НАД СИНИМ МОРЕМ И ЗАШЕЛ В КУЗНИЦУ. «КУЗНЕЦЫ, КУЗНЕЦЫ, СКУЙТЕ МНЕ ТОПОР, КРЕПОК И БОСТЕР». ВЗЯЛ ТОПОР, ИДУ ПО-НАД РЕКОЮ, А ТАМ ПРАЧКА: Я ЕСТЬЮ ПРАЧКУ КЛЯПОМ В СРАЧКУ, ОНА В ВОДУ, Я НА КОЛОДУ, ВЫСЕК ИЗ ПИЗДЫ ЛОБОК И УЕХАЛ НА ТОТ БОК.

Г)

СТОИТ ПОП НА ЛЬДУ, ПОДПЕР ХУЕМ БОРОДУ. ЕБЕНА МАТЬ - ДОЧКУ ЕБЛИ НА ЛУБОЧКУ: ЛУБОЧЕК ВОТ ГНЕТСЯ, ЧЕРНА ПИЗДА ТРЕТСЯ-ПОТИРАЕТСЯ, РАЗЪЕБАЕТСЯ. ТРАХ, ТРАХ, ТРАХ! ЕБЕТ СТАРУХУ МОНАХ НА ОСИНОВЫХ ДРОВАХ - ТРИ ПОЛЕНА В ГОЛОВАХ.

Д)

В ПИЗДЕ ЧЕРВИ ЗАВЕЛИСЬ, НЕМНОЖЕЧКО ПРОТОЧИЛИ - ТРИ КАРЕТЫ ПРОСКОЧИЛИ. ГАРНИЗОННЫЙ КАПИТАН В ПИЗДЕ РОТУ ОБУЧАЛ, САМ НА СЕКЕЛЕ СТОЯЛ, ДА И САБЛЕЮ МАХАЛ, НИГДЕ КРАЯ НЕ ДОСТАЛ.

Е)

ИЗ МОНАСТЫРЯ БОГОЛЮБОВА ИДУТ СТАРЦЫ СТАНИЦАМИ; ВПЕРЕДИ ИДЕТ САМ ИГУМЕН, НИЧЕГО ОН НЕ ГУНИТ (СКАЖЕТ). СОСТРОИМ ЖЕ, БРАТИЯ, КЕЛЬЮ ПОД ЕЛЮ, ПРОТОРИМ ДОРОЖКУ В ДЕРЕВНЮ, ЧТОБ МОЛОДЫЕ БАБЫ ХОДИЛИ, ПЕЧЕНЫЕ ЯЙЦА НОСИЛИ, НАС, МОЛОДЦОВ, КОРМИЛИ.

Ж)

ЗАДУМАЛ НАШ ДЯДЮШКА ЖЕНИТЬСЯ НА СИВОЙ КОБЫЛЕ. СТАЛИ МЫ СВОЕГО ДЯДЮШКУ ЖЕНИТИ В ЧЕТЫРЕ СВАХИ ДУБОВЫЕ, ПЯТА СВАХА ВЯЗОВАЯ. С ТОЙ РАДОСТИ НАШ ДЯДЮШКА УСРАЛСЯ, КРУГОМ ГОВНОМ ОБКЛАЛСЯ, ДОМОЙ ПРИШЕЛ - НЕ СКАЗАЛСЯ.

* Вариант. ПЕТУХ КУРИЦУ ТОПЧЕТ, ОНА ПОД НИМ КЛОКЧЕТ.

СТАРЧЕСКИЙ СТИХ*

K

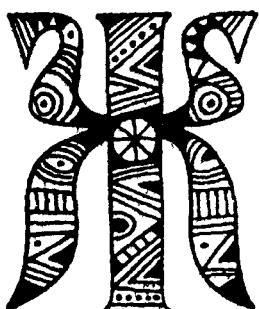
ак у Спаса на Новом
Архимандрит был новой,
Строители-разорители,
Экономы-пустодомы;
Они рано нас будили,
Понемногу нам пить давали.
Рассердимся мы, братия,
Не пойдем ни к обедне-заутрене,
Ни к тому ли честному молебну!
Будет нас игумен просить,
Будет кланяться.
Выкатят нам, братия,
Бочки дубовые,
Подадут нам, братия,

Ковши ЖЕЛЕЗНЫЕ,
Размахнем, почерпнем,
По компания обнесем,
Кому два — кому три,
Мне четыре ковша;
Каваки возрадуются,
Я пьяницы возвеселятся.

* Московские слепцы знают этот стих в полнейшем виде и с более интересным вариантом.

семейные разговоры

Ил-был мужик, у него была жена, дочь да два сына - еще малые ребята. Раз пошла мать с детьми в баню, посыпалась черное белье и начала стирать его, стоя над корытом, а к мальчикам-то повернулась жопою. Вот они смотрят да смеются:

- Эх, Индрюшка! Посмотри-ка, ведь у матушки две пизды.

- Что ты врешь! Это - одна, да только раздвоилась.

- Ях вы сопливые черти! - закричала на них мать. - Биши что выдумали!

Пришла баба в избу, легла с дочкино на печь, и стали между собою разговаривать.

- Ну, дочка! - сказывает мать, - скоро тебя замуж пора отдавать; будешь тогда с мужем жить, а не с нами...

- Коли так, я и замуж не хочу!
 - Что ты, что ты, глупая! Да чего тебе бояться? Добрые девки еще тому радуются.
 - Да чего радоваться-то?
 - Как чего? Переспишь с мужем первую ночь, променяешь тады и отца с матерью на него, понравится тебе сладче меду и сахару.
 - Отчего же, матушка, так сладко и где у них эта сладость?
 - Ях ты какая глупая! Вить ты ходила маленькою с отцом в баню-то?
 - Ходила, - говорит дочь.
 - Ну, видела ты у отца на конце зарубку?
 - Видела, матушка!
 - Вот это и есть самая сласть.
- Я дочь говорит:
- Коли бы эдак зарубить зарубок пять, тады в еще сладче было!
- Отец лежал, лежал на полатях, слушал, слушал, не утерпел и закричал:
- Ях вы разбойницы! Хуй вам в горло! Про что говорят! Мне для вашей сласти не разрубить своего хуя на мелкие части.
- Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то хуя мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ЖЕНИХА С НЕВЕСТОЮ

A large, stylized letter 'Y' filled with intricate black and white patterns, resembling traditional folk art or embroidery.

одного старика был сын, парень взрослый, у другого дочь - девка на поре. И задумали они оженить их.

- Ну, Иванушка! - говорит отец. - Я хочу женить тебя на соседской дочери, сойдись-ка с нею да поговори ладнее да поласковее!

- Ну, Машутка! - говорит другой старик. - Я хочу отдать тебя за соседского сына, сойдись-ка с ним, да ладнее познакомься!

Бот они сошлися на улице, поздоровались.

- Мне отец велел с тобой, Иванушка, ладнее познакомиться, - говорит девка.

- И мне то же наказывал мой батька, - говорит парень.

- Как же быть-то? Ты где, Иванушка, спиши?
- В сенцах.
- Я в амбарушке; приходи ночью ко мне, так мы с тобою и поговорим ладнее...
- Ну что ж!

Бот пришел Иванушка ночью и лег с Машуткою. Она и спрашивает:

- Шел ты мимо гумна?
- Шел.
- Я что, видел кучу говна?
- Видел.
- Это я насыпала.
- Ничего - велика!
- Как же нам с тобою поладить? Надо посмотреть, хорошо ли у тебя струмент?

- На, посмотри, - сказал он и развязал гашник, - я этим вогат!

- Да эдакой-то мне велик! Посмотри, какая у меня маленькая!

- Дай-ка я попробую: придется ли?
- И стал пробовать; хуй у него колом стоит; как махнет ее
- ажно из всех сил она закричала:

- Ох, как больно кусается!
- Не бось! Ему места мало, так он и сердится.
- Ну вот, я ведь сказывала, что места-то для него мало!
- Погоди, будет и просторно. - Как проверял ее власть,

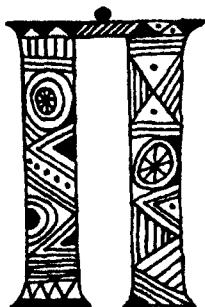
она и говорит: «Ах, душечка! Да твоим богатством можно
денежки доставать!»

Покончили и заснули; проснулась она ночью и ну целовать
его в жопу - думает, в лицо, а он как подпустил сытности -
девка и говорит: «Ишь, Ваня, от тебя цингой пахнет!..»

МУЖИК И БАРИН

ришел барин в праздник к обедне, стоит и молится Богу; вдруг откуду-то ни возьмись - стал впереди него мужик, и этот сукун сын согрешил, так набздел, что прodoхнуть не можно.

- Эка подлец! Как навонял, - думает барин. Подошел к мужику, вынул целковый денег, держит в руке и спрашивает:

- Послушай, мужичок! Это ты так хорошо насрал?

Мужик увидал деньги и говорит:

- Я, барин!

- Ну вот, братец! На тебе за это рубль денег.

Мужик взял и думает:

- Верно, барин уж очень любит бздех, надо каждой праздник ходить в церковь да около него становиться: он и всегда по целковому будет давать.

Отошла обедня, разошлись все по домам. Мужик - прямо

к соседу своему и рассказал, как и что с ним было.

- Ну, брат, - говорит сосед, - теперича, как дождем праздника - пойдем оба в церковь; вдвоем мы еще больше набздим; он обеем (обоим) нам даст денег!

Бот дождались они праздника, пошли в церковь, стали впереди Барина и напустили вони на всю церковь. Барин подошел к ним и спрашует:

- Послушайте, ребята, это вы так хорошо насрали?

- Мы, судары!

- Ну, спасибо вам; да жалко, со мной теперича денег не случилось. Я вы, ребята, как отойдет обедня, пообедайте поплотней да приходите ко мне на дом набздеть хорошенъко, я вам тогда заодно заплачу.

- Слушаем, Барин! Нынче же к вашей милости оба придем.

Как покончилась обедня, мужики пошли домой обедать, нажрались - и к Барину. Я Барин приготовил им добрый подарок - розог да палок; встречает их и говорит:

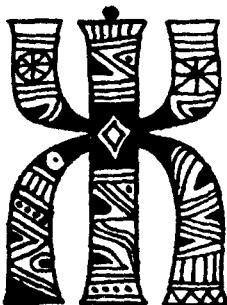
- Что, ребята, побздеть пришли?

- Точно так, судары!

- Спасибо, спасибо вам! Да как же, молодцы, вить надо раздеться, а то на вас одежи много - не скоро дух прошибет.

Мужики посыдали армяки да поддевки, спустили портки и долой рубашки. Барин махнул слугам своим; как они схватили мужиков, растянули их да начали парить; палок пятьсот задали в спину! Насилу выбрались да вежать домой без оглядки, и одежду-то побросали.

ДОГИДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Ила-была старуха, у неё была дочь - большая неряха; за что ни возьмется, все у неё из рук валится. Пришло время - нашелся дурак, сосватал её и взял за себя замуж, пожил с ней год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости; эта ну её угождать да потчевать. И дочь ест да сказывает:

- Ах, матушка! Какой у тебя хлеб скучной, настояще ситной, а у меня такой, что и проглотить не хочется - настояще кирпич.

- Послушай, дочка! - говорит старуха. - Ты, верно, не хорошо месишь квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен; а ты попробуй квашню вымесить так, чтоб у тебя жопа была мокра! Тогда и дело будет ладно.

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить;

ПОМЕСИТ-ПОМЕСИТ, да подымет подол и пощупает: мокра ли жопа? и опять начнет месить. Часа два так месила, всю жопу выпачкала, а узнатъ не может, мокра ли у ней жопа или нет. Вот она подняла подол, стала раком и говорит сынишке:

- Подь сюды, посмотри, не видать ли, мокра ли моя жопа или нет?

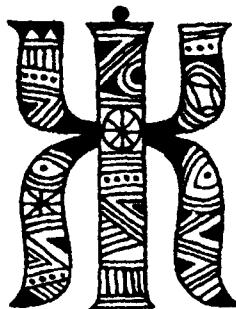
Мальчик посмотрел и говорит:

- Эге, матушка! У тебя две дырки вместе, да обе в тесте!

Тут она полно месить квашню, и спекла с того теста хлебы такие скучные, что если бы знали, как она месила - никто бы в рот не взял.

нет

ил-был барин, у него была жена и молода, и
свой хороша. Случилось этому барину куда-то уезжать
далеко; он и боится, как бы жена его не стала с кем бледовать,
и говорит:

- Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так
ты никаких господ не принимай к себе, чтоб они тебя не
смущали, а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни
сказывал - отвечай все нет да нет!

Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит себе по
саду; а мимо на ту пору проезжал офицер. Увидел барыню
такую славную и стал ее спрашивать:

- Скажите, пожалуйста, какая это деревня?

Она ему отвечает:

- Нет!

«Что бы это значило? - думает офицер, - о чём её ни спросишь - она все нет да нет!» Только офицер не будь промах:

- Ежели, говорит, я слезу с лошади да привяжу её к забору - ничего за это не будет?

Я барыня:

- Нет!

- Я если взойду к вам в сад - вы не рассердитесь?

- Нет!

Он вошел в сад.

- Я если я с вами стану гулять - вы не прогневаетесь?

- Нет!

Он пошел рядом с нею.

- Я если возьму вас за ручку - не будет вам досадно?

- Нет!

Он взял её за руку.

- Я если поведу вас в беседку - и это ничего?

- Нет!

Он привел её в беседку.

- Я если я вас положу и сам с вами лягу - вы не станете противиться?

- Нет!

Офицер положил её и говорит:

- Я если я вам да заворочу подол, вы, конечно, не будете сердиться?

- Нет!

Он заворотил ей подол, поднял ноги покруче и

спрашивает:

- Я если я вас да стану есть - вам не будет неприятно?

- Нет!

Тут он отработал ее порядком, слез с нее, полежал, да опять спрашивает:

- Вы теперь довольны?

- Нет!

- Ну, когда нет, надо еще есть. - Отзудил еще раз и спрашивает:

- Я теперь довольны?

- Нет!

Он плонул и уехал, а барыня встала и пошла в хоромы.

Бот вернулся домой барин и говорит жене:

- Ну что, все ли у тебя благополучно?

- Нет!

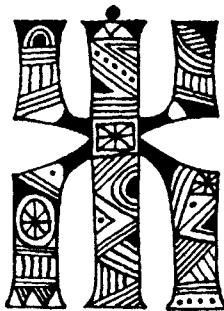
- Да что же? Не поев ли тебя кто?

- Нет!

Что ни спросит, она все: нет да нет; барин и сам не рад, что научил ее.

МУЖ НА ЯЙЦАХ

Ил мужик с бабою, мужик был ленивой, баба работягая. Вот жена землю пашет, а мужик на печи лежит. Раз как-то и поехала она орать землю, а мужик остался дома стряпать да цыплят пасти, да и тут ничего не сделал: завалился спать и проспал цыплят: всех их ворона перетаскала; бегает по двору одна квочка да кричит себе, а ему хоть трава не рости. Вот приехала хозяйка и спрашивает:

- Я где у тебя цыплята?

- Ах, женушка, беда моя! Я уснул, а ворона всех цыплят и перетаскала.

- Ах ты пес эдакой! Ну-ка, курчин сын, садись на яйца да высиживай сам цыплят.

На другой день жена поехала в поле, а мужик взял лукошко с яйцами, поставил на полатях, скинулся с себя

портки и сел на яйцах. Вот баба, не будь дура, взяла у отставного солдатика шинель и шапку, нарядилась, приезжает домой и кричит во все горло:

- Эй, хозяин! Да где ты?

Мужик полез с полатей и упал вместе с яйцами наземь.

- Это что делаешь?

- Батюшка служивой! Домовничаю.

- Да разве у тебя жены нету?

- Есть, да в поле работает.

- Я ты что ж сидишь дома?

- Я цыплят высиживаю.

- Их ты, сукин сын! - И давай его плетью дуть изо всех сил да приговаривать:

- Не сиди дома, не высиживай цыплят, а работай да землю пши.

- Буду, батюшка, и работать и пахать, ей-Богу, буду!

- Врешь, подлец!

Била его баба, била, потом подняла ногу:

- Посмотри, сукин сын! Был я на стражении, так меня ранили - что, поджигает моя рана? Или нет?

Смотрит мужик жене в пизду и говорит:

- Заволакивает, батюшка!

Баба ушла, переоделась в свою бабью одежду и назад домой, а муж сидит да охает.

- Что ты охаеть?

- Да приходил солдат, всего меня плетью избил.

- За что?

- Белит работать.

- Давно бы так надо! Жалко, что меня дома не было, я бы попросила еще прибавить.

- Ну да ладно же, и он издохнет!

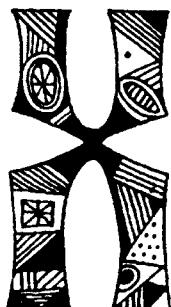
- Это отчего?

- Да был он на сгражении, там его промеж ног... он мне показывал свою рану да спрашивал: «Поджигает ли?» Я сказал: «Заволакивает - только больно рдится, а кругом мохом обросло!»

С тех пор стал мужик работать и на пашню ездить, а баба домовничать.

ОХОТНИК И ЛЕШИЙ

одил охотник по лесу, ходил-ходил и ничего не увидел, нарывал орехов и грызет себе. Попадается ему навстречу дедушка леший:

- Дай, - говорит, - орешков.

Он дал ему пулю. Вот леший грыз ее, грыз, никак не сладит и говорит:

- Я не разгрызу!

Охотник ему:

- Да ты выхолощен или нет?

- Нет!

- То-то и есть! Давай я тебя охолощу, так и станешь грызть орехи.

Леший согласился. Охотник взял, защемил ему хуй и муде между осинами.

- Пусти, кричит леший, - пусти! Не хочу твоих орехов.

- Бреешь, будешь грызть!

Вырезал ему яйца, выпустил и дал взаправский орех.
Леший разгрыз.

- Ну вот, ведь я сказывал, что будешь грызть!

Пошел охотник в одну сторону, а леший пошел в другую сторону и грозит ему:

- Ну ладно! Придешь овин сушить, я сыграю с тобою штуку!

Пришел охотник домой, сел на лавку и говорит:

- Ох, жена! Я устал, поди-ка ты овин сушить.

Баба пошла в овин, разверла огонь и легла у стеники. Вот приходят два лесовика и говорят промеж себя:

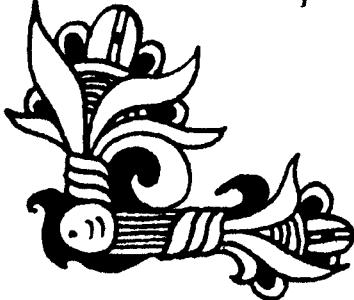
- Давай-ка зажгем овин!

- Нет, давай наперво посмотрим, такова ли у него рана, какую он у тебя сделал?

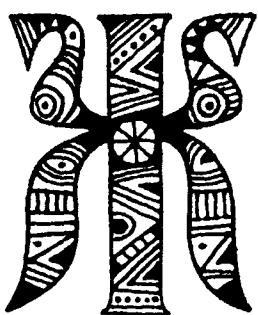
Посмотрели.

- Ну, брат! У него еще больше твоей, видишь, как рассажена, больше шапки, да какая красная!

И пошли они прочь - в свой лес.

МУЖИК И ЧЕРТ

ил-был мужик. Посеял он репу. Приходит время репу рвать, а она не поспела; тут он с досады и сказал:

- Чтоб черт тебя побрал! - Я сам ушел с поля.

Проходит месяц, жена и говорит:

- Ступай на полосу, может статься, наберешь репы.

Отправился мужик, пришел на полосу, видит - репа большая да славная уродилась, давай ее рвать. Едруг бежит старичок и кричит на мужика:

- Зачем воруешь мою репу?

- Какая твоя?

- Я как же, разве ты мне ее не отдал, когда она еще не поспела? Я старался, поливал ее!

- Я я садил.

- Не буду спорить, - сказал черт, - ты точно ее садил, да

я поливал. Давай вот что: приезжай на чем хошь сюда, и я приеду. Если ты узнаешь, на чем я приеду, - то твоя репа; если я узнаю, на чем ты приедешь, - то моя репа.

Мужик согласился. На другой день он взял с собой жену и, подойдя к полосе, поставил ее раком, заворотил подол, воткнул ей в пизду морковь, а волосы на голове растрепал. Я черт поймал зайца, сел на него, приехал и спрашивал мужика:

- На чем я приехал?
- Я что ест? - спросил мужик.
- Осину гложет.
- Так это заяц!

Стал черт узнавать: ходил, ходил кругом и говорит:

- Волоса - это хвост, а это голова, а ест морковь!

Тут черт совсем спутался.

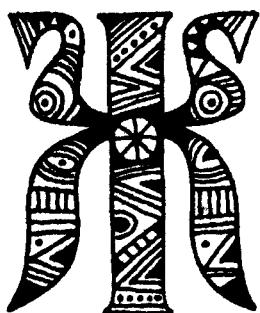
- Владей, - говорит, - мужик, репою!

Мужик вырыл репу, продал и стал себе жить да поживать.

МУЖИК ЗА БАБЬЕЙ РАБОТОЙ

ИЛ-был мужик с женою, дождались лета, пришло жнитво, стали они ходить в поле да жать. Вот каждое утро разбудит баба мужика пораньше; он поедет в поле, а баба останется дома, стопит печку, сварит обед, нальет кувшинчики и понесет мужку обедать, да до вечера и жнет с ним в поле. Воротятся вечером домой, а наутро опять то же. Надоела мужику работа; стала баба его будить и посыпать на поле, а он не встает и ругает свою хозяйку:

- Нет, бляды! Ступай-ка ты наперед, я дома останусь; а то я все хожу на поле рано, а ты спиши только да придешь ко мне ужке тады, когда я досыта наработаюсь!

Сколько жена ни посыпала его, мужик уперся на одном слове:

- Не пойду!

- Нынче суббота, - говорит жена, - надо много в доме работать: рубахи перемыть, пшено на кашу натолочь, квашню растворить, кринку сметаны на масло к завтрему склопить...

- Я и сам это обделаю! - говорит мужик.

- Ну, смотри ж, сделай! Я тебе все приготовлю.

И принесла ему большой узел черных рубах, муки для квашни, кринку сметаны для масла, проса для каши, да еще приказала ему караулить курицу с цыплятами, а сама взяла серп и пошла в поле.

- Ну, еще маленько посплю! - сказал мужик и завалился спать да и проспал до самого обеда. Проснулся в полдень, видит - работы куча, не знает, за что прежде браться. Взял он рубахи, связал и понес на реку, намочил да так в воде и оставил.

- Пущай повымокнет, потом развешу, просохнет и будет готово.

А река-то была быстротекучая, рубахи все за водою и ушли. Приходит мужик домой, насыпал квашню муки, налил водою.

- Пущай киснет!

Потом насыпал в ступу проса и начал толочь и видит: наседка по сеням бродит, а цыплята все в разные стороны рассыпались. Он сейчас половил цыплят, перевязал их всех шнурочками за ножки и прицепил к курице, и опять начал толочь просо; да вздумал, что еще кринка сметаны стоит,

надо сколотить ее на масло. Взял эту кринку, привязал к своей жопе: я, дескать, буду просо толочь, а сметана тем временем станет на жопе болтаться, разом и пшено будет готово, и масло спастано!

Вот и толчет просо, а сметана на жопе болтается. Тут курица побрела во двор и цыплят за собой потащила. Как вдруг налетел ястреб, ухватил курицу и потащил совсем с цыплятами. Курица заквояхтала, цыплята запищали; мужик услыхал, бросился во двор, да на бегу ударился кринкою об дверь, кринку расшиб и сметану всю пролил. Побежал отнимать у ястреба курицу; а дверей и не запер; пришли в избу свиньи, квашню опрокинули, тесто все поели, и до проса добрались: все пожрали. Я мужик курицы с цыплятами не отнял, воротился назад - полна изба свиней, хуже хлева сделали! Насилу вон всех выгнал.

- Что теперь делать-то? - думает мужик, - придет хозяйка - беда будет! - Все дело чисто убрал - нет ничего! - Дайка поеду рубахи из воды вытащу. - Запряг кобылу и поехал на реку. Уж он искал-искал белья; нету!

Дай-ка в воде поищу!

Разделясь, скинулся с себя рубашку и штаны и полез в воду, и пошел бродить, а толку все не добьется: так и бросил! Вышел на берег, глядь - ни рубахи, ни штанов нету, кто-то унес.

Что делать-то? Не во что одеться, надо в деревню голому ехать.

- Нарву-ка я себе, - говорит, - длинной травы, да обвязжу

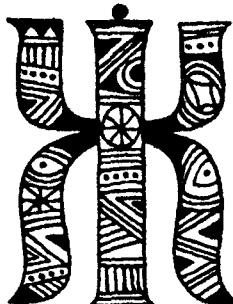
КЛЯП, СЯДУ В ТЕЛЕГУ И ПОЕДУ ДОМОЙ, ВСЕ НЕ ТАК СТЫДНО БУДЕТ!

Нарвал зеленої травы, обвертел свой хуй и стал отвязывать повод у лошади. Лошадь увидала траву, схватила ее зубами и оторвала со всем хуем. Заголосил мужик о кляпе, кое-как добрался в избу, залез в угол и сидит в углу.

- Ну что, все приготовил?
- Все, любезная жена!
- Где же рубашки?
- За водой уплыли.
- Я курица с цыплятами?
- Ястреб утащил.
- Я тесто? Я просо?
- Свиньи съели.
- Я сметана?
- Всю разлил.
- Я хуй-то где?
- Кобыла съела.
- Экой ты, сукин сын, наделал добра.

жени слепого

Ил-был барин с барыней. Вот барин-то ослеп, а барыня и загуляла с одним подъячим. Стал барин подумывать: не бладует ли с кем жена, и шагу не даст ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подъячий туда же пришел. Захотелось ей дать подъячему. Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена свое дело справляет, подъячему поддает. Я сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидал, что там строится: подъячий на барыне сидит,- и сказывает своей жене:

- Посмотри-ка, душенька, что у яблони-то делается. Ну, что как теперь откроет Бог слепому глаза, да увидит он - что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет.

- И, душенька! Ведь и нашей сестре Бог увртку дает!

- Я какая тут увртка?

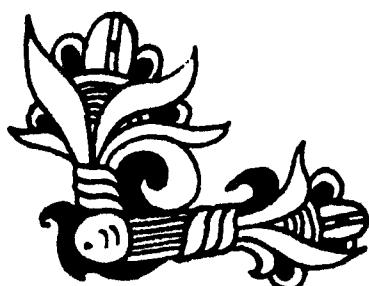
- Тогда узнаешь.

На тот грех и открыл Господь слепому варину глаза; увидел он, что на его барыне подьячий сидит, и закричал:

- Их ты, курва! Что ты делаешь, проклятая блуди!

Я барыня:

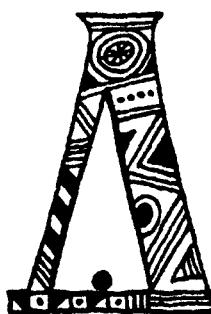
- Их как я рада, милый мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай-де грех с таким-то подьячим, и Господь за то откроет твоему мужу глаза. Вот оно и есть правда: за мои труды Бог дал тебе очи!

тетерев

• 33 •

САДА ДНЯ ХОДИЛ ОХОТНИК ПО ЛЕСУ - НИЧЕГО НЕ УБИЛ;
НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ ДАЛ ОБЕЩАНЬЕ:

-ЧТО НИ УБЬЮ, ТО ПРОЕБУ!

ПОШЕЛ В ЛЕС, НАПАЛ НА ТЕТЕРЕВА И УБИЛ ЕГО. ВОРОЧАЕТСЯ ДОМОЙ. ВОТ УВИДЕЛА ИЗ ОКНА БАРЫНЯ, ЧТО ИДЕТ ОХОТНИК, ИЕСЕТ ТЕТЕРЕВА, И ПОЗВАЛА ЕГО К СЕБЕ В ГОРНИЦУ.

- ЧТО СТОИТ ТЕТЕРЕВ? - СПРАШИВАЕТ БАРЫНЯ.
- ЭТОТ ТЕТЕРЕВ У МЕНЯ НЕ ПРОДАЖНЫЙ, - ГОВОРИТ ОХОТНИК,
- А ЗАВЕТНЫЙ.
- КАКОЙ ЖЕ ЗАВЕТ?
- ДА КАК ШЕЛ Я НА ОХОТУ, ДАЛ ОБЕЩАНИЕ: ЧТО НИ УБЬЮ, ТО ПРОЕБУ.
- НЕ ЗНАЮ, КАК БЫТЬ, - МОЛВИЛА БАРЫНЯ, - ХОЧЕТСЯ МНЕ ТЕТЕРЕВЯТИНКИ, ДЮЖЕ ХОЧЕТСЯ! ВИДНО, НАДО ДЕЛУ СВЫТЬСЯ. Да

МНЕ СОВЕСТНО ПОД ТОБОЮ ЛЕЖАТЬ...

- Ну, я лягу книзу, а ты, барыня, ложись сверху.

Так и сделали.

- Ну, мужик, отдавай тетерева.

- За что я отдашь тебе тетерева? Ведь ты меня ебла, а не я тебя.

Барыне жалко упустить тетерева.

- Ну, - говорит, - полезай на меня!

Мужик и в другой раз отдал барыню.

- Давай тетерева.

- За что я отдашь тебе? Мы только поквитались.

- Ну, - полезай еще раз на меня, - говорит барыня.

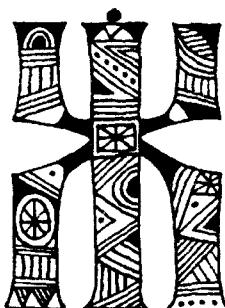
Влез охотник на барыню, отработал и в третий раз.

- Ну, давай же теперь?

Как ни жалко было охотнику, а делать нечего - отдал барыне тетерева и пошел домой.

АРХИЕРЕЙСКИЙ ОТВЕТ

или-были генерал и архиерей, случилось им быть на беседе. Стал генерал архиерея спрашивать:

- Ваше преосвященство, мы люди грешные, не можем без греха жить, не есть, а как же вы терпите, во всю жизнь не согрешите?

Архиерей отвечает:

- Пришлите ко мне за ответом завтра.

На другой день генерал и говорит своему лакею:

- Поди к архиерею, попроси у него ответа.

Лакей пришел к архиерею, доложил о нем послушник.

- Пусть постоит, - сказал архиерей.

Был стоял лакей час, и другой, и третий; нет ответа.

Просит послушника:

- Скажи опять владыке.

- Пусть еще постоит, - отвечает архиерей.

Лакей долго стоял, стоял, не вытерпел - лег да тут же и заснул и проспал до утра. Поутру воротился к генералу и сказывает:

- Продержал до утра, а ответу никакого не дал.

- Опять, - говорит генерал, - сходи к нему да непременно попроси ответа.

Пошел лакей, приходит к архиерею, тот его позвал к себе в келью и спрашивает:

- Ты вчера у меня стоял?

- Стоял.

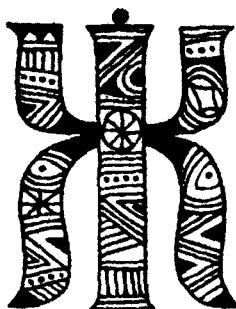
- Я потом лег да заснул?

- Лег да заснул.

- Ну так и у меня хуй встанет - постоит, постоит, потом опустится и уснет. Так и скажи генералу.

ПОСЕВ ХУЕЯ

или-были два мужика, вспахали себе землю и поехали сеять рожь. Идет мимо старец, подходит к одному мужику и говорит:

- Здравствуй, мужичок!
- Здравствуй, старичок!
- Что ты сеешь?
- Рожь, дедушка.
- Ну, помоги тебе Бог, зародись твоя рожь высока и зерном полна!

Подходит старец к другому мужику.

- Здравствуй, мужичок
- Здравствуй, старичок!
- Что ты сеешь?
- На что тебе надо знать? Я сею хуи!

- Ну и зародись тебе хуи!

Старец ушел, а мужики посеяли рожь, заборонили и уехали домой. Как стала весна да пошли дожди - у первого мужика взошла рожь и густая, и большая, а у другого мужика взошли все хуи красноголовые, да так-таки всю десятину заняли: и ногой ступить негде, все хуи! Приехали мужики посмотреть, каково их рожь взошла; у одного дух не нарадуется, глядя на свою полосу, а у другого так сердце и замирает.

- Что, - думает, - буду я теперича делать с этакими чертями?

Дождались мужики - вот и жниво пришло, выехали в поле: один заснул рожь жать, а другой смотрит - у него на полосе поросли хуи аршина в полтора. Стоят себе красноголовые, словно мак цветет. Вот мужик поглазел, поглазел, покачал головой и поехал назад домой; а приехавши, собрал ножи, наточил повостре, взял с собой ниток и бумаги и опять воротился на свою десятину, и начал хуи срезывать. Срежет пару, обвернет в бумагу, завяжет хорошенъко ниткою и положит в телегу. Посрезывал все и повез в город продавать.

- Дай-ка, - думает, - повезу, не продам ли какой дуре хошь одну парочку!

Бездает по улице и кричит во все горло:

- Не надо ли кому хуев, хуев, хуев! У меня славные продажные хуи, хуи, хуи!

Услыхала одна барыня, посылает горничную девушку:

- Поди, поскорее спроси, что продает этот мужик?

Девка выбежала:

- Послушай, мужичок! Что ты продаешь?

- Хуи, сударыня!

Приходит она назад в горницу и стыдится барыне сказать.

- Сказывай же, дура! - говорит барыня, - не стыдись! Ну, что он продает?

- Да вот что, сударыня: он, подлец, хуи продает!

- Эка дура! Беги скорей, догони да поторгуй, что он с меня за пару возьмет?

Девка воротила мужика и спрашивает:

- Что парочка стоит?

- Да без торгу сто рублей.

Как только сказала девка про то барыне, она сейчас же вынула сто рублей.

- На, - говорит, - поди, да смотри, выбери какие получше, подлиннее да потолще.

Приносит девка мужику деньги и упрашивает:

- Только, пожалуйста, мужичок, дай каких получше.

- Они у меня все хороши уродились!

Взяла горничная пару добрых хуев, приносит и подает барыне; та посмотрела и показались ей оченно. Сует себе куда надыть, а они не лезут.

- Что же тебе мужик сказал, - спрашивает она у девушки, - как командовать ими, чтобы действовали?

- Ничего не сказывал, сударыня.

- Эка ты дура! Поди сейчас спроси.

Повежала опять к мужику:

- Послушай, мужичок, скажи, как твоим товаром командовать, чтоб мог действовать?

Я мужик говорит:

- Коли дашь еще сто рублей, так скажу!

Горничная скорей к барыне:

- Так и так, даром не сказывает, сударыня, а просит еще сто рублей.

- Такую штуку и за двести рублей купить - не дорого!

Взял мужик новую сотню и говорит:

- Коли барыня захочет, пусть только скажет: «Но-но!»

Барыня сейчас легла на кровать, заворотила свой подол и командует: «Но-но!» Как пристали к ней оба хуя, да как зачали ее нажаривать, барыня уж и сама не рада, а вытащить их не может. Как от беды избавиться? Псылает она горничную:

- Поди, догоняй этого сукна сына, да спроси, что надо сказать, чтоб они отстали!

Бросилась девка со всех ног:

- Скажи, мужичок! Что нужно сказать, чтоб хуи от барыни отстали? Я то они барыни совсем замучили!

Я мужик:

- Коли даст еще сто рублей, так скажу!

Привбегает девка домой, а барыня еле жива на кровати

ЛЕЖИТ.

- Возьми,-говорит, - в комоде последние сто рублей, да неси подлецу поскорей! Я то смерть моя приходит!

Взял мужик и третью сотню и говорит:

- Пусть скажет только: «Тпrrу» - они сейчас отстанут.

Прибежала горничная и видит: барыня уж без памяти и язык высунула; вот она сама крикинула на них:

- Тпrrу!

Оба хуя сейчас выскочили. Полегчало барыне; встала она с кровати, взяла и припрятала хуи, и стала себе жить в свое удовольствие. Как только захочется, сейчас достанет их, скомандует, и хуи станут ее отрабатывать, пока не закричит барыня:

- Тпrrу!*

В одно время случилось барыне поехать в гости в иную деревню, и позабыла она взять эти хуи с собой. Побыла в гостях до вечера и стало ей скучно, собирается домой. Тут начали ее упрашивать, чтоб осталась переночевать.

- Никак не возможно, - говорит барыня, - я позабыла дома одну секретную штукку, без которой мне не заснуть!

- Да коли хотите, - отвечают ей хозяева, - мы пошлем за нею хорошего, надежного человека, чтоб привез ее в целости.

Барыня согласилась. Сейчас нарядили лакея, чтоб оседлал доброго коня, ехал в барынин дом и привез такую-то вещь.

- Спроси, - сказывает барыня, - у моей горничной, уж она знает, где эта штукка спрятана.

БОТ ЛАКЕЙ ПРИЕХАЛ, ГОРНИЧНАЯ ВЫНЕСЛА ЕМУ ДВА ХУЯ, ОБА ЗАВЕРНУТЫ В БУМАГУ, И ОТДАЛА. ЛАКЕЙ ПОЛОЖИЛ ИХ В ЗАДНИЙ КАРМАН, СЕЛ ВЕРХОМ И ПОЕХАЛ НАЗАД. ПРИШЛОСЬ ЕМУ ПО ДОРОГЕ ВЪЗЬЕЗЖАТЬ НА ГОРУ, А ЛОШАДЬ-ТО БЫЛА ЛЕНИВАЯ, И ТОЛЬКО ЧТО НАЧАЛ ОН ПОНУКАТЬ ЕЕ: «НО-НО» - КАК ОНИ ВДРУГ ВЫСКОЧИЛИ ОБА И НУ ЕГО ЗАЖАРИВАТЬ В ЖОПУ, ХОЛУЙ АЖНО ИСПУГАЛСЯ! ЧТО ЗА ЧУДО ТАКОЕ, ОТКУДА ОНИ, ПРОКЛЯТЫЕ, ВЗЯЛИСЬ? ПРИШЛО ХОЛОЮ ХОТЬ ДО СЛЕЗ, НЕ ЗНАЕТ, КАК И БЫТЬ! Да стала лошадь с горы спускаться прытко, так он и закричал на нее: «ТПРРУ!» ХУИ СЕЙЧАС ИЗ ЖОПЫ И ПОВЫСКАКАЛИ ВОН. БОТ ОН ПОДОБРАЛ ИХ, ЗАВЕРНУЛ В БУМАГУ, ПРИВЕЗ И ПОДАЕТ БАРЫНЕ.

- ЧТО, БЛАГОПОЛУЧНО? - СПРАШИВАЕТ БАРЫНЯ.

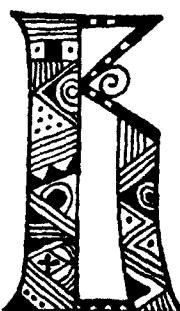
- Да ну их к черту, - говорит холуй, - коли в на дороге да не гора, они в засели в меня до двора! **

***Вариант.** Мужик учит Барыню говорить: «Но-тпrrу! но-тпrrу!» Скажет «Но!» - хуй пойдет в дыру; скажет «Тпrrу!» - назад попятится и т. д.

****Вариант.** Барыня наказывает лакею привезти свой секрет в ящике, да никак не заглядывать туда, не любопытствовать, что такая за штукка. Лакей не утерпел и посмотрел, идя дорогого: как увидел и промолвил, покачав головой: «Ну, ну, ну!» Оба хуя так и всадились ему в жопу, и долго его промучили; да спасибо, ехал навстречу мужик на довной лошади и закричал на нее «Тпrrу!» Тут они и выскочили вон.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

а)

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ жили-были три брата крестьянина. Повздорили между собой и стали делиться. Поделили имение не поровну, старшим досталось много, а третему по жребию пришлось мало. Все они трое были холостые; сошлись вместе на дворе и говорят промеж себя:

- Пора-де нам жениться.

- Вам хорошо, - говорит меньшой брат, - вы богаты и у богатых сосватались; а мне-то что делать? Я веден, нет у меня ни полена, только и богатства, что хуй по колена!

В то самое время проходила мимо купеческая дочь, подслушала этот разговор и думает себе:

- Ях, кабы мне попасть замуж за этого молодца, у него хуй-то по колено!

Вот старшие братья поженились, а меньшой ходит холостой. Я купеческая дочь как пришла домой, только на разуме и держит, чтобы выйти за него замуж. Сватали ее разные богатые купцы, только не выходит за них.

- Ни за кого, - говорит, - не пойду замуж, кроме за такого-то молодца.

Отец и мать ее уговаривали:

- Что ты, дура, задумала? Опомнись! Как можно идти за бедного мужика?

- Нужды вам нет до этого, не вам с ним жить!

Вот купеческая дочь подговорила себе сваху и послала к тому парню, чтоб непременно шел ее сватать. Пришла к нему сваха и говорит:

- Послушай, голубчик! Ты что зеваешь? Ступай сватать купеческую дочь, она давно тебя поджидает и с радостью за тебя пойдет.

Молодец сейчас собрался, надел новый армяк, взял новую шапку и пошел прямо на двор к купцу сватать за себя его дочь. Как увидала его купеческая дочь и узнала, что это подлинно тот самый, у которого хуй по колена, не стала и разговаривать, начала просить у отца, матери их родительского навеки нерушимого благословения. Легла она спать с мужем первую ночь и видит, что у него хуишка так себе, меньше перста.

- Ях ты, подлец! - закричала на него - Ты хвастался, что у тебя хуй по колена. Где же ты его дел?

- Ях, жена, сударыня, вить ты знаешь, что я холостым был очень беден, как стал собираться играть свадьбу - денег у меня не было, не на что было подняться, я и отдал свой хуй под залог.

- Я за сколько ты его заложил?

- Не за много, всего за пятьдесят рублей.

- Ну, хорошо же, завтра пойду я к матушке, выпрошу денег, и ты непременно выкупи свой хуй, а не выкупишь - и домой не ходи!

Дождалась утра и сейчас побежала к матери и говорит:

- Сделай милость, матушка, дай мне пятьдесят рублей, очень нужно!

- Да скажи, на что нужно-то?

- Я вот, матушка, для чего: у моего мужа был хуй по колено, да как стали мы играть свадьбу, ему, бедному, не на что было подняться, он и заложил его за пятьдесят рублей. Теберича у моего мужа хуишко так себе, меньше перста, так непременно надо выкупить его старый хуй!

Мать, видя такую нужду, вынула пятьдесят рублей и отдала дочери. Та привезет домой, отдает мужу деньги и говорит:

- Ну, ты теберича беги как можно скорей, выкупи свой старый хуй, пускай чужие люди им не пользуются!

Взял молодец деньги и пошел с очей долой; идет и думает:

- Куда мне теберича деваться? Где такого хуя жене достать? Пойду куда глаза глядят.-Шел он близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, и повстречал старуху.

- Здравствуй, бабушка!
- Здравствуй, добрый человек! Куда путь держишь?
- Ях, бабушка, коли б ты знала, ведала мое горе, куда я иду!
- Скажи, голубчик, твое горе, может, я твоему горю и пособлю.
- Сказать-то стыдно!
- Невось, не стыдись, а говори смело.
- Я вот, бабушка, похвастался я, что у меня хуй по колена, услыхала эти речи купеческая дочь и вышла за меня замуж, да как ночевала со мной первую ночки и увидела, что хуишка мой так себе, менее перста, она заартачилась, стала спрашивать:

- Куда девал большой хуй?

Я я сказал ей, что заложил, дескать, за пятьдесят рублей. Вот она дала мне эти деньги и сказала, чтоб непременно его выкупил; а коли не выкуплю, чтоб и домой не показывался. Не знаю, что моей головушке и делать-то!

Старуха говорит:

- Отдай мне свои деньги, я пособлю твоему горю.

Он сейчас вынул и отдал ей все пятьдесят рублей, а старуха дала ему кольцо.

- На, - говорит, - возьми это кольцо. Надевай только на один ноготок.

Парень взял кольцо и надел; как надел на ноготок - хуй у него сразу сделался на локоток.

- Ну что, - спросила старуха, - будет твой хуй по колена?

- Да, бабушка, еще хватил пониже колен.

- Ну-ка, голубчик, надвинь кольцо на целый перст.

Он надвинул кольцо на целый перст - у него хуй вытянулся на семь верст.

- Эх, бабушка, куда ж я его дену? Бить мне с ним беда будет!

Я старуха:

- Надвинь кольцо опять на ноготок - будет с локоток.
Теперича с тебя довольно. Смотри ж, всегда надевай кольцо
только на один ноготок.

Он поблагодарил старуху и пошел назад домой. Идет и радуется, что не с пустыми руками явится к жене. Шел, шел, и захотелось ему поесть. Своротил он в сторону и сел неподалеку от дороги около репейника, вынул из котомки сухариков, размочил в воде и закусил. Захотелось отдохнуть ему; он тут же лег вверх брюхом и любуется кольцом. Надвинул на ноготь - хуй поднялся вверх на локоть, надвинул на целый перст - хуй поднялся вверх на семь верст, снял кольцо - и стал хуишка маленький, по-прежнему да постарому. Смотрел-смотрел на кольцо, да так и уснул, а кольцо позабыл спрятать, осталось оно у него на груди. Проезжал мимо в коляске один барин с женой и увидал: спит неподалечку мужик, а на груди у него светится кольцо, как жар горит на солнце. Остановил барин лошадей и говорит лакею:

- Поди к этому мужику, возьми кольцо и принеси ко мне.

Лакей сейчас побежал и принес кольцо барину. Вот они и поехали дальше. И барин любуется колечком.

- Посмотри, душенька, - говорит он своей жене, - какое славное кольцо. Дай-ка я надену его.

И сразу надвинул на целый перст. У него хуй вытянулся, спихнул кучера с козел и прямо потраfila кобыле под хвост. Кобылу пихает, да коляски вперед подвигает. Видит барыня, что беда, крепко перепугалась и кричит громовым голосом на лакея:

- Беги скорей назад, к мужику, тащи его сюда!

Лакей бросился к мужику, разбудил его и говорит:

- Иди, мужичок, скорее к барину.

Я мужик кольцо ищу.

- Мать твою так, ты кольцо взял?

- Не ищи, - говорит лакей, - иди к барину, кольцо у него, оно, брат, много хлопот нам наделало.

Мужик побежал к коляске, барин просит его:

- Прости меня, пособи моему горю!

- Я что дашь, барин?

- Вот тебе сто рублей.

- Давай двести, так пособлю!

Вынул барин двести рублей, мужик взял деньги да стащил у барина с руки кольцо - хуй того как не бывало, остался у барина его старый хуишка*. Барин уехал, а мужик пошел со своим кольцом домой. Увидела его жена в окошечко, выбежала на встречу.

- Ну что, - спрашивает, - выкупил?
 - Выкупил!
 - Ну покажь!
 - Ступай в избу, не на дворе же тебе показывать.
- Вошли в избу: жена только и твердит:
- Покажь да покажь.

Он надвинул кольцо на ноготь, стал хуй у него с локоть; вынимает его из погона и говорит:

- Смотри, жена.

Она засыпала его целовать.

- Вот, муженек! Пущай лучше эдакое добро при нас будет, чем в чужих людях. Давай-ка поскорее пообедаем, ляжем да попробуем!

Сейчас наставила на стол разных кушаньев и напитков поить да кормить его. Пообедали и пошли отдохнуть. Как проворал он жену своим хуем, так она целые три дня под подол себе засматривала, все ей мерещится, что промеж ног торчит!

Пошла она к матери в гости, а муж тем временем вышел в сад и лег под яблоней.

- Что же, - спрашивает мать у дочери, - выкупили хуя-то?

- Выкупили, матушка!

Бот купчиха только о том и думает, как бы ухватиться сбегать к зятю, покудова дочь здесь, да попробовать его большого хуя. Дочь-то заговорилась, а теща и удруала к зятю, привезжала в сад, смотрит - зять спит себе, кольцо у него надето на погона - хуй стоит с локоток.

- Дай-ка я теперича залезу к нему на хуй, - думает теща, взлезла и давай на хую покачиваться, вот на ту веду надвинулось как-то кольцо у сонного зяя на целый перст, и потащил хуй тещу на семь верст.

Дочь видит, что мать куда-то ушла, догадалась и бросилась домой, в избу - нет никого, она в сад - смотрит - муж спит, его хуй высоко торчит, а наверху чуть-чуть видно тещу. Как ветром поддаст - она так и завернется на хую, словно на рожне. Что делать, как матушку с хуя снять? Набежало на то место народу видимо-невидимо, стали ухитряться да раздумывать. Один говорит:

- Больше нечего делать, как взять топор да хуй подрубить.

Я другие говорят:

- Нет, это не годится! За что две души погубить: как срубим хуй - ведь баба на землю упадет - умрет. Лучше миром помолиться, авось каким чудом старуха с хуя свалится!

На ту пору проснулся зять, увидел, что у него кольцо надето на весь перст, а хуй торчит к небу на семь верст и крепко прижал его самого к земле, так что и повернуться на другой бок нельзя! Начал потихоньку кольцо с пальца сдвигать, стал хуй убывать. Сдвинул на ноготь - стал хуй с локоть, и видит зять, что на хую теща торчит.

- Ты, матушка, как сюда попала?

- Прости, зятишко, больше не стану! **

б)

Жил-был портной, у него было такое волшебное кольцо: как наденешь на палец, так хуй и вырастет. Случилось ему работать у одной барыни, а он был такой весельчак да шутник: когда спать ложился, никогда своего хуя не закрывал. Вот эта барыня увидела, что у него хуй очень велик, позадорилась на эдакую сврью и позвала к себе***.

- Послушай, - говорит, - согласись сделать со мной грех, хоть один раз.

- Отчего не так, барыня! Только с уговором: чур не пердеть! Я если уперднешься, то с тебя триста рублей!

- Хорошо, - сказала барыня.

Легли они, вот барыня всячески старается, чтобы как можно под портным не уснуть, и приказала своей горничной девке приготовить большую луковицу и заткнуть ей жопу и покрепче придерживать обеими руками. Воткнула барыня в жопу луковицу и стала придерживать; а портной как взобрался на нее, как напер - куда к ебенои матери и луковица вылетела, да прямо в горничную, так ее до смерти и убила! Пропало у барыни триста рублей. Взял портной деньги и пошел домой. Шел, шел, долго ли коротко ли, и лег в поле отдохнуть, надел на палец свое кольцо - у него хуй и протянулся на целую версту, лежал-лежал, да так и заснул. Откуда ни возьмись семья волков, стали хуй гладить, одной плеши не съели - и то сыты наелись. Проснулся портной - будто мухи кляп покусали. Снял с руки кольцо, спрятал в карман и пошел в путь-дорогу. Шел-шел и зашел ночевать к

одному мужику, а у того мужика была жена молодая, до больших хуев великая охотница. Лег портной спать на дворе и выставил хуй наружу. Увидела мужикова жена: как ухитриться? Подошла, заворотила подол и наставила чужой хуй в свою пизду. Портной видит - дело ладно, стал потихоньку кольцо на палец надевать - стал у него хуй больше да больше вырастать, поднял ее вверх на целую версту. Пришлось бабе не до ебли, уцепилась за хуй обеими руками. Увидали добрые люди, соседи и знакомые, что баба на хую торчит.

- Давай молевен служить, обое целы будут!

Стал портной помаленьку снимать с руки кольцо, хуй понизился, баба свалилась.

- Ну, ненаебная пизда! Смерть бы твоя была, коли б хуй-то подрубили.

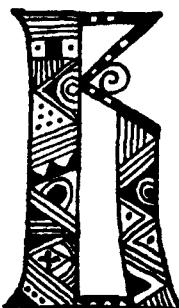
*Баринант. Мужик устал дорогою, лег в стороне и заснул, а кольцо позабыл снять с пальца; вот кольцо и сдвинулось с ноготка на палец - хуй и протянулся на семь верст, лежит через дорогу, словно дубовая колода. Вдруг скакет во весь дух на тройке добрых лошадей молодой барин, наскакал на хуй - кряк - ось пополам! Что за диво такое? Пошли и добрались по хую до мужика. Разбудил его барин: «Отчего, скажи, у тебя хуй такой большой?» Мужик рассказал. «Продай мне кольцо». - «Купи». «Что стоит?» - «Сто рублей!» Барин заплатил и поехал. Дорогой надел кольцо на весь палец и не знает, что делать с хуем; не рад и кольцу. Опять к мужику: «Сделай по-старому», а тот взял еще сто рублей и снял кольцо с руки барина.

** Баринант. Зять лег спать в избе, хуй у него стоял на локоть; теща в зарод вошла, влезла на хуй к нему и ну покачивать; кольцо сдвинулось, хуй поднялся выше и выше, проломил потолок, пробил крышу и высунулся с тещею поверх трубы.

***Баринант. Жил-был Иван бедный, у него хуй медный, плеши полуженная. Наиялся у купца в работники; стал один раз мочиться; увидела купеческая дочь, что у него хуй велик, и пошла за него замуж. У Ивана было волшебное кольцо (далее следует история с тещею).

РАЗЗАДОРЕННАЯ БАРЫНЯ

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ жил богатый мужик, у него был сын по имени Иван.

- Что ты, сынок, ничем не займешься? - говорит ему отец.

- Ещё поспею! Дай-ка мне сто рублей денег да благослови на промысел.

Дал ему отец сто рублей денег. Пошел Иван в город. Идет мимо господского двора и увидел в саду барыню: очень из себя хороша! Остановился и смотрит сквозь решетку.

- Что ты, молодец, стоишь? - спросила барыня.

- На тебя, барыня, засмотрелся! Уж сильно ты хороша! Коли б ты мне показала свои ноги по щиколотки - отдал бы тебе сто рублей!

- Отчего не показать! На, смотри, - сказала барыня и

приподняла свое платье. Отдал он ей сто рублей и воротился домой.

- Ну, сынок, - спрашивает отец, - каким товаром занялся? Что сделал на сто рублей?

- Купил место да лесу для лавки. Дай еще двести рублей, надо заплатить плотникам за работу.

Отец дал ему денег, а сын опять пришел и стоит у того же сада. Барыня увидала и спрашивает:

- Зачем, молодец, опять пришел?

- Пусти меня, барыня в сад, да покажи свои коленки, отдам тебе двести рублей.

Она пустила его в сад, приподняла подол и показала свои коленки. Парень ей отдал деньги, поклонился и воротился домой.

- Что, сынок, устроился?

- Устроился, батюшка, дай мне триста рублей, я товару накуплю.

Отец дал ему триста рублей. Я сын сейчас отправился к барынину саду. Стоит и глядит сквозь решетку. Я отец думает: "Дай-ка схожу, посмотрю на его торговлю".

Пошел за ним следом и посматривает.

- Зачем, молодец, опять пришел? - спросила барыня.

Парень отвечает ей:

- Не во гнев, тебе, барыня, сказать, позволь поводить мне хуем по твоей пизде, я за то дам тебе триста рублей.

- Пожалуй.

Пустила его в сад, взяла деньги и легла на траву: а парень скинул портки и стал ее хуем потихоньку по губам поваживать и так раззадорил, что барыня сама просит:

- Ткни в срединку! Пожалуйста, ткни!

Я парень не хочет:

- Я просил только по губам поводить.

- Я отдашь тебе назад все твои деньги, - говорит барыня.

- Не надо! Я сам все знаю поваживает по губам-то.

- Я у тебя шестьсот взяла, а отдашь тысячу двести, только ткни в срединку!

Отец глядел-глядел, не вытерпел и закричал из-за решетки:

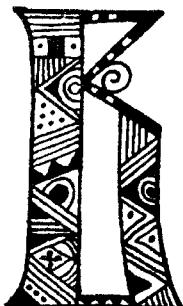
- Бери, сынок, копейка на копейку хороший барыш.

Барыня услыхала, да как вырвется и убежала. Остался парень без копейки и заругался на отца:

- Кто просил тебя кричать-то, старый хрен!

ПО-СОБАЧЬИ

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ ЖИЛ-БЫЛ ДВОРЯНИН, У НЕГО БЫЛА ДОЧЬ-КРАСАВИЦА. ПОШЛА ОНА КАК-ТО ПОГУЛЯТЬ, А ЛАКЕЙ ИДЕТ ЗА НЕЙ ПОЗДИ, ДА ДУМАЕТ:

- ЭКАЯ ЛОВКАЯ ШТУКА! НИЧЕГО Б, КАЖИСЬ, НЕ ЖЕЛАЛ В СВЕТЕ, ТОЛЬКО Б ОТРАБОТАТЬ ЕЕ ХОТЬ ОДИН РАЗОК, ТОГДА Б И ПОМИРАТЬ НЕ СТРАШНО БЫЛО!

ДУМАЛ, ДУМАЛ, НЕ ВЫТЕРПЕЛ И СКАЗАЛ ПОТИХОНЬКУ:

- АХ, ПРЕКРАСНАЯ БАРЫШНЯ, ШАРКНУЛ БЫ ТЕБЯ ХОТЬ ПОСОВАЧЬИ!

БАРЫШНЯ УСЛЫХАЛА ЭТИ СЛОВА И КАК ВОРОТИЛАСЬ ДОМОЙ, ДОЖДАЛАСЬ НОЧИ И ПОЗВАЛА К СЕБЕ ЛАКЕЯ.

- ПРИЗНАВАЙСЯ, МЕРЗАВЕЦ, - ГОВОРИТ ЕМУ, - ЧТО ТЫ ГОВОРИЛ, КАК Я ГУЛЯТЬ ХОДИЛА?

- БИНОВАТ, СУДАРЫНЯ! ТАК-ТО И ТАК-ТО ГОВОРИЛ.

- Ну, коли хотел, так и делай сейчас по-собачьи, не то все папеньке расскажу...

Бот барышня заворотила подол, стала посреди горницы раком и говорит лакею:

- Нагибайся да нюхай, как собаки делают.

Холуй нагнулся и понюхал.

- Ну, теперь языком лизни, как собаки лизут.

Лакей лизнул раз, и два, и три раза.

- Ну, теперь бегай вокруг меня!

Начал он кругом барышни бегать, обежал разок десяток, да опять пришлось нюхать да лизать ее языком. Что делать? Морчится да нюхает, плюет да лижет.

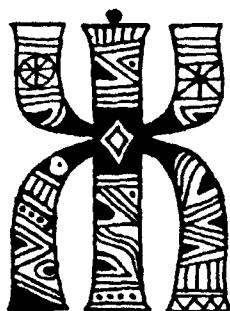
- Ну, теперь на первый раз будет, - сказала барышня, - ступай, ложись себе спать, а завтра вечером опять приходи. На другой день вечером опять барышня позвала себе лакея.

- Что ж ты, мерзавец, сам не идешь? Не всякий же день за тобой послать? Сам знай свое дело!

Сейчас заворотила свой подол и стала раком, а лакей стал ей под жопою нюхать да языком в пизде лизать. Обежит кругом ее разок десять да опять понюхает да полижет. Эдак долгое время угощала его барышня, да потом склонилась, легла на постель, заворотила подол спереди, дала ему разок поеть и простила всю вину. Лакей отработал да и думает:

- Ну, ничего, хоть и полизал, да свое взял.

Две жены

или-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец и говорит:

- Послушай, брат, давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит.

- Давай, да как пробу-то сделать?

- Я вот как: соверемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая жена пуще станет плакать, та больше и мужа любит.

Вот собралися в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается. И другая прощается и сама смеется. Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговаривались между собой.

- Ишь как тебя жена-то любит - говорит один, - как она плакала-то на прощанье, а моя стала прощаться, а сама

смеяться!

И другой говорит:

- Вот что, брат, теперь жены нас проводили, воротимся-ка назад, таким образом, да посмотрим, что наши жены без нас делают.

- Хорошо.

Воротились к ночи и вошли в город пешие, подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье горько плакала, смотрят в окошко: она сидит себе с любовником и гуляет. Любовник наликает стакан водки, сам выпивает и ей подносит:

- На, милая, выпей!

Она выпила и говорит:

- Друг ты мой любезный, теперь я твоя.

- Вот какие пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!

Она обернулась к нему жопою и говорит:

- Вот ему, блэдскому сыну, - одна жопа!

Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает:

- Подаждь, Господи, моему сожителю в пути всякого воз-
вращения!

- Ну вот, - говорит один купец другому, - теперь поедем торговать.

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо, такая за-
дача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж и до-

мой. Стали сбираться назад и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена Богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на одну жопу.

- Ведь моя одна жопа! Так только мне пол-аршина и надоевно: я свою жопу не хочу паскудить.

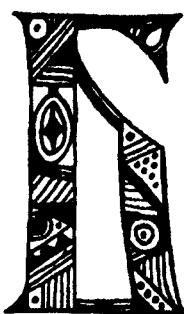
Приехали и отдали женам гостинцы.

- Что ж ты купил Эдакой лоскут? - говорит жена с сердцем.

- Я ты вспомни, блядь, как сидела ты с любовником и говорила, что моя только жопа, ну я свою часть и снарядил! Нашей парчу на жопу да носи!

СТЫДЛИВАЯ БАРЫНЯ

ЫЛА-ЖИЛА МОЛОДАЯ БАРЫНЯ, МНОГО ПЕРЕБЫВАЛО У НЕЕ ЛАКЕЕВ, И ВСЕ КАЗАЛИСЬ ЕЙ ПОХАБНЫМИ, И ОНА ПРОГОНЯЛА ИХ ОТ СЕБЯ. ВОТ ОДИН МОЛОДЕЦ И СКАЗАЛ:

- Дай-ка я пойду к ней наймусь!

Пришел наниматься.

- Смотри, голубчик, - говорит барыня, - я не пожалею денег, только с тем условием, чтоб ты не говорил ничего похабного*.

- Как можно говорить похабное!

В одно время поехала барыня в свою вотчину, стала подъезжать к деревне, смотрит: ходит стадо свиней, и один боров взлез на свинью. И так его с той работы припирало, что изо рта пена клубом валит. Барыня и спрашивает лакея:

- Послушай!

- Чего изволите, сударыня?

- Что это такое?

Лакей был не промах.

- Я Это, - говорит, - вот что: под низом, должно быть, какая-нибудь родня - сестра или тетка, а наверху-то брат или племянник; он крепко нездоров, вот она и тащит его домой на себе.

- Да, да, это точно так, - сказала Барыня и засмеялась.

Ехали-ехали, ходит другое стадо, и один бык взлез на корову.

- Ну, а это что такое? - спросила Барыня.

- Я Это вот что: у коровы-то сила плохая, и прокормиться не сможет, кругом себя корм объела и траву обшибала, вот бык и попихивает ее на свежую травку.

Барыня опять засмеялась:

- Это точно так!

Ехали-ехали, ходит табун лошадей, и один жеребец взлез на кобылу.

- Я Это что такое?

- Я вон, сударыня, изволите видеть, за лесом-то дым, должно быть, горит что-нибудь; так жеребец и взлез на кобылу пожар поглядеть.

- Да, да, это правда, - сказала Барыня, а сама-то смеется, так и заливается.

Опять ехали-ехали и приехали к реке. Барыня и вздумала купаться, велела остановиться и начала раздеваться, да и

ПОЛЕЗЛА В ВОДУ. Я ЛАКЕЙ СТОИТ ДА СМОТРИТ.

- ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СО МНОЮ КУПАТЬСЯ - РАЗДЕВАЙСЯ СКОРЕЕ.

ЛАКЕЙ РАЗДЕЛСЯ И ПОЛЕЗ КУПАТЬСЯ. ОНА УВИДАЛА У НЕГО ТОТ СТРУМЕНТ, КОТОРЫМ ДЕЛАЮТ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ, ЗАТРЯСЛАСЬ ОТ РАДОСТИ И СТАЛА СПРАШИВАТЬ:

- ПОСМОТРИ, ЧТО ЭТО У МЕНЯ? - А САМА НА ДЫРУ ПОКАЗЫВАЕТ.

- ЭТО КОЛОДЕЗЬ, - ГОВОРИТ ЛАКЕЙ.

- Да, это правда! Я У ТЕБЯ ЭТО ЧТО ТАКОЕ ВИСИТ?

- Это конь называется.

- Я что, он У ТЕБЯ ПЬЕТ?

- ПЬЕТ, СУДАРЫНЯ; НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОПОИТЬ В ВАШЕМ КОЛОДЕЗЕ?

- Ну, пусти его, да чтоб он сверху напился, а глубоко его не пускай!

ЛАКЕЙ ПУСТИЛ СВОЕГО КОНИ К БАРЫНЕ И СТАЛ ЕЕ РАЗЗАДОРИВАТЬ. СТАЛО ЕЕ РАЗВИРАТЬ, СТАЛА ОНА ПРИКАЗЫВАТЬ:

- ПУЩАЙ ЕГО ДАЛЬШЕ, ПУЩАЙ ЕГО ДАЛЬШЕ, ЧТОБ ХОРОШЕНЬКО НАПИСЛЯ.

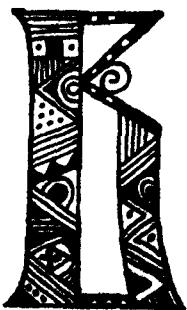
БОТ ТУТ-ТО ОН НАТЕШИЛСЯ: НАСИЛУ ОВА ИЗ ВОДЫ ВЫЛЕЗЛИ**.

* Вариант. Скоромного.

** Вариант. «Что этот жеребец делает?» - «Сей таёжн оглядывает.» - «Правда, правда.» - «Кабы не правда, сударыня, не сказал бы!» Бот петух топчет курицу. «Что это?» - «Нынче день нечастный, так он ее от дождя закрывает.» - «Правда, правда!» - «Кабы не правда, не сказал бы!» Бот еще склешились. «Это что?» - «Сегодня каниун, а завтра праздник: друг другу в гости тащат.» - «Правда, правда!..»

ДОБРЫЙ ОТЕЦ

одной деревне жил веселый старик. У него были две дочери - хорошие девицы. Знали их подруги и привычны были к ним на поседки сходиться. Я старик был и сам до девок лаком, всегда по ночам, как только они уснут, то и полезет щупать, и какой подол ни заворотит, ту и отработает; а девка все молчит, такое уж заведение было. Ну, мудреного нет, таким образом, может, он и всех-то девок перепробовал, кроме своих дочерей. Вот и случилось, в один вечер много сошлось к ним в избу девок, пряли и веселились, да потом и разошлись все по домам: той сказано молотить рано поутру, другой мать ночевать наказала дома, у третьей отец хворает. Так все и разошлись. Я старик хралел себе на полатях и ужин проспал, и не видал, как девки-то ушли. Проснулся ночью, слез с полатей и пошел ощупывать девок по лавкам, и таки

нащупал на казенке¹ (см. словарь областной, стр. 77)² большую дочь, заворотил ей подол и порядком-таки отмахал, а она спросонок-то отцу родному подмахнула. Встает поутру старик и спрашивает свою хозяйку:

- Я что, старуха, рано ли ушли от нас ночевницы?

- Какие ночевницы? Девки еще с вечера все ко дворам ушли.

- Что ты врешь! Я кого же я на казенке-то дячил?

- Кого? Вестимо кого, знать, большую дочуху.

Старик засмеялся и говорит:

- Ох, мать ее растак!

- Что, старый черт, ругаешься?

- Молчи, старая кочерга! Я на доныку-то (дочки-то) смеюсь, ведь она лихо подъевать умеет.

Я меньшая дочь сидит на лавке да обертывает онучею ногу, хочет лапоть надевать, подняла ногу да и говорит:

- Ведь ей стыдно не подъевывать-то, люди говорят: девятнадцатый год!

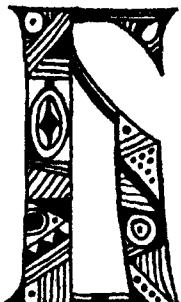
- Да, правда, евто ваше ремесло!

¹ Казенка - здесь: деревянный пристрой к печи в избе с дверкою, служащий приступком для лазу на печь и лежанкою. Даль Б., толковый словарь живого великорусского языка. - М., «Русский язык», 1979, Т. 2, С. 74.

² Опыт областного великорусского словаря. - Под ред. И. Х. Востокова. Второе отделение Императорской Академии наук. - СПб., 1852.

СКАЗКА О ТОМ, КИК ПОП РОДИЛ ТЕЛЕНКА

ыл-жил поп да попадья. У них был казак (т.е. батрак) по имени Банька, только житье у них казаку было не очень-то хорошее, больно скуча попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостинку и давай за ними бегать, прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе докончили работу и поехали домой. Было темно.

- Банька, - сказал поп, - не лучше ли нам ночевать в деревне, хоть у Гвоздя, он мужик доброй, да у него и двор-то крытой.

- Хорошо, батюшка, - отвечал Банька. Приехали в

деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился Богу, поклонился хозяину и сказал:

- Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: «Садитесь все крещеные», а если скажешь попу: «Садись, отец духовный!», то он рассердится на тебя и не сядет ужинать: он не любит, когда его так называют.

Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол, и когда все было готово, сказал:

- Садитесь, все крещеные, ужинать!

Все сели, кроме попа, он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, ан-то и не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа:

- Что, отец Михаил, не садился с нами ужинать?

Я поп отвечал:

- Мне не хочется есть.

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было теплее, чем в избе, поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. Я в скотной ничего не было, кроме квашни с раствором. Поп стал будить казака.

- Что, батюшка, надоено?

- Казак, мне есть хочется.

- Ну, так что не ешь, в квашне тот же хлеб, что и на столе, - сказал Ванька и сошел с полатей, наклонил квашню и говорит:

- БУДЕТ ТЕБЯ!

Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и овлил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул. В это время отелилась на дворе корова и стала мычать, хозяйка услыхала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу, а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком, схватил рукою теленка и стал будить казака.

- Что опять понадобилось? - сказал Ванька.

Я поп:

- Ванька, ведь у меня на печи-то теленок, и не знаю, откуда он явился.

- Вот еще что выдумал! Сам родил теленка да и говорит: не знаю, откуда взялся.

- Да как же это так могло статься? - спрашивает поп.

- Я вот как: помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! Вот теперь и родил теленка.

- Ванька, как вы сделать, чтобы попадья не узнала?

- Давай триста рублей, все сделаю: никто не узнает!

Поп согласился.

- Смотри же, - говорит казак попу, - ступай теперь тихонько да надень вместо сапогов мои липовки.

Только что ушел поп, казак тотчас к хозяину:

- Ях вы, ослы, ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги: ступайте - посмотрите.

Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтобы обделал дело так, чтобы никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит:

- Батюшка! Теленка-то хозяин хочет привезти к попадье да сказать, что ты его родил!

Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько.

- Ступай себе, все сделаю, - сказал казак и поехал опять к мужику.

- Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет!

Этот простофия дал казаку еще сотнягу:

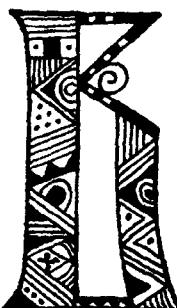
- Только обманни попадью да никому не сказывай!

- Хорошо, хорошо, - сказал казак, приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать. *

* Записана в Вологодской губернии.

ПОП И ЗАПИДНЯ

одной деревне был мужик, промыслом мясник: был он скотину да продавал говядину, а мясо-то хранил в сарае. Только в этом сарае было окно, и повадились туда лазить собаки и кошки таскать мясо. Вот мужик и поставил в окне капкан: прибежала попова собака и попала в капкан да издохла. Жалко попу собаки, а делать нечего, купил другую и боится:

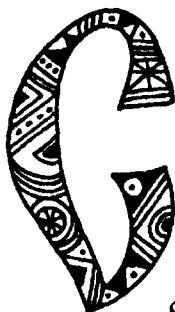
- Как вы и эта не пропала.

Думал-думал, как бы пособить горю да насмеяться над мужиком, и надумался: пришел к сараю, скинул штаны, взлез на окно и ну срать в капкан, а капкан как спустится да как схватит попа за муде - закричал он благим матом. Прибежал мужик.

- Ях, мать твою раздак, какой черт тебя занес сюда? Уж впрямь дурья порода!

Сбежался народ, кое-как отцепили попа, а он тут же издох, так и повалился!

ПОП, ПОПАДЬЯ, ПОПОВНА И БАТРАК

сврался поп нанимать себе работника, а попадья ему приказывает:

- Смотри поп, не нанимай похабника: у нас дочь невеста!
- Хорошо, мать, не найду похабника.

Поехал поп, едет себе путем-дорогою, вдруг попадается ему на встречу молодой парень, идет пешком-шажком.

- Здравствуй, батька!
- Здравствуй, свет! Куда Бог несет?
- Хочу, батька, в работники наниматься.
- Я я, свет, еду искать работника, наймись ко мне.
- Изволь, батька!
- Только с тем уговором, свет, чтобы по-соромски* не

ругаться.

- Я, батька, отродясь не слыхивал, как и ругаются-то!

- Ну, садись со мной: мне такого и надо.

Я поп ехал на кобыле: вот он поднял ей хвост и указывает кнутовицем на кобылью пизду.

- Я это, свет, что?

- Пизда, батька!

- Ну, свет, мне эдаких похабников не надо, ступай, куда хошь! **

Парень видит, что дал маху, делать нечего, слез с телеги и стал раздумывать, как бы ухитриться да надуть попа. Вот он обогнал попа стороною, забежал вперед, шубу свою выворотил и опять идет навстречу.

- Здравствуй, батька!

- Здравствуй, свет! Куда Бог несет?

- Да вот, батька, иду наниматься в работники.

- Я я, свет, ищу себе работника, иди ко мне жить, только с уговором: не ругаться по-соромски; кто из нас выругается по-соромски, с того сто рублей! Хочешь?

- Изволь, батька, я и сам терпеть не могу таких ругателей!

- Ну, хорошо! Садись, свет, со мною.

Парень сел, и поехали вместе в деревню.

Вот поп отъехал маленько, поднял у кобылы хвост и показывает кнутовицем на пизду:

- Это, свет, что такое?

- Это тюрьма, батька!

- Ай, свет, я такого и искал себе работника.

Приехал поп домой, вошел с батраком в избу, задрал у попадьи подол, показывает на пизду пальцем:

- Я это что, свет?

- Не знаю, батюшка! Я сроду не видывал такой страсти!

- Не робей, свет! Это тоже тюрьма.

Потом кликнул свою дочь, заворотил ей подол, показывает на пизду.

- Я это что?

- Тюрьма, батюшка!

- Нет, свет, это подтюрьмок.

Поужинали и легли спать: батрак взлез на печь, собрал поповы носки, надел их на хуй обеими руками и закричал во все горло:

- Батька, я вора поймал! Дуй скорее огня.

Поп вскочил, бегает по избе, словно бешеный.

- Не пускай его, держи его! - кричит батраку.

- Невось, не выбернется!

Поп вздул огонь, полез на печь и видит: батрак держится руками за хуй, а на хую надеты носки.

- Вот он, батюшка, вишь, все носки твои заграбастал; надо наказать его, мошенника!

- Что ты, с ума, что ли, спятил? - спрашивает поп.

- Нет, батька, я не люблю ворам потачку давать; вставай, мать, давай-ка его, мошенника, в тюрьму сажать.

Попадья встала, а батрак ей:

- Становись-ка скорее раком!

Делать нечего, встала попадья раком, батрак и зачал ее осаживать. Поп видит, дело плохо, и говорит:

- Что ты, свет, делаешь? Ведь ты ебешь!

- Я, батька! Уговор-то был - по-соромски не ругаться: заплати-ка сто рублей!

Пришлось попу раскошелеваться, а работник отъев попадью, держит хуй в руках да свое кричит:

- Этого тебе, каналья, мало, что в тюрьме сидел, еще в подтюрьмок посаджу тебя!

- Ну-ка, голубушка, - говорит поповне, - отворяй подтюрьмок!

Поставил и ее раком да зачал осаживать по-своему. Попадья накинулась на попа:

- Что ты смотришь, батька! Ведь он дочь нашу ебет!

- Молчи, - говорит ей поп, - за тебя заплатил сто рублей, не прикажешь ли заплатить и за нее столько же! Нет, пускай делает, что хочет, а я ничего говорить не стану!

Отработал батрак поповну как нельзя лучше. Тут поп и прогнал его из дома***.

*Вариант. Материны.

**Вариант. Парень спроста отвечает: «Повыше-то жопа, а пониже-то пицца» - «Ну, брат, следай с телеги долой да убирайся от греха к хую; меня с тобой попадья и в избу-то не пустит: она похабного до смерти не любит.»

***Вариант. Пришел парень с батраком в избу, попадья на лавку, подняла подол, расставила ноги и говорит батраку:

- Смотри-ка, что это у меня?

Я батрак будто испугался, как побежит из избы конь; она его ухватила:

- Чего ты, глупенький, боишься? Вить это право ничего. Я тут еще попова дочь

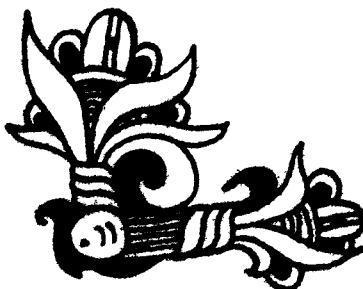
Закоротла подол да спрашивает батрака:

- И у меня-то что?

Батрак дрожит со страха да посматривает на двор.

- Ну, - говорит попадья, - мы тебе, голубчик, больше страшать не будем; а вот помни, что я тебе скажу: у меня-то меж ног тюрьма, а у дочки-то перетюрьм-тюрьма: кто пропинится в воровстве или в чем ином нехорошем - того сюда и посадим!

**** Барыант. Вот батрак и ухитрился: украд серебряную ложку и приезжал ее мочалкою на хуй. Стало обыскивать его попадья, спустила с него портки, увидела ложку, засмеялась и говорит: «Иши тебя черт догадал! Ведь я же тебе говорила, что за воронство к тюрьму сажают». - «Да я, матушка, и сам ворам не потатчик; за такую вину надо его, подлеца, посадить в перетюрьм-тюрьму». Поп с попадьей видят, куда оно пошло и говорят: «На первый раз-де и простить можно!» - «бы-то прощаете, - говорит батрак, - да я-то не прошу: вить на меня худая слава пойдет! В перетюрьм-тюрьму его, бестии!» Поп и попадья стали его уговаривать, просить да кланяться и упросили батрака не сажать вора к поповне в перетюрьм-тюрьму, а взять за то сто рублей деньгами. Тем и сказка кончилась.

ПОРОСЕНОК

Ил-был в одном селе поп, толоконный лов, у него была дочка, да такая уродилась прекрасная, что любого дорого посмотреть. Вот и наиял поп себе батрака: детина ухарской! Живет у попа месяц, и другой, и третий. На ту пору у богатого мужика на деревне родила баба: приехал мужик и зовет попа крестить младенца:

- Да милости просим, батюшка, пожалуйте вместе с матушкой, не оставьте!

Я поповская порода на чужое добро лакома, за чужим угощеньем обосраться рада. Вот поп запряг кобылу и уехал с попадьей на крестины, а батрак остался дома вместе с поповною. Захотелось батраку есть, а в печи-то у попады было припасено два жареных поросенка.

- Послушай, что я скажу, - стал говорить он поповне, - давай съедим этих поросят, вить попа с попадьей дома нету!

- И то давай!

Он сейчас достал одного поросенка, и съели его вдвоем.

- Я другого, - говорит он поповне, - я запрячу тебе под подол, чтоб наши не нашли, да после сами и съедим! Я когда поп с попадьей спросят про поросят - заодно скажем, что кошка съела!

- Да как же ты под подол спрячешь?

- Уж не твое дело. Я знаю как.

- Ну, хорошо, спрячь.

Он велел ей нагнуться (встать раком), поднял подол да и давай прятать своего сырого ей в пизду.

- Ах, как хорошо ты прячешь, - говорит поповна. - Да как же я его оттуда выну?

- Ничего, помани только овсом, он и сам выйдет!

Таким манером уважил ее батрак так славно, что она сразу и сделалась беременною. Стало у нее брюхо расти, стала она поминутно на двор бегать: у нее в брюхе шевелился-то ребенок, а она думает - поросенок. Выбежит на крыльцо, поднимет ногу, а сама сыпет на пол овес да манит:

- Чух, чух, чух! - авось выйдет.

Раз как-то и увидал это поп и стал с попадьей думать.

- Ведь непременно дочь-то брюхата, давай-ка спросим у нее, с кем ее лукавый стрес?

Призвали дочку.

- Иннушка, подь сюда! Что это с тобой? Отчего ты очижелела (отяжелела)?

Она смотрит в оба и молчит. Что такое, думает, меня спрашивают.

- Ну скажи же, от чего ты забрюхатела?

Поповна молчит.

- Да говори же, глупая! Отчего у тебя пузо велико?

- Ах, маменька, ведь у меня в животе поросеночек, мне его батрак засадил!

Тут поп ударил себя в лоб, кинулся за батраком, а того и след давно простыл.*

* Вариант. У того попа была большая свинья. Только поп с попадьей уехали, она и опоросилась и принесла одиннадцать поросеночков. Поповна и говорит:

- Ведь наша свинья распросталась; ах, как мне поросятинки-то захотелось!

А батрак:

- Ну, что же? Возьмем одного, заколем да зажарим.

- Отец узнает!

- Черт с два! Что он поп, так и узнает! Бить свинья не равно поросится: иной раз принесет 6, а то и 10 поросят и больше!-Бот взяли они одного поросенка, закололи, ошпарили, положили на противень и поставили в печь да и начали на всю избу. Только скжарился поросенок, смотрят - а черт попа несет! Что делать? Куда девать поросенка?

- Просунь голову в окно, - говорит поповне батрак,-да смотри, далеко ли отец, а я стану прятать поросенка.

Она высунулась в окошко, а батрак бросил поросенка под рогожу, сам скинул портки и заворотил поповне платье.

- Что ты делаешь?

- Я туда поросенка схороню! Никто не найдет.-Да как запихнул ей, ажно она заохала:

- Ах, как больно! Никак до крохи?

- Терпи, уж как-нибудь я его спрячу!

Приехал поп.

- Что у вас чад в избе-то?

- Должно быть в печи была голошечка, - говорит батрак, - ишь, и дочка-то ваша угорела, вся из лица переменилась.

С того самого часа и забрюхатела поповна. Стал шевелиться у неё в брюхе ребенок, она и говорит батраку:

- Знаешь что? Бить тот поросенок, что тогда ты схоронил ко мне, у меня в брюхе ожил!

- И впрямь?

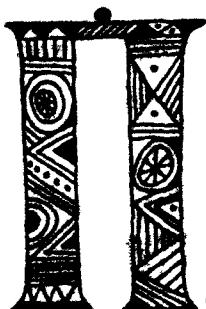
- Ей-Богу! Так и шевелится.

- Ну, его пирогом можно вымануть!

Бот поповна взяла конец пирога, пошла в сарай к телеге, подняла левую ногу на колесо и кричит:

- Чух, чух, чух!..

ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел великий пост: надо мужику итти на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкою и пошел к попу.

- Ну, говори, свет, в чем согрешил? Я это у тебя что такое?
- Это, батюшка, белая рывица, тебе на поклон принес!
- Ну, это дело хорошее! Чай, замерзла?
- Замерзла, все на погреве лежала.
- Ну, когда-нибудь растает!
- Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял за обеднею да вздунул.

- Что это за грех? Я и сам один раз в алтаре перднул. Это ничего, свет! Ступай с Богом.

Тут зачал поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено.

- Ах ты, вздун проклятый! Где же белорыбица-то?
- Хуже не хочешь ли, пердун эдакой.

ПОП И МУЖИК

И

а)

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ, а по правде сказать, в том, где мы живем, был-жил мужик, у него была молодая жена; вот муж-то пошел на заработки, а жена осталась дома беременная. И попу давно она приглянулась. И хочется ему, как бы умудриться, да мужику в карман насрать. Дождался он, пришла баба к нему на исповедь.

- Здравствуй, Марья, - говорит поп, - где твой муж теперь?

- Пошел на работу, батюшка!

- Ах он мошенник! Как же он тебя-то оставил? Ведь он заклял тебе ребенка, да не доделал. Родишь теперь какого-нибудь урода, безрукого или безногого! И пойдет про тебя худая слава на целый уезд!

Баба была очень проста.

- Что же мне делать, батюшка? Нельзя ли помочь этому горю?

- Похлопотать-то можно, только разве для тебя, а для твоего мужа ни в жисть бы не согласился!

- Похлопочи, батюшка! - просит его баба со слезами.

- Ну, так и быть, я тебе ребенка доделаю! Приходи ужо вечером к нам в сарай. Я пойду за кормом скотине, тут тебе и исправлю.

- Спасибо, батюшка!

Пришла баба вечером к попу в сарай.

- Ну, ложись, голубушка, хоть на солому.

Легла баба и ноги растопырила: поп отвалил ее разов шесть и говорит:

- Ступай домой с Богом! Теперь все благополучно.

Баба стала попу кланяться да благодарствовать.

Вот воротился домой мужик, а баба сидит и губы надула

- Такая сердитая.

- Что ты рыло-то воротишь? - спросил мужик. - Смотри, как вы я тебе не утер его!

- Поди-касы! Твое дело только гадить: ишь пошел из дома, а ребенка так и оставил недоделанным! Спасибо, поп уж смиливался -доделал, а то родила бы тебе урода!

Видит мужик, что поп насрал ему в карман. Погоди же, думает, и я тебе навалю. Пришло время, родила баба мальчишку; поехал мужик звать попа на крестины. Собрался поп, окрестил младенца и сел за стол да стал попивать водочку.

- Эка славная водка! - говорит поп хозяину. - Ты бы послал кого за попадьею, и она в выпила.

- Я сам пойду за ней, батюшка!

- Поди, свет!

Пришел мужик и зовет попадью.

- Спасибо, что нас не забываешь! Сейчас оденусь, - говорит попадья. Стала убираться да наряжаться, положила на лавку золотые серьги, а сама принялась умываться; только смочила глаза водою - а мужик взял и спрятал к себе серьги. Умылась попадья и давай искать серег - нет нигде.

- Не ты ли, мужичок, взял? - спрашивает она у мужика.

- Как можно, матушка! Я хоть и видел, куда они запропастились, да сказать совестно.

- Ничего, сказывай!

- Ты, матушка, на скамью-то села, а пизда их и съела!

- Нельзя ли как достать их оттудова?

- Пожалуй, для тебя постараюсь!

Заворотил ей подол, запендрячил и начал валить: отделал раз-другой, вытащил свой кляп и повесил ему на плечь одну сережку.

- Вот, достал, матушка!

Слезил на попадью еще раза два, достал и другую серьгу.

- Замучился ты, бедной, да уж потрудись еще: третьего года пропал у нас медный чугун, поищи, нет ли и его там!

Отработал ее мужик еще раза два:

- Нет, матушка, не достанешь! Чугун-то, он тут, да повернулся дном кверху, зацепить не за что.

Вот, покончивши это дело, пришла попадья к мужику на крестины и говорит:

- Я ты, батька, чай, заждался?
- И то заждался! Тебя, - говорит мужику, - только за смертью посыпать!
- Что ты, батька! Вить у меня было серьги пропали, я положила их на лавку да сама-то и села, а пизда их и съела; спасибо мужику, уж он мне достал!

Поп услыхал и надулся, сидит как сыр, вот тебе, невестка, на отмстку! *

б)

Жил мужик с женою. Только ему пришла нужда ехать в Москву; что делать: жена беременнa, а ехать надо.

- Ладно, - говорит он жене. - Я поеду в Москву, а ты живи без меня поскромнее да повоздержаннее.

Сказал и уехал. И дело-то было великим постом. Баба говела и пошла к попу на дух. Баба-то была собой хороша. Вот поп ее на духу и спрашивает:

- Отчего у тебя брюхо велико?
- Согрешила, батюшка, жила с мужем, сделалась тяжела, а теперича он в Москву уехал.
- Как в Москву?
- Да, батюшка.
- Я долго ль проездит?
- Почти с год.
- Ях он мошенник, заделал ребенка и не доделал, вить это смертной грех! Делать нечего, я твой отец духовной и должен

ТЕБЕ ДОДЕЛАТЬ, А ЗА ХЛОПОТЫ ПРИНЕСИ-КА ТРИ ХОЛСТА!

- СДЕЛАЙ БОЖЕСКУЮ МИЛОСТЬ, - ПРОСИТ БАБА, - ИЗБАВЬ ОТ СМЕРТНОГО ГРЕХА, ДОДЕЛАЙ, А Я ЕМУ, МОШЕННИКУ, КАК ПРИЕДЕТ С МОСКВЫ, ВСЕ ГЛАЗА ВЫЦАРАПАЮ!

- Ну, свет, рад послужить тебе; а то грешно, коли до его приезда станешь носить младенца!

ТАК ДЕЛО-ТО И ОВДЕЛАЛОСЬ.

Я ПОП БЫЛ ЖЕНАТЫЙ, У НЕГО БЫЛИ ДВЕ ДОЧЕРИ; ВОТ ОН И БОИТСЯ, КАК ВЫ ПОПАДЬЯ ПРО ЕГО ШАШНИ НЕ УЗНАЛА. Хорошо. Приехал мужик с Москвы, а жена его уж давно родила; только что входит он в избу, баба и напустилась на него:

- Ах ты сукин сын, мошенник! Наказывал мне жить воздержаннее, а сам у меня ребенка заделал, да не доделал, так и уехал! Спасибо еще, батюшка-поп мне его доделал, а то что бы я стала делать?

Мужик догадался, что дело неладно, и говорит себе:

- Погоди, я его, долгогривого колухана, обтяпаю!

Случилось в одно время летом, поп служил обедню, а дом его был подле самой церкви. Мужик собирался ехать в поле на пашню, и понадобилась ему ворона, а у попа их было три. Мужик пошел к попу в церковь и стал просить ворону. Поп рад всячески ему угодить, чтоб только до попадьи не довел его шашней, боится отказать и говорит:

- Возьми хоть все три!

- Да без тебя, батюшка, не дадут; скричи попадье-то хоть из окошка, чтоб все три дали.

- Хорошо, свет, ступай.

Мужик к попадье пришел и говорит:

- Матушка! Батюшка велел вам всем трем мне дать...

- Что ты, свет, с ума, что ли, сошел?

- Спроси его хоть сама, ведь он мне сейчас приказывал.

Попадья и кричит попу: «Поп! Ты велел нам дать мужику?»

- Да, да, все три дайте!

Делать нечего, стали давать мужику по очереди; он начал с попадьи, а кончил меньшой поповною и воротился домой. Как только пришел поп от обедни, попадья и давай его ругать:

- Ах ты черт, колухан! С ума, что ли, спятил! Всех дочерей перепортил; ну меня одну уж так и быть бы, а то всех трех велел ему отдельать. **

Поп хватать себя за бороду и побежал к мужику:

- Я тебя в суд потащу, ты моих дочерей перепортил!

- Не сердись, батька, - говорит мужик, - ты любил чужих ребят доделывать, да еще за труды холстом брал, вот теперь мы с тобой поквитались.

Помирися поп с мужиком и стали жить большими приятелями.

в)

Та же интрига в одном варианте выставляется, как случившаяся между племянником и дядею, который задумал доделывать ребенка.

Задумал Иван, как бы дяде Кузьме насмешку отплатить. На ту пору Кузьмы дома не было, оставались одни бабы. Банька взял веревку, привязал корову за рога и повел вдоль деревни. Увидала из окна тетка и говорит:

- Видно, Банька-то совсем промотался: последнюю корову повел продавать. Сноха, поди-ка спроси его, куда ведет корову?

Сноха выбежала и спрашивает:

- Куда повел корову?
- Да рассердился на жену, так и веду: где-нибудь проебу!
- Дай ему, сноха,-говорит тетка, - пусть чужим корова не достается!

Сноха согласилась.

- Веди корову на двор, - закричала она Баньке.

Вот он привел ее на двор, привязал к столбу, положил сноху на солому, отдал как надо и хочет зашивать ей пизду: вынимает иголку и нитки. Та испужалась - да в избу.

- Ну, где ж корова? - спрашивает тетка.

Та чутъ не плачет:

- Поди сама! Он отдал как надо да еще хотел пизду зашить, очень-де широка!

- Ну, ступай ты, Матрешка! - стала посыпать тетка свою дочь-девку, - хош незадаром твоя честь пропадет, все корову возьмешь!

Пошла Матрешка к Баньке, он положил ее на солому, отработал и стал вынимать ножик.

- Ях, старая чертовка, - говорит Банька, - что она на смех высыпает? Весь хуй до крови ободрал. Я не пожалею, что родня, разрежу пизду-то!

Матрешка испужалась и побежала в избу.

- Сама ступай, старая ведьма! - говорит с плачем матери, - мне и так больно, а он хотел еще ножом резать.

Я старуха говорят:

- Уж разве мне пойти - старинкой тряхнуть!

Пошла к Баньке, он и ее положил на солому да и стал смеяться.

- У меня-де и дома много в погребе снегу!

Бынул огниво и хочет поджечь солому. Старуха давай ноги, а Банька отвел свою корову назад домой и пошел настручу к дяде. Повстречались.

- Здорово, дядюшка!

- Здорово!

- Спасибо, что без меня в моем дому порядок держал! Да что у тебя волос на голове совсем нету?

- Что делать, Бог взял!

- Хочешь, я сделаю, что у тебя на голове будут волосы; только пошепчу тебе в шапку - и дело с концом!

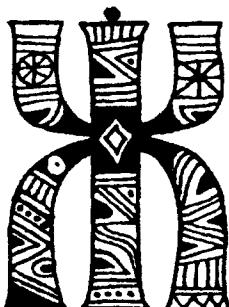
Взял дядину шапку, зашел за куст, насрал в нее, застлал сверху травкой и надел дяде на голову.

- Смотри, дядя, трое суток носи, не скидывай!

* Вариант. Поехала попадья с мужиком на крестины, выехала в чистое поле и слезла до кетру; исправила свое дело и захотела помыть руки хоть в луже; сняла кольцо и положила на землю; мужик взял его и припрятал. Далее рассказ тот же: мужик достает кольцо у попады из пизды и надевает его себе на хуй.

ПОП И БАТРАК

a)

ИЛ ПОП С ПОПАДЬЕЮ; У НИХ БЫЛО ДВЕ ДОЧЕРИ.
НАНЯЛ СЕБЕ ПОП РАБОТНИКА; ДОЖДАЛСЯ ВЕСНЫ, САМ ПОЕХАЛ НА
БОГОМОЛЬЕ, А РАБОТНИКУ ПРИКАЗЫВАЕТ:

- Смотри, свет, к моему приезду чтоб ты весь огород скопал и гряды поделал.

- Слышаю, батюшка!

БОТ БАТРАК КОЕ-КАК СКОПАЛ ОГОРОД КОЛОМ, ДА ВСЕ ВРЕМЯ И ПРОГУЛЯЛ. ВОРОТИЛСЯ ПОП, ПОШЕЛ С ПОПАДЬЕЙ НА ОГОРОД, ВИДИТ - НИЧЕГО НЕ СДЕЛАНО.

- ЭХ ТЫ, СВЕТ! УЖЕЛИ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КАК ОГОРОДЫ КОПАЮТ?

- ТО-ТО И ОНО, ЧТО НЕ ЗНАЮ, КОЛИ Б ЗНАЛ - ТАК ВЫ И СДЕЛАЛ.

- Ну, свет, ступай в горницу, спроси у дочерей, чтоб дали тебе железную лопатку, я тебе покажу, как копать-то.

БАТРАК ПОВЕЖАЛ В ГОРНИЦУ ПРЯМО К ДОЧЕРЯМ.

- Ну, барышни, батюшка приказал вам, чтобы вы обе мне дали!

- Чего?

- Сами знаете чего - поеть!

Поповны на него заругались.

- Нечего тут ругаться-то! Батюшка велел, чтобы скорее меня отпустили: надо гряды копать. Коли не верите, сами у него спросите.

Одна сестра сейчас выбежала на крыльце и кричит:

- Батюшка, вы приказали дать работнику?

- Дайте ему поскорее, что вы его там держите!

- Ну, сестрица, - говорит, воротившись Поповна, - нечего делать - надо ему дать, батюшка приказал.

Тут они обе легли, и работник лихо их отмахал. После того схватил в сенях лопату и побежал к батьке на огород. Поп показал ему, как копать гряды, а сам с попадьей пошел в горницу; смотрит, а дочери плачут.

- О чем вы плачете?

- Как нам не плакать, батюшка! Сам же ты велел работникам над нами насмеяться.

- Как насмеяться?

- Да вить ты велел, чтоб мы ему дали!

- Ну что ж? Я велел дать ему лопату.

- Какую лопату? Он нас обеих перепортил, невинность нашу нарушил.

Поп, как услыхал это, сильно рассердился; схватил кол и

прямо на огород. Батрак видит, что поп с колом бежит к нему -не с добром, бросил лопату и давай Бог ноги от попа бежать. Поп за ним, а батракшибче, так и укрылся с батькиных глаз. Пошел поп отыскивать своего батрака. Идет, а навстречу ему мужичок.

- Здравствуй, свет!
- Здравствуй, батюшка!
- Не попадался ли тебе навстречу мой работник?
- Не знаю, какой-то парень пробежал бойко.
- Это он самой и есть! Пойдем, мужичок, со мною, пособи мне его отыскать, я тебе за то заплачу.

Вот пошли они вместе, прошли немного, повстречался им цыган.

- Здравствуй, цыган! - говорит поп.
- Здоров бул, батенька!
- Что, не попадался ли тебе навстречу какой парень?
- Я, батенька, какой-то проскочил мимо.
- Это он самой и есть! Пособи нам отыскать его, я тебе заплачу за это.
- Изволь, батенька.

Пошли они втроем. И батрак прибежал в деревню, надел на себя другую одежду и сам идет попу навстречу. Поп не узнал его и стал спрашивать:

- Что, свет, не видал ли ты какого мужика по дороге?
- Видел, в деревню побежал.
- Ну, брат, пособи нам его найти.

- Извольте, батюшка.

Пошли все четверо искать попова батрака, пришли в деревню, ходили-ходили до самого вечера: нет толку. Стало темно: где бы переночевать?

Вот приходят они к одной избе, в которой вдова жила, стали проситься на ночлег. Вдова отвечает:

- Добрые люди! У меня в эту ночь потоп будет! Пожалуй, еще потонете.

Но сколько она ни отказывалась - не могла отказаться и впустила их на ночь. Я к ней в эту ночь обещался прийти любовник. Вот взошли они в избу и легли спать. Поп думает:

- Что, коли в самом деле будет потоп?

Взял большое корыто, поставил на полку и лег в корыте.

- Коли будет потоп - думает себе, - так я стану в корыте по воде плавать.

Цыган лег на шестке головой в золу; мужик лег за столом на лавке, а попов работник у самого окна на скамье. Только улеглись они и уснули все крепким сном, один попов работник не спит и слышит, что под окошко подошел хозяин любовник и стучится:

- Отопри, душенька.

Работник встал, отворил и тихонько говорит ему:

- Ях, миленький мой! Ты пришел не вовремя. Теперь у меня ночуют чужие люди в доме; приходи на ту ночь.

- Ну, миленькая, - говорит любовник, - нагнись в окошко, хоть мы с тобой поцелуемся!

Работник повернулся к окну жопою и высунул свою сраку, любовник и поцеловал ее всласть.

- Ну, прощай, миленькая! Будь здорова, на ту ночь приду к тебе.

- Приходи, душа! Я стану дожидаться. Я на прощанье дай, миленький, свой хуй - мне хоть в руках его подержать: все как будто будет повеселее.

Вот он вывалил из штанов на окно свой кляп:

- На, милая, полюбуйся!

Я батрак взял тот кляп в руки, поваловал-поваловал, вынул нож из кармана и отхватил у него хуй вместе с мудями. Любовник закричал благим матом - и без памяти домой. Работник затворил окно, сидит себе на лавке и чавкает ртом, будто что ест. Мужик услыхал, проснулся да и спрашивает:

- Что ты, брат, ешь?

- Да вот нашел на столе кусок колбасы, только никак не угрьзгу, такая сырая.

- Даром, брат, что сырая, дай-ка мне кусочек попробовать.

- Э, брат, мне и самому мало! Да пожалуй, на тебе один конец, ешь на здоровье, - и отдал мужику отрезанный хуй.

Мужик с голодухи и начал его жевать: грыз-грыз, никак не может откусить и говорит:

- Что, брат, с нею делать? Никак не угрьзешь; эдакая сырая!

- Ну, ты положь колбасу в печь, пускай поджарится, тогда ты и съешь.

Мужик встал, подошел к печке и сунул колбасу прямо на цыганские зубы; подержал, подержал и стал проворовать:

- Нет, ничего колбаса не упарилась! Ее и огонь не берет.

- Да полно тебе с нею-то возиться, еще, пожалуй, хозяйка услышит, забранится. Невось в печке-то огонь весь разгреб, залей его водой, чтоб хозяйка не узнала.

- Да где воды-то искать?

- Ну поссы туда! Чем на двор идти, лучше огонь залей.

Мужику крепко хотелось сссать, и начал он прямо цыгану в рожу сссать. Как почувял цыган, что откуда-то вода льет ему прямо в рот, подумал: пришел-де потоп и стал кричать во все горло:

- Ай, батенька, потоп, потоп!

Поп услышал голос цыгана и захотел спросонок прямо на корыте спуститься на воду, да как шлепнется об пол, все ребра себе и переломал.

- О Боже мой! - кричит поп, - когда падает малой ребенок, Бог подставляет под него подушку, а как старому придется упасть - так черт борону подставит. Вот теперь я весь разбился! Не найти мне, верно, разбойника, моего батрака.

Я работник:

- И не ищи лучше, ступай-ка с Богом домой - будет здоровее!

б)

Нанял поп батрака. Раз поутру говорит поп батраку:

- Давай-ка позавтракаем да пойдем молотить.

Сели завтракать, поели того-сего, потом попадья дала на закуску три яйца, попу два, а батраку - одно. Пошли они на ток молотить, взяли цепы и стали работать; поп ударит цепом два раза, а батрак - один раз. Поп - два раза, а батрак - один раз. Поп видит, что батрак выдаёт его в работе, рассердился и говорит:

- Что ты, свет, со мною шутишь, что ли? Я как следует молочу, а ты все выжидаешь, я ударю цепом два раза, а ты супротив меня только один раз.

- Послушай, батюшка, - сказал батрак, - когда мы завтракали, так ты два яйца съел, а я одно, оттого и силы у меня меньше!

- Что ж ты, свет, давно мне этого не скажешь? Я бы приказал матке, чтоб тебе и другое яйцо дала. Ступай в избу да скажи матке, чтоб дала тебе другое яйцо, съешь да и ворочайся назад.

Батрак бросил цеп, привеждал в избу и говорит попадье:

- Матушка! Поп приказал, чтоб ты мне дала.

- Чего тебе дать?

- Сама догадаешься - вестимо поеть! Только давай поскорей, батька велел торопиться.

- Что ты, проклятый, с ума спятил? Эдакие речи говоришь?

- Ну, сама спроси у попа, коли не веришь.

Попадья вышла на двор и кричит:

- Послушай, батюшка! Ты велел работнику дать?

- Я ты еще не дала? - кричит ей поп. - Дай ему поскорее да отпусти, пусть молотить идет.

Попадья вошла в избу.

- Ну, правда твоя! - говорит работнику и легла на лавку за столом.

Батрак влез на нее, живо отмахал, торопится уйти, чтоб поп-то не застал, и прямо с попадьи полез через стол, и тут с его хуя потекло на стол соплей-таки порядочно. Вышел на двор и дал тягу от попа. Вот поп помолотил, помолотил и думает: что такое значит, что по сю пору нет работника, дай схожу за ним. Пришел в избу и спрашивает у попадьи:

- Где же батрак?

- Как обработал, так сейчас и ушел.

Поп думает, что попадья говорит об яйце, подошел к столу и видит, что на столе нагажено, и говорит жене:

- Эка ты ему уважила! Верно, дала яйцо всмятку; ишь, не мог он аккуратно съесть, на стол разлил.*

Я попадья посмотрела на стол и говорит:

- Эка подлец! Это как он с меня слез прямо через стол, верно, с его хуя и натекли сопли; надо убрать.

- Что, что, - спрашивает поп, - что он с тобою сотворил?

- Да что ты приказал, то и сотворил - отъеб меня!

Поп начал на себе длинные волоса рвать и заругался на

попадью:

- **Их** ты, проклятая бледица!

Тотчас запряг он лошадь и поехал нагонять батрака. Батрак увидел попа - взял выпачкался в грязи и сам пошел к нему на встречу.

- Здравствуй, батюшка!

- Здорово, свет!

- Куда едешь?

- Батрака своего разыскиваю.

- Возьми и меня с собою.

- Да ты кто?

- Грязинов.

- Пожалуй, поедем.

Едут вдвоем, попадается им цыган, тоже назвавшийся с ними ехать. Вот едут втроем и настигла их ночь. Приехали они к речке, увидели: стоит на берегу избушка, а в той избушке жила вдова, и к ней по ночам ходил любовник. Стали у ней проситься ночевать; она им отказывает.

- Никак нельзя! Нынче ночью зальет мою избу водою - все, пожалуй, соиные потонете!

- Ничего, мы тогда как-нибудь выйдем.

Делать нечего, пустила их ночевать; поп лег на полати.

- Здесь, - думает, - высоко; авось вода не дойдет!

Цыган привесил корыто к потолку, лег в него и взял нож.

- Когда придет вода, - думает себе, - я обрежу веревки и поплыну в корыте.

Хозяйка легла на печке, а батрак хозяйкино-то дело сметил да и лег у окна:

- Пусть вода придет, ведь один раз умирать!

Вот ночью слышит он: кто-то стучится к нему под окошко.

- Кто там?

- Я, - говорит любовник.

- Ну что ж, принес что-нибудь?

- Принес полштофа водки да колбасу.

- Ну, давай!

Тот подал. Батрак взял и говорит ему:

- Мне никак нельзя теперь тебя принять, потому что у меня постояньцы ночуют; а дай хотя для потехи подержу твой в руках: все легче мне будет!

Любовник вывалил из штанов свой хуй, а батрак взял рукою за хуй покрепче, другою ищет, нет ли палки его попотчевать; на счастье и попадись ему ножик. Как он барахнул-то ножом - тот и стоит, слово безумный, без хуя: видит дело-то плох - и марш домой!

Я батрак сейчас полуштоф побоку, пьет себе да колбасой заедает. Я попы на это чутки. Проснулся поп и кричит:

- Грязнов! Что ты ешь?

- Колбасу.

- Дай-ка и мне!

Он ему и подал отрезанный хуй. Поп погрыз, погрыз да и отдал назад:

- Очень крепка! - говорит.

- Ещё не уварилась.

Потом опять заснули все; батрак и вздумал ещё подшутить, взобрался на полати и начал ссать, да наметил прямо попу в рот, а тот как закричит:

- Вода, вода!

Да чебурах вниз головою. Я цыган видит, что поп нырнул вниз, сейчас обрезал ножом веревки да и с корытом бац - так и брякнулся об пол. Кое-как повскакивали да бежать вон! Я батрак и теперь поживаёт с Этюю Хозяйкою**.

* Вариант. Подошел к столу и говорит:

- Иши ты, мать, с батраком личинцу ела, да разлила!

Взял соли, посолил да и слизал языком (Отим и кончается сказка).

** Вариант. Шел сапожник дорогую; нагнал его портной и говорит:

- Здравствуй, мир дорогому!

- Здравствуй!

- Нельзя ли пристать к тебе в товарищи?

- Пойдем.

Идут. Навстречу им немец.

- Здорово, мир дорогому вам, братцы! Не примете ли в товарищи?

- Какие мы тебе товарищи: мы русские, а ты немец!

- Возьмите с собой, братцы!

- Ну, иди!

(Дальнейшая история та же: останавливаются ночевать у ёдовы: сапожник у окошка; ёдова было не пускать его - куда! Портной на гольце у печки, а немец в корыте, которое привесил к потолку. Приходит любовник.

- Дай, милад! Я хоте тебя поцелую!

Сапожник выставил ему свою жопу. Тот поцеловал и говорит:

- Какая уней морда-то широкая! Дай, еще поцелую!

Сапожник еще выставил жопу, а любовник нашел колотушку да как хватит его по жопе.

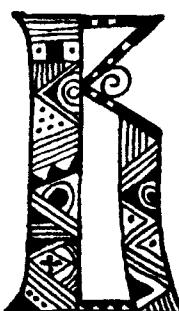
- Ах, мать его так! Ловко поцеловал!

Сапожник ссыпь немцу прямо в рот, тот падает на землю.

- Хитер немец, - говорит сапожник, - а мы его надули!)

ПОПОВСКАЯ СЕМЬЯ И БАТРАК

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НАШЕМ ГОСУДАРСТВЕ, ЖИЛ-
БЫЛ ПОП С ПОПАДЬЕЙ, У НЕГО БЫЛО ТРИ ДОЧЕРИ ДА БАТРАК. ВОТ
ЭТОТ БАТРАК И ЗАДУМАЛ: КАК БЫ ПОДОБРАТЬСЯ К ПОПОВЫМ
ДОЧЕРЯМ. ПОПРОСИТЬ-ТО ПРЯМО НЕ СМЕЛ; ДОЖДАЛСЯ ОН
ПРАЗДНИКА, ВЗЯЛ С СОБОЮ КОТЕЛОК И ПОШЕЛ В САРАЙ, НАЛИЛ В
КОТЕЛОК ВОДЫ, РАЗЛОЖИЛ ОГОНЬ И ДАВАЙ КИПЯТИТЬ ВОДУ. ПОП
ВОРОТИЛСЯ ОТ ОБЕДНИ И СЕЛ ОБЕДАТЬ С ЖЕНОЮ И ДОЧЕРЬМИ ДА И
СПРАШИВАЕТ:

- Я ГДЕ ЖЕ БАТРАК?
- В САРАЕ, - ГОВОРИТ ПОПАДЬЯ, - ЧТО-ТО ВСЕ УТРО РАБОТАЕТ.
- ЧТО ВЫ, ВЕЗБОЖНИЦЫ? ПОСЛАЛИ ЕГО РАБОТАТЬ - ЭДАКОЙ
НЫНЧЕ ПРАЗДНИК! ИЛИ В ВАС БОГА-ТО НЕТ?
- МЫ ЕГО НЕ УСЫЛАЛИ, ОН САМ ПОШЕЛ.
- СТУПАЙ, - СКАЗАЛ ПОП СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ, - СХОДИ ЗА НИМ,

ЧТОБЫ ШЕЛ ОБЕДАТЬ.

Поповна побежала в сарай, прибежала и спрашивает:

- Что ты, батрак, варишь?
- Сласть.
- Дай-ка хлебнуть!
- Я дай ебнуть!

Поповна заворотила подол, а батрак и ну ее таить, отдал и дал хлебнуть. Она хлебнула:

- Вода как вода! - говорит и ушла назад.

Приходит в избу, поп и спрашивает ее:

- Что ж батрак не идет?
- Что-то работает!
- Дура! Ведь я сказал, что все бросил и шел обедать.
- Поди ты, - говорит поп средней дочери, - гони его сюда!

Побежала средняя дочь и спросила:

- Что ты, батрак, варишь?
- Сласть!
- Дай мне хлебнуть!
- Дай-ка раз ебнуть!

Тут он и эту отвялял и дал после хлебнуть.

- Как есть вода! - говорит поповна и убежала назад.
- Что ж батрак? - спрашивает поп.
- Нейдет, что-то все возится!

Послал поп меньшую дочь. Пришла она в сарай и тоже спросила:

- Батрак! Что ты варишь?

- Сласть!
- Дай-ка мне хлебнуть!
- Дай разок ебнуть!

Поповна дала ему разок, хлебнула воды и ушла в избу.

Поп осердился и говорит:

- Все вы дурищи! Поди ты, попадья! Зови его, чтоб сейчас шел!

Пришла попадья в сарай.

- Что ты, батрак, варишь?
- Сласть!
- Дай отведать - хоть раз хлебнуть!
- Дай ебнуть!

Попадья было заартачилась, а он так - даром не дает попробовать сласти, но уж ей очень захотелось узнать, что такое там варится, попадья и дала ему ебнуть, а потом хлебнула и водицы.

- Ну что, хороша, матушка, моя сласть?
- Вышли вместе . воду и пошли обедать.
- Что ты, дурак, долго не шел; нынче грехно работать! - сказал поп.

Стали обедать, вот подали пирог, поп разрезал его и роздал всем по куску.

Попадья отдает свою долю батраку.

- На тебе, батрак, мою долю за давешнее!*

Глядя на мать, и поповны стали отдавать батраку свои куски.

- На тебе, батрак, за давешнее!

Поп глядел, глядел да и сам туда же:

- На тебе, батрак, и мою долю за давешнее!

- Да разве тебя батрак пежил? - спросила его попадья.

Я поп спрашивает:

- Я вас разве пежил?

Попадья и поповны в один голос так и заголосили:

- Как же! Нас пежил!

Поп рассердился и согнал батрака со двора.

* Барнант. За твою счастье

ЧЕСАЛКА

К

упил старик своей старухе тулуп да под забором всю ночь ее еб. Поутру стала погода мокрая, идет старушонка, сгорбилась да плачет, а старик вслед за нею да на жену так и скачет. Старуха своему старику говорила:

- Не разорви меня, Гаврила!

Я старики был на ухо крепок, тех речей не расслухал да ей в чрево свой хуй ввухал и еб ее до усера. Не насытится никогда око зрением, а жопа вздением, нос табаком, а пизда хорошим елдаком: сколько ее не зуди, она все, гадина, недовольна!

Это присказка, сказка впереди.

Жил-был поп, у попа была дочка, еще невинная девка. Пришло лето, стал поп нанимать работников косить сено и нанимает с таким уговором, если дочь его перескнет через стог сена, что работник накосит, то и заработной платы ему

нет. Много нанималось к нему рабочих, да все работали на попа даром: поповна, что ни выйдет, так стог и пересикнет. Вот договорился с попом один удалой работник с тем, что будет он косить попу сено, и коли поповна пересикинет, то вся работа пойдет и за что. Стал работник косить сено, иакосил и сметал в стог, лег подле стога, вынул из портока свой хуй и давай его надрачивать. Я дочь попова идет к работнику посмотреть на работу, глядит на него и спрашивает:

- Что это ты, мужичок, делаешь?
- Чесалку поглаживаю.
- Что ж ты этою чесалкой чешешь?
- Давай я тебя почешу! Ложись на сено.

Легла попова дочка, он начал ее чесать да и промахнул ее как следует. Быстрая поповна и говорит:

- Какая славная чесалка!

Потом стала сикать через стог - нет, не берет, только себя обоссала, словно из решета вылила. Приходит к отцу и сказывает:

- Оченно велик стог - не смогла пересикнуть.
- Ях, дочка! Верно, больно хороший работник! Я его на год найму.

Как только пришел работник за расплатою, поп и пристал к нему:

- Наймись, свет, на год!
- Хорошо, батюшка!

Нанялся он к попу. Я поповна так ему рада!

Приходит ночью к батраку и говорит:

- Почекши меня!

- Нет, я даром чесать не буду, принеси сто рублей, купи себе чесалку!

Поповна принесла ему сто рублей, он и начал чесать ее каждную ночь. После того батрак поссорился с попом и говорит ему:

- Рассчитай меня, батька!

Рассчитался и ушел, а дочери на ту пору дома не было; приходит она домой:

- Где работник?

- Он, - говорит поп, - рассчитался и сейчас ушел на деревню.

- Ах, батюшка, что вы сделали, ведь он мою чесалку унес.

И пустилась бежать за ним в погонь. Нагоняет его около речки. Батрак засучил портки и стал переходить вброд.

- Отдай мою чесалку! - кричит попова дочь.

Батрак поднял камень, бросил его в воду.

- Возьми себе, - говорит.

Перешел на ту сторону и был таков!

Поповна подняла подол, полезла в воду и ну искать чесалку. Шарит по дну - нет чесалки. Ехал мимо барин и спросил:

- Что ты, голубушка, ищешь?

- Чесалку. Я купила ее у батрака за сто рублей, а он, уходя, унес было, да я погналась за ним, так он и бросил ее в

воду.

Барин вылез из брички, скинул с себя штаны и полез искать чесалку. Искали-искали вдвоем. Вот попова дочь увидала, что у барина висит хуй, как схватит его обеими руками, держит, а сама кричит:

- **Ах, барин! Стыдно тебе, вить это моя чесалка, отдай назад!****

- Что ты делаешь, бесстыдная, пусти меня! - говорит барин.

- Нет, ты сам бесстыдник! Чужое добро хочешь взять. Отдай мою чесалку!

И потащила барина за хуй к своему отцу.

Поп смотрит в окно: дочка тащит барина за хуй да все кричит:

- Отдай, подлец, мою чесалку!

Я барин жалобно просит:

- Батька, избавь от напрасной смерти! Век тебя не забуду!

Что делать? Поп вынул из портока свой поповский кляп, показывает дочери в окошко и кричит:

- Дочка, а дочка! Вот твоя чесалка!

- И то моя, - говорит дочь, - ишь с конца-то красная! Я уж думала, что барин ее взял!

Сейчас бросила барина и бегом в избу. Барин навострил лыжи - только пятки показывает. **Я** девка вбежала в избу:

- Где ж моя чесалка, тятенька?

- **Ах ты сякая-такая!** - напустился на нее поп, - гляди,

МАТКА, ВИТЬ У НЕЕ ЧЕСТНОСТИ-ТО НЕТ!

- Полно, батька,- сказала попадья, - посмотри сам, да получше.

Поп долой портки и давай свою дочь ети. Как стало попа забирать, он ржет да кричит:

- Нет, не потеряла дочка честности...

Попадья говорит:

- Батька! Засунь ей честность-то подальше!

- Не бось, матка, не выронит, далече засунул!

Я дочь-то еще молоденькая, не умеет подымать ноги круто.

- Круче дочка, круче! - кричит попадья.

Я поп:

- Ах матка, и так вся в куче!

Так-то и нашла попова дочь чесалку.

С тех пор стал поп их обеих чесать, состряпал им по куколке и доселеева живет: дочку с матушкой ебет!

* Баринант. В одном селе, против неба на земле, жил поп Сирах, носил рясу в дырах; жил он без лишних зятей, а семья у него сам-третей: была одна дочь Катерина да батрак. В одно время поповна пекли топила, а батрак стоял против огня, и встал у него хуй, ажно сорочка поднялась. Увидела попова дочка и стала батрака спрашивать:

- Что это у тебя за бурак под рубашкою торчит?

- Ах, барышня! Это у меня не бурак, а чесалка!

- Какая ж такая чесалка? Нельзя ли и меня один раз чесануть?

- Иши ты, барышня, какой у тебя закидликий глазок! Что ни увидишь - то и просишь.

И начал батрак чесать поповну, и с тех пор чесал ее до тех пор, пока не поднялось у нее брюхо к носу; тут батрак с попом рассчитался и драла от него.

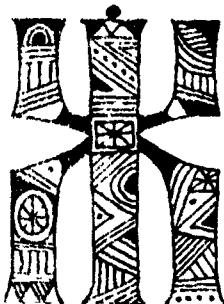
** Баринант. Нашел поповна в реке чесалку; приходит поп и давай вместе с нею шарить; поднял рясу, а портки-то еще до берегу спустил; дочь увидела у него хуй и кричит:

- Батюшка! Отдай мою чесалку!

Поп туда-сюда; она все ское:

- Отдай мою чесалку.

ЗАГОНИ ТЕПЛЯ

Ил-был мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак. Стал он их спрашивать:

- Дети мои любезные! Чем вы меня под старость будете кормить?

Старшие братья сказали: "Работою".

А дурак по-дурацки и отвечал:

- Чем тебя больше кормить, как не хуем!

На другой день старший сын взял косу и пошел косить сено; идет дорогою, попадается ему на встречу поп.

- Куда идешь? - спрашивает поп.

- Ишу работы, где бы сена косить.

- Поди ко мне, только с уговором: я дам тебе сто рублей, если моя дочь не перескнет того, что накосишь за день, а коли она перескнет - не заплачу тебе ни копейки.*

- ГДЕ ЕЙ ПЕРЕСИКНУТЬ! - думает парень и согласился.

Поп привел его на полосу:

- Вот здесь коси, работник!

Парень сейчас же начал косить и к вечеру накосил такую кучу, что страшно посмотреть. Но поповна пришла и пересикнула. Пошел он домой, как несолено хлебал!

Со средним братом случилось то же самое. Ну, пошел и дурак.

- Дай-ко, - говорит, - я пойду, поищу-ка своему хую работы.-Взял косу и идет; попадается ему на встречу тот же самый поп и зазвал его к себе работать с таким же уговором.

Начал дурак косить; прошел одну линию, скинул портки и стал раком. Тут пришла старшая попова дочь и спрашивает:

- Работник, что же ты не косишь?

- Подожди, дай мне тепла в жопу загнать, чтоб зимой не мерзнуть.

- Загони и мне тепла, пожалуйста, а то мы зимой в гости ездим - всегда зябнем.

- Становись раком; заодно загоняй!

Она стала раком, а дурак вздрочил махалку и как хватит ей в пизду и давай загонять тепло: до тех пор загонял, что с ней аж пот градом льет. Как его забрало, он и говорит:

- Ну, будет с твоя, хватит на одну зиму!

Она побежала домой и сказала двум своим сестрам:

- Ях, душечки сестрицы! Как славно мне работник тепла в жопу загонял, с него и с меня даже пот лил!

И эти туда же побежали; дурак и им загнал тепла на зиму. Я сена накосил он так, самую малость, только три раза прошел.

Приходит поп со старшой дочерью и хвастает:

- Ступай, работник, лучше заранее домой; моей дочери этого нетрудно пересикнуть!

- Я вот посмотрим!

Поп велел своей дочки сидеть: она подняла подол, как сибирь, да прямо себе за чулки.

- Вот видишь! - сказал дурак, - а тоже хвастаешь!

Поп в досаде послал за меньшими дочерьми.

- Коли и эти не пересикнут, - говорит поп, - то я даю тебе с каждой по сту рублей!

- Хорошо.

Но и средняя и меньшая поповны только себя обоссали.

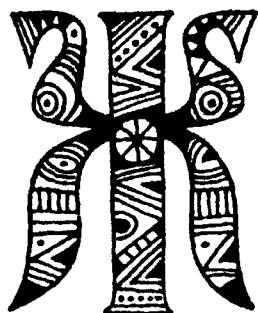
Дурак сорвал с попа триста рублей, пришел к отцу и говорит:

- Вот вам хуева работа! Посмотрите, сколько денег!

* Алихи со сказкой «Чесалка»

ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ (ИЛИ КОЗЛА)

а)

ИЛ-БЫЛ МУЖИК, У НЕГО БЫЛ КОБЕЛЬ.
Рассердился мужик на кобеля, взял - повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю; подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес; забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам:

- Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить да не будете его кормить - я с вами по-

своему разделаюсь!

Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески, а хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет - ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заволел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всею церемонией. Взял он пять тысяч и пошел к попу.

- Батюшка! У меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду.

- Ну, это хорошо, свет! Только в церковь носить его не надо, а похоронить можно. Приготовляйся, завтра приду к выносу.

Мужик изготоился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками в ризах, пропели, что надо, и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу. Дошло у попа до дежежа с причтом; он и обидел дьячков - мало им дал. Вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронил кобеля по-христиански.

Архиерей позвал к себе попа на суд.

- Как ты смел, - говорит, - хоронить нечистого пса?

И посадил его под арест.

Я мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать.

- Ты зачем? - спросил архиерей.

- Так и так, - отвечает мужик, - помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять!

- Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест: зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви - не отслужил по нем панихиды?

Взял архиерей отказаные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

б)

Жил старик со старухою. Не было у них ни одного детища, только и был что козел: тут все и животы! Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти - только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дома, козел бежит за ним из дома. Вот однажды случилось старику идти в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да травку щиплет. Щипал, щипал да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, заснул рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел греется землю, подошел к нему - и увидал золото. Несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги - и домой. Рассказал обо всем старухе.

- Ну, старик! - говорит старуха, - Это нам Бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности! Я теперь поживем в свое удовольствие.

- Нет, старуха! - отвечал ей старик, - эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым, теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать да и сами-то поправились - лучше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе - поживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать:

- Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед Богом и людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили! Я лучше пойду я к попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

- Здравствуй, батюшка!

- Здорово, свет! Что скажешь?

- Я вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер! Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи - крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе:

- Их ты, окаянной! Что выдумал! Бонючего козла хоронить.

- Да вить этот козел, батюшка, был совсем-таки православной, он отказал тебе двести рублей.

- Послушай, старый хрен! - сказал поп. - Я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сию пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уж помер!

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

- Ну, ступай же скорей к отцу дьякону, скажи, чтобы приготовлялся; сейчас пойдем козла хоронить!

Приходит старик к дьякону и просит:

- Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

- Я кто у тебя помер?

- Да вы знали моего козла, он-то и помер!

Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо.

- Не бей меня, отец дьякон, - говорит старик. - Ведь козел-то был, почитай, совсем православной; как умирал - тебе сто рублей отказал за погребение.

- Эка ты стар да глуп! - сказал дьякон. - Что ж ты давно не известил меня о его православной кончине. Ступай скорей к дьячку: пущай прозвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

- Ступай, прозвони по козловой душе!

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

- Отпусти, пожалуй, вить козел-то был православной, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

- Что же ты до этих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уже прозвонить.

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валить во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять: положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

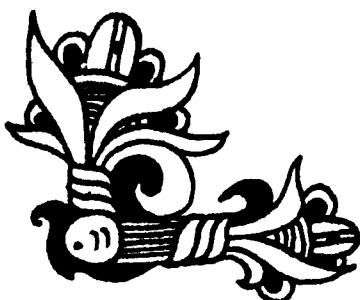
Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что поп-де козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом.

- Как вы смели похоронить козла? Их вы безбожники!

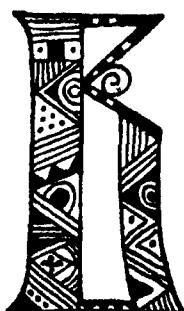
- Да вить этот козел, - говорит старик, - совсем был не такой, как другие козлы; он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

- Эка ты глупой старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соловоровал!...

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

СУД О КОРОВАХ

одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, а у мужика только одна, да хромая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться да отжилить у мужика и последнюю корову.

- Тогда было бы у меня восемь!

Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви:

- Послушайте, миряне! Яще кто подарит своему духовному пастырю одну корову - тому Бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!

Мужик услыхал эти слова и думает:

- Что уж нам в одной корове! На всю семью и молока не хватает! Сделаю-ка я по Писанию, отведу корову к попу.

Может, и впрямь Бог смилуется!

Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу.

- Здравствуй, батюшка!

- Здорово, свет! Что хорошего скажешь?

- Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в Писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро! Вот я, батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову.

- Это хорошо, свет, что ты помнишь слово Божие: Бог тебе воздаст за то седьмерицею. Отведи-ка, свет, свою корову в сарай и пусти к моим коровам.

Мужик свел свою корову в сарай и вернулся домой. Жена ну его ругать.

- Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду, что ли, нам пропадать, как собакам?

- Эка ты дура! - говорит мужик, - разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семью; тады похлеваем молока досыта!

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны: стали люди выгонять в поле коров, выгнали поп и своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню, пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро

поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидал в окошко и говорит своей бабе:

- Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: Божье слово всегда сбывается! Я ты еще ругалась. Будет у нас теперича и молоко, и говядинка.*

Тотчас побежал, загнал всех коров к себе и накрепко запер. Вот поп видит: уж темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику и говорит:

- Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?

- Поди ты с Богом! У меня чужих коров нет, а есть свои, что мне Бог их дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька! Сам ты читал на праздник в церкви.

- Брехешь ты, сукин сын! Это мои коровы.

- Нет, мои!

Спорили, спорили, поп и говорит мужику:

- Ну, черт с тобой, возьми свою корову назад, отдай хоть моих-то!

- Не хошь ли кляпа собачьего!

ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО, ДАВАЙ ПОП С МУЖИКОМ СУДИТЬСЯ. Дошло дело до архиерея. Поп подарил его деньгами, а мужик холстом; архиерей и не знает, как их рассудить.

- Вас, - говорит им, - так не рассудишь! Я вот что я

придумал. Теперь ступайте домой, а завтра кто из вас придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся.

Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье:

- Ты смотри, пораньше меня разбуди утром!

Я мужик не будь дурак как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался к архиерею под кровать.

Здесь, думает себе, пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь, так попу коров-то и не видать!

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает:

- Кто такой?

- Я, игуменья, отче!

- Ну, ложись-ка спать, игуменья, на постель.

Легла она на постель; стал архиерей ее щупать за титьки, а сам спрашивает:

- Что это у тебя?

- Это, святый отче, сионские горы, а ниже - долы.

Архиерей взялся за пупок.

- Я это что?

- Это пуп земли!

Архиерей спустил руку еще ниже, щупает игуменью за пизду.

- Я это что?

- Это ад кромешный, отче!

- Я у меня, мать, есть грешник, надо его в ад посадить.
Взобрался на игуменью, засунул ей грешника и давай наяривать; отработал и пошел провожать мать-игуменью. Тем временем мужик потихоньку выебрался и ушел домой.

На другой день поп поднялся до света, не стал и умываться - побежал скорее к архиерею, а мужик выспался хорошенъко, проснулся - уже давно солнце взошло, позавтракал и пошел себе потихоньку. Приходит к архиерею, а поп его давно ждет.

- Что, брат, чай, за жену завалился! - подсмеивается поп.

- Ну, - говорит архиерей мужику, - ты после пришел...

- Нет, владыко, поп пришел после, нешто ты позабыл, что я пришел еще в то самое время, как ты ходил по сионским горам да грешника сажал в ад!

Архиерей замахал обеими руками.

- Твои, - говорит, - твои, мужичок, коровы! Точно, твоя правда: ты пришел раньше!

Так поп остался ни при чем; а мужик зажил себе припеваючи.****

* Вариант. Вот как-то нанял поп мужика вычистить загороду, где коровы стояли; мужик стал чистить, да нарочно корота и отворил, коровы и ушли со двора; а он не будь глуп, взял да и загнал всех поповых коров к себе.

** Вариант. Пришел поп к мужику, а у того и корота заперты; смотрит сквозь плетень, а мужик свежует поповых коров да солонину готовит.

*** Вариант. Иуда.

**** Вариант. В одном списке продолжается эта сказка так: Пришел поп домой. Я у него жил батрак по сто рублей в год. Прожил семь лет, а ни за один год не получил денег. Стал он приставать к попу за расчетом, а поп говорит:

- Ты жил у меня семь лет и ни разу не говорил; ты прежде исповедуйся, а там и разочтемся.

Стал батрак говорить и пришел к попу на дух.

- Признайся, свет, - говорит поп, - может, у кого товар (т. е. скотину) из загороди выпустил-то, это грех большой!

- Нет, батюшка, в том не грешен, а вот каюсь перед тобой на духу - семь лет еб твою сиоху!

- Не в том дело, свет, а не спустил ли ты у кого со двора коров?

- Нет, батюшка, не грешен; а вот в чем перед тобой каюсь - я до твоей попадьи добираюсь!

- Полно, свет, пустяки говорить! Я тебя спрашиваю, не спустил ли ты со двора моих коров?

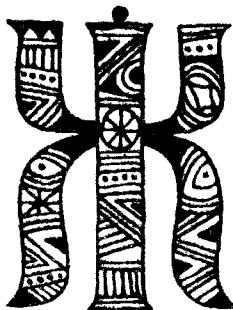
- Нет, батюшка, такого греха за собой не знаю, а вот чего танть - и на тебя мой кляп стонт!

- Будь проклят ты, окаянной!

После того поп расчел батрака и остался без коров и без работника.

ЖАДНЫЙ ПОП

Ил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не приносил гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет страмить:

- Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог собрать гривенника, чтобы духовному отцу за исповедь дать. Ведь он за вас, окаянных, Богу молится!

Бот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак.

Поп просто взбесился.

- Послушай, проклятой! - говорит ему, - откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

- Помилуй, батюшка! Где я больше возьму? Что есть, то

и даю.

- По влядям да по кавакам носить небось есть деньги! Я духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про Эдакой случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси что подобает, заодно уж перед ним покаешься и в том, что скоровал, так он все тебе грехи отпустит!

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди.

- И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает:

- Что мне с попом делать?

Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

- Дай-ка, - говорит сам себе, - попробую эту шапку утащить.

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да и прямо в кавак. Тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

- Ну что, принес гривенник? - спросил поп.

- Принес, батюшка!

- Я где взял, свет?

- Грешен, батюшка! Украл шапку да продал за гривенник!

Поп взял этот гривенник и говорит солдату:

- Ну, Бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю.

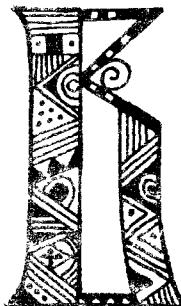
Солдат ушел, а поп, покончивши исповедовать своих прихожан, стал служить вечерню, отслужил и стал домой

собираться, бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

- Что угодно, батюшка?
- Ну скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?
- Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.
- Я из какого места ты ее утащил?
- Да в нашей церкви висела на поповской палке, у самого клироса.
- Ах ты сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца?
- Да вы, батюшка, сами меня от того греха разрешили и простили.

СМЕХ И ГОРЕ

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ жил-был поп; жил он над рекою и содержал на ней перевоз. Приходит к реке один раз бурлак и кричит с другого берега:

- Эй, батька, перевези меня!
- Я заплатишь, свет, за перевоз?
- Заплатил бы, да денег нету!
- Я нету, так и перевозить не стану.
- Коли перевезешь, батька, я покажу тебе за то смех и горе.

Поп задумался, захотелось ему увидать смех и горе.

- Про что такое, - думает он себе, - говорил сейчас бурлак?

Бот он сел в лодку и поехал на тот берег, посадил с собой бурлака и перевез на свою сторону. *

- Ну, батька, ворочай лодку вверх дном! - сказал бурлак.

Поп перевернул лодку вверх дном и ждет себе: что будет.

Бурлак выныул из портока свой молодецкий хуй и как ударит по дну - так лодка и развалилась надвое. Поп увидел такой заправский хуй и рассмеялся; а после как раздумался о своей расколотой лодке - так стало ему жалко, что даже заплакал с горя.

- Что, доволен мною, батька? - спрашивает бурлак.

- Шут с тобой! Ступай куда идешь!

Бурлак простился с попом и пошел своей дорогой, а поп вернулся домой. Только перешагнул через порог в избу, вспомнил о бурлаковском хуе и засмеялся, а там вздумал о лодке - и заплакал.

- Что, батька, с тобою сделалось? - спрашивает попадья.

- Ты не знаешь, матка, моего горя!

И сдуру рассказал ей обо всем, что с ним случилось.

Как услыхала попадья про бурлака, сейчас напустилась на своего батьку.

- Ях ты, старый черт! Зачем ты его от себя отпустил? Зачем домой не привел? Вить это не бурлак, это мой брат родной! Берно, родители послали его нас с тобой проведать, а ты нет того, чтоб догадаться... Запрягай-ка скорее лошадь да гони за ним, а то он, бедный, блудить станет и, пожалуй, домой вернется, нас не видавши. Я хоть на него, голубчика, посмотрю, да про родителей-то расспросью.

Поп запряг лошадь и погнал за мужиком, нагнал его и говорит:

- Послушай, доброй человек! Что же ты мне не сказался: вить ты моей попадье родной брат. Как рассказал ей про твою удаль, она сейчас тебя признала и приказала воротить.

Бурлак сейчас догадался, к чему дело клонится.

- Да, - говорит, - это правда: я твоей попадье родной брат, да тебя, батюшка, прежде сего никогда не видал, а потому самому и признать тебя не умел!

Поп схватил его за руку и тащит на телегу.

- Садись, свет, садись! Поедем к нам. Мы с маткою, слава Богу, живем в довольстве и благополучии, есть чем тебя употчевать.- Привез бурлака, попадья сейчас выбежала к нему навстречу, бросилась бурлаку на шею и целует его.

- Ях, братец любезный, как давно тебя не видала, ну что, как наши-то поживаются?

- По-старому, сестрица! Меня послали тебя проводить.

- Ну и мы, братец, покудова Бог грехам терпит, живем помаленьку.

Посадила его попадья за стол, наставила перед ним разных закусок, яичницу и водки, и ну угождать:

- Кушай, любезный братец!

Начали все они трое есть, пить и веселиться до самой ночи. Я как стало темно, постлали попадью постель и говорит попу:

- Мы с братцем вот здесь ляжем да поговорим про наших родителей: кто жив и кто помер; а ты, батька, ложись один на казенке или на полатях.

Вот полегли спать; бурлак взлез на попадью и начал ее попирать своим хуищем так, что она не утерпела - на всю избу завизжала.

Поп услыхал и спрашивает:

- Что там такое?
- Эх, батька, ты не знаешь моего горя: мой отец помер.
- Ну, царство ему небесное, - сказал поп и перекрестился.

Я попадья опять не выдержала да в другой раз еще пуще того завизжала. Поп опять спрашивает:

- О чём еще плачешь?
- Эх, батька, вить и мать-то моя померла!
- Царство ей небесное! Со святыми упокой!

Так-то вся ночь у них и прошла.**

Поутру бурлак стал домой собираться, а попадья ну его угождать на прощанье и вином-то, и пирогами, так и суетится около него:

- Ну, братец любезный, коли опять будешь в этой стороне -
завсегда к нам заходи!

Я поп вторит:

- Не обходи нас; мы тебе всегда рады!

Попрощался с ними бурлак. Попадья вызвалась провожать братца, а за ней и поп пошел. Идут да разговаривают; вот уже и поле. Попадья говорит попу:

- Воротись-ка, батька, домой, что тебе идти, я одна теперича провожу братца.

Поп воротился, прошел шагов с тридцать, остановился и глядит: далеко ли они ушли? Я бурлак тем временем повалил матку на пригорок, взлез на нее и ну отжаривать на прощанье; а чтобы ловчей надуть попа, надел ей на правую ногу свою шапку и велел задрать ногу-то кверху. Вот едет ее, а попадья то и дело ногой да шапкой качает. Поп стоит да смотрит.

- Бишь, - говорит сам себе, - какой родственный человек-то! Далеко ушел, а все кланяется да шапкою мне машает!-Взял да скинул с себя шапку и давай кланяться:

- Прощай, шурин, прощай!

Отвалил бурлак попадью, да так ее утешил, что три дня под подол заглядывала. Догоняет она попа, а сама с радости песни поет.

- Сколько лет с ней живу, - сказал поп, - а доселе не слыхал от нее песен!

- Ну, батюка, - говорит попадья, - проводила я братца любезного, придется ли еще повидаться с ним в другой раз!

- Бог не без милости, авось придет!

* Вариант. Жил-был поп, возле его дома протекала река, а на другой стороне стояла церковь. Очутился праздник; зазвонили к обедне, поп сел в лодку и переехал на тот берег. Только вылез он из лодки, а на встречу ему мужик:

- Перекея, батюшка, на ту сторону.

- Ах, свет! Я бы перекеял тебя, да к обедне давно прозвонили, опоздаю.

- Невось, без тебя не начнут служить обедни; а коли перекеяешь, я покажу тебе смех и горе.

Поп перекеял мужика.

- Что ж, батюшка, очень желательно тебе видеть смех и горе?

- Да, свет, очень желательно!

(Мужик думает развеселить лодку). Как теперь без лодки попасть попу в церковь?

- Ока сукин сын мужик! Какого горя наделал.

ПОСТОЯЛ-ПОСТОЯЛ ПОП НАД ЛОДКОЮ И ПОШЕЛ ДОМОЙ.

- ЧТО ТАК РАНО ВОРОТИЛСЯ? - СПРАШИВАЕТ ЕГО ПОПАДЬЯ.

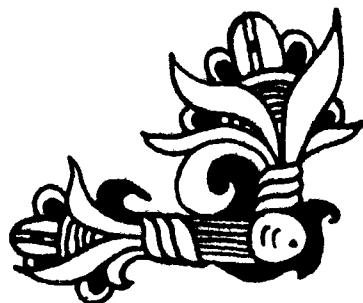
- ТАК И ТАК, - ГОВОРИТ ЕЙ ПОП.

** Вариант. Наугадался мужик.

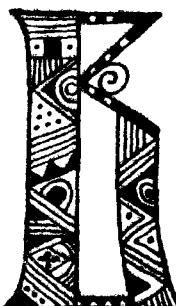
- Ну теперь пойдем в мою горницу, - говорит попадья, - потолкуем о родных, как поживают. Ты, братец, расскажешь мне про свое житье, а я тебе про свое расскажу.

Пошли вместе, а поп сmekнul, в чем дело-то, подошел к дверям и смотрит в щель: а там уж мужик матку на постели накачивает, так ее прижимает, что кровать шатается. Видит поп, что дело дрянь, а взойти в горницу боится.

- Только я помешаю, - думает он, - мужик убьет меня своим хуем! Видно, так тому и быть.

ЧУДЕСНАЯ МАЗЬ

а)

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ, жил-был мужик, парень молодой. Не посчастливилось ему в хозяйстве, все коровы и лошади подохли, осталась одна кобыла. Стал он эту кобылу беречь пуще глаза, сам недоест-недоспит, а все за ней ухаживает: раздобрела во как кобыла! Раз как-то убрал он свою лошаденку, зачал ее гладить да приговаривать:

- Ях ты, моя голубушка! Матушка! Нет милее тебя!

Услыхала эти слова соседская дочь - девка ражая, и как собрались на улицу деревенские девки, она им и сказала:

- Ох, сестрицы! Я стояла у себя на огороде, а сосед наш Григорий убирал на ту пору свою кобылу, да потом слазил на нее и ну целовать и приговаривать:

- Ях ты, голубушка моя, матушка! Нет тебя милее на

СВЕТЕ!

БОТ ДЕВКИ И НАЧАЛИ ПАРНЮ СМЕЯТЬСЯ. ГДЕ ТОЛЬКО НИ ПОВСТРЕЧАЮТ ЕГО, ТАК И ЗАКРИЧАТ:

- ЯХ ТЫ, МАТУШКА МОЯ, ГОЛУБУШКА!

ЧТО ДЕЛАТЬ ПАРНЮ; НИКУДА ГЛАЗ ПОКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ.

СТАЛ ОН ПЕЧАЛИТЬСЯ. БОТ УВИДАЛА ЕГО СТАРУХА ТЕТКА.

- ЧТО, ГРИША, НЕ ВЕСЕЛ? ЧТО ГОЛОВУШКУ ПОВЕСИЛ?

ОН ЕЙ И РАССКАЗАЛ ПРО ВСЕ ЭТО ДЕЛО.

- НИЧЕГО, ГРИША, - СКАЗАЛА СТАРУХА, - ВСЕ ПОПРАВЛЮ.

ПРИХОДИ-КА ЗАВТРА КО МНЕ. НЕБОСЬ ПЕРЕСТАНУТ СМЕЯТЬСЯ!

СТАРУХА-ТО БЫЛА ЛЕКАРКА, ДА ТАКАЯ ВАЖНАЯ - НА ВСЕ СЕЛО.

Я В ИЗБУ К НЕЙ СХОДИЛИСЬ НА ВЕЧЕРНИЦЫ ДЕВКИ. БОТ ОНА ВЕЧЕРОМ-ТО УВИДАЛА ТУ ДЕВКУ, ЧТО РАССКАЗАЛА О ГРИГОРИИ, КАК ОН КОВЫЛЕ ПОД ХВОСТ ЛАЗИЛ, И ГОВОРИТ ЕЙ:

- ТЫ, ДЕВУШКА, ЗАХОДИ КО МНЕ ЗАВТРА ПОУТРУ, МНЕ НАДО КОЕ О ЧЕМ С ТОБОЙ ПОТОЛКОВАТЬ.

- Хорошо, бабушка!

На другой день встал молодец, оделся и пришел к старухе.

- Ну, смотри, Гриша, чтоб у тебя припас-то готов был! Я теперь становись за печку да стой смирно - пока не позову.

Только стал он за печкою, пришла и девка.

- Здравствуй, бабушка!

- Здорово, голубушка! Бот что, девушка, хочу тебе сказать: вить над тобою худое дееется, вить ты, родимая, оченno болына. . .

- Э, бабушка, я, кажись, совсем здорова!

- Нет, голубушка, у тебя внутре то делается, что и подумать-то страшно! Хошь теперь и не больно тебе, а как дойдет до сердца - в то время уж ничем не вылечишь; так и помрешь! Дай-ка я тебя за живот пощуплю.

- Пощупай, бабушка! - говорит девка, а сама чуть не плачет со страху.

Стала баба щупать ее за живот и говорит:

- Биши, я правду сказывала! Как только вчера ся на тебя взглянула - сейчас догадалась, что с тобой недоброе дается, у тебя, голубушка, подле сердца желтуха...

- Полечи, пожалуйста, бабушка!

- Уж коли хвораешь, так надо полечить; только стерпиши ли, ведь больно будет?

- Что хошь делай, хошь ножом режь, да вылечи!

- Ну стань же ты вот тута, высунь голову в окошко и примечай: с какой стороны, с правой или с левой, больше народу будет идти? Я назад-то не моги оглядываться, а то все мое лекарство задаром пропадет, тогда и двух недель не проживешь!

Девка высунула свою голову в окошко и ну глядеть по сторонам; а старуха задрала ей хвост и говорит:

- Нагнись-ка туда за окошко побольше да не оглядывайся: сейчас стану мазать тебе помазком да деготьком!

Тут вызвала старуха потихоньку парня:

- Ну, работай!

Бот он и засунул девке помазок свой на целую четверть

вглувь, и как стало у них заходиться - стала девка жопою вертеть, а сама просит:

- Бабушка, голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!

Парень отвалил ее и ушел за печку.

- Ну, девушка! - сказала старуха, - теперича такая будешь красавица, что любо-дорого!

Девка поблагодарила старуху:

- Спасибо, бабушка! Какое славное у тебя лекарство-то, просто счастье!

- У меня ничего худого нету, а это лекарство для баб и девок куда пользовое! Я с какой стороны народу шло больше?

- С правой, бабушка!

- Ишь, какая ты счастливая! Ну, ступай с Богом домой.

Девка ушла, ушел и парень. Вот он пообедал и повел свою кобылу на реку поить. Девка увидала его, выскочила и кричит:

- Ях ты, матушка моя, голубушка!

И он оборотился и ну передразнивать ее:

- Ох, бабушка-то, голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!

Тут девка язык прикусила и стала жить с парнем дружно.

б)

Жил-был молодец, повадился ходить мимо купеческого дома: как идет - прокашляется и скажет:

- Гуся ел, да попершилось!
- Бот купеческая дочь и сказала:
- У моего батюшки много денег, а каждый день не едим гусей.
- Это бывает не богатством, а счастьем, - отвечал молодец и пошел домой.

Я купеческая дочь позвала какую-то старую нищенку и посыпает:

- Иди за этим молодцем вслед да узнай, что он там обедает, я тебя награжу за это.

Молодец пришел домой, а за ним и нищенка просится отдохнуть в избе; вот ее и пустили. Только молодец жил в большой бедности.

- Матушка, - говорит он, - нет ли чего поесть?
 - Щи вчерашние, да третьевошиая каша.
 - Давай-ка сюда кашу.
- Подала мать кашу:
- Я масла, - говорит, - нету? Да нет ли хоть сальной свечки?
 - На вот огарочек.

Положил он свечной огарок в кашу и давай уплетать. Нищенка все это и рассказала купеческой дочери. Бот идет молодец мимо купеческого дома да опять прокашлялся и сказал:

- Гуся ел, да попершилось!

Я купеческая дочь в окошко кричит:

- Салливый огарок с кашей ел!

- Их, мать твою! Почему она знает? Верно, это нищенка ей сказала.

Отыскал он нищенку и стал ее просить:

- Нельзя ли как поправить это дело? Коли будут деньги, заплачу тебе!

- Хорошо, - сказала старуха. Сейчас пошла к купеческой дочери.

- Как, сударыня, поживаешь?

- Не совсем здорова, бабушка: все животом хвораю. Нельзя ли помочь моему горю?

- Можно, прикажи истопить баню, я вам живот-то потру мазью.

Бот истопили баню; старуха загодя спрятала там молодца, потом привела купеческую дочку, раздela всю донаага и говорит:

- Ну, сударыня, надо завязать тебе глаза, чтоб дурно не сделалось!

Завязала ей платком глаза, положила ее на лавочку и говорит:

- Теперь стану мазать легкою мазью!

И провела по брюху рукою раза два.

- Я теперича будет потруднее!

Тут сказала молодцу, он взлез на девку, всунул ей свой кляп, да так, что она на всю баню закричала.

- Потерпи маленько, сударыня! Завсегда сначала больно

выходит, а как обойдется - так по маслу пойдет, и живот заживет!

Зачал он махать купеческую дочку, забрало ее за живое, хорошо показалось; она и говорит:

- Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!

Сделал молодец с нею раз и спрятался; старуха развязала купеческой дочери глаза. Та посмотрела, а под нею кровь.

- Что это, бабушка?

- Это дурная кровь из тебя вышла; полегчило ль тебе?

- Полегчило, бабушка! Ях, какая у тебя славная мазь, слаще меда! Нет ли еще?

- Разве еще хочется?

- Очень хочется, бабушка! Что-то живот опять зачал побаливать.

Завязала ей старуха глаза, положила на лавочку, а молодец опять стал ее махать по-свойски.

- Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь! - говорит купеческая дочь.

Отделал ее молодец и спрятался: купеческая дочь встала и просит:

- Принеси мне, бабушка, этой мази, вот тебе сто рублей за лечение!

Так дело и кончилось.

Бот идет молодец мимо купеческого дома и опять говорит:

- Гуся ел, да попершилось.

Я купеческая дочь кричит в окно:

- Сальную свечу с кашей ел!

Я молодец в ответ:

- Мажь, бабушка, мажь, хороша твоя мазь!

Стало у купеческой дочери брюхо рости; приметила мать и спрашивает:

- Что это, дочка, никуда ты из дома не ходишь, а брюхо у тебя выше носа поднимается?

- Ях, матушка, вить это от того, как ходила я с бабушкою в баню, а она все мазала мне живот мазью, да такою славною, слаще меду!

Мать догадалась, позвала к себе нищенку и спрашивает:

- Ты, бабушка, мазала мою дочь в бане мазью?

- Я, сударыня!

- Помажь и мне!

- Изволь, помажу!

Тотчас побежала за молодцом.

- Одевайся, иди, купчиха мази просит!

Пришли в баню; старуха завязала купчихе глаза и положила ее на лавку. Я молодец взлез на нее и ну отжаривать. Тут купчиха поскорей платок с глаз долой, увидала молодца, поцеловала его за работу и говорит:

- Ну, молодец, живу я с мужем двадцать лет, а этакой счасти не знала. Бот тебе сто рублей, будь мужем моей дочери.

Женился молодец на купеческой дочери и задал пир на весь

мир, я там был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот ни капли не попало!

в)

Жил-был солдат, любил выпить. Напала на него одышка, и пошел он к лекарке, лекарка была хоть и старуха, да еще крепенькая; как увидела солдата, засвербело у нее между ногами.

- Что, служивой?

- Да вот, полечи от одышки.

- Раздевайся да садись.

Солдат сел, а лекарка поставила перед ним штоф водки:

- Кушай, служивой, на здоровье!

Солдат не заставил себя просить, так налипался, что в глазах зарябило: тут же повалился да и заснул.

Старуха ну солдата ощупывать, добралась до пупа и пониже; да как завоет:

- Ах, я взбалмошная! Что наделала, кляп-то у него не то чтобы ожил, а совсем загнулся. . .

Уложила солдата на кровать и сама улеглась подле, лежит да все цукает, не ожил ли хуй у него? Я солдат хранил себе во всю ивановскую. Дотронулась она в последний раз до корня, и корень-то глядит за спину, и уснула. Перед рассветом солдат очнулся, увидел бабу подле себя и думает:

- Дай-ка ее скоку хвачу!

И придинулся как следует. Я старуха была чутка, говорит спросонок:

- Что ты, служивой, делаешь? Как тебе не стыдно?

Я сама еще больше на хуй навертывается.

- Я что, бабушка, разве для хворого это вредно? Я, пожалуй, вынью.

- Что ты, служивой! Засовывай, да нельзя ли поглубже; тебе от этого полегче будет!

Солдат отработал ее и ушел, приговаривая:

- Хоть не легче, так сытно!

На горе солдата, на ту пору спала на полатях девка, старухина племянница, она все это видела и рассказала другим девкам. Стали они солдата дразнить:

- Старуху качал! Старуху качал!

Солдат терпел, терпел и пошел с жалобой к старухе.

- Их, благодетель! - сказала старуха. - Да что ты давно мне не рассказал про это, я бы отучила смеяться мерзких девчонок! Их они такие-сякие! Да разве у старухи хуже ихнейто дыра? Да где им, паскудным, так подмахивать! Послушай же, ко мне ходит лечиться одна девка от грыжи; так ты, служивой, приходи завтра вечером сюда, я тебя спрячу на кровать, а девку-то поставлю на четвереньки, да и заставлю тебя откатать ее на все корки!

Бот на другой день солдат по-сказанному, как написанному, пришел и лег на кровать. Прошло с полчаса - глядь: идет молодая девка. Как увидал ее солдат, у него жила натянулась и приподнялась не хуже штыка. Старуха огляделась на девку и говорит:

- Что ты, родимая! Да у тебя меж ног блохи гнездышко свили, и вывести их нельзя ничем, как только рукой; а то, пожалуй, умрешь.

- Яви, бабушка, божескую милость, вылечи!

- Ну, делать нечего; не хотелось бы рукой туда лезть, да надо. На вот тебе платок, завяжи глаза, разденься наголо да стань на четвереньки.

Девка все то сделала. Тут солдат подошел к мишени, взял хуй в обе руки и стал всаживать ей в пизду.

Девка ну кричать:

- Больно, бабушка, больно!

- Терпи, кормилица, вишь, проклятые блохи как расплодились, даже в устьях поделали!

Солдат всунул ей на целую четверть, девка взвигнула:

- Ой, бабушка, умру; больно, родимая, больно!

- Постой, дитятко, я с деготьком попробую, авось легче будет.

Солдат всадил хуй донельзя - девка и язык прикусила - и давай ее насаливать. Стало у них заходиться.

- Вот теперь, бабушка, хорошо! Право слово, хорошо! Да нельзя ли еще деготьком подмазать? С деготьком-то задорнее! Я уж у отца целую бадью с дегтем утащу да тебе принесу.

Солдат слышит, что девка-то разогрелась на гвоздю, и ну тискать свой хобот вместе с бубенчиками, да так разутешил, что сделал пизду шире шапки.

- Ну что, легче ли? - спрашивает старуха. - Кажись, все подохли!

- Как же, бабушка, теперь полегчило.

Солдат спрятался; девка встала, оделась и ушла.

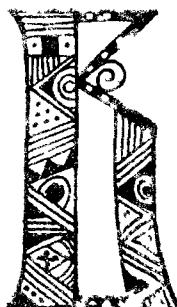
На другой день девка-широкопиздка повстречала солдата и стала его дразнить:

- Старуху качал! Старуху качал!

Я солдат ей говорит:

- Я с деготьком-то ведь лучше!

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

некотором царстве, в некотором государстве жил барин, да еще был мужик, такой бедный, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит:

- Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь, и взять с тебя нечего, ступай ко мне и живи за долг три года.

Прожил у него мужик год и другой и третий.

Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает, какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить:

- Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле, да смотри, чтоб все выли целы! Я то опять оставлю при себе на три года.

Только погнал мужик зайцев в поле - они все у него разбежались в разные стороны.

- Что делать? - думает он, - теперь пропал я!

Сел и плачет. Откудова ни возьмись - явился старик и спрашивает:

- О чём, мужичок, плачешь?

- Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались; теперь веда мне неминучая!

Старик дал ему дудочку и говорит:

- На тебе дудочку; когда засыпаш в неё, они все к тебе прибегут!

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только засыпал в неё, как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой. Барин пересчитал зайцев и говорит:

- Все целы! Ну, что нам делать? - сказал барин своей барыне, - какую вину на мужику сыскать?

- Я вот что, душенька, когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца.

- Ну, хорошо.

Наутро погнал мужик зайцев в поле, и только подошел к лесу, они тотчас все разбежались в разные стороны, а мужик сел на траву и начал лапти плесть. Едруг едет барыня, остановилась, подошла к нему и спрашивает:

- Что, мужичок, здесь делаешь?

- Скотину пасу.

- Какую скотину?

Мужик взял дудочку и засыпал - все зайцы свежались к

нему.

- Их, мужичок, - сказала барыня, - продай мне одного зайчика.

- Никак нельзя, ведь это господские зайцы. Я барин у меня очень строг! Он, пожалуй, меня совсем заест.

Барыня стала к нему приставать:

- Пожалуйста, продай.

Мужик видит, что ей очень хочется зайчика, и говорит:

- У меня, барыня, завет положен.

- Какой завет?

- Кто даст поеть, тому и зайца уступлю.

- Возьми лучше деньгами, мужичок.

- Нет, мне больше ничего не надо!

Барыне делать нечего - дала мужику поеть. Он обработал ее и подал ей зайца:

- Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь.

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. Я мужик заснул в свою дудочку - этот заяц услыхал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику. Приехала барыня домой.

- Ну что, купила зайца?

- Купила-то купила, только как мужик заснул в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел.

На другой день опять поехала барыня к мужику, подходит к нему и опять спрашивает:

- Что делаешь, мужичок?

- Лапти плету да господскую скотину пасу.

- Где же твоя скотина?

Мужик заснул в дудочку, и сейчас свежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца.

- У меня положен завет.

- Какой?

- Дай поеть.

Барыня опять дала и получила за то зайца, а как мужик заснул, заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день переоделся и приехал сам барин.

- Что, мужичок, делаешь?

- Скотину пасу.

- Да где же твоя скотина?

Заснул мужик в дудочку, свежались к нему зайцы.

- Продай мне одного!

- За деньги не продам. У меня положен завет.

- Какой завет?

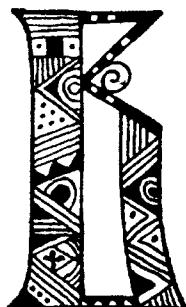
- Кто захочет кобылу поеть - тому и зайца отдам.

Барин взлез на кобылу и сотворил грех с нею. Мужик подал ему зайца и говорит:

- Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь.

Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заснул в дудочку - заяц услыхал и ушел от него к мужику. Видит барин, что ничего не возьмешь, и отпустил мужика жить на воле.

ПАСТУХ*

одной деревне жил-был пастух, молодой парень. Деревенские девицы и молодые молодицы к нему были привычны и всякие шутки от него принимали. Многие девки на него завидовали, хочется полюбиться с ним, да не всякой удается-то! Вот девки и придумали на него напраслину, а может, и взаправду - застали его на кобыле - и ну над ним потешаться. Другие девки еще не так его докоряли, как одна Дуня. Погонит бывало она поутру скотину, а сама кричит пастуху:

- Смотри-ка, Иван, стереги мою кобылу!

Просто проходу ему не дает своей кобылой. Пастух все себе на ус мотает. Я в деревне жила старуха, такая приветливая, и к этой старухе собирались девки на посиделки. Пошел пастух к старухе и прямо упал к ней в ноги:

- Заставь, бабушка, за себя вечно Бога молить, а я тебя до веку не забуду.

Рассказал ей про свое горе и дал ей полтинник денег.

- Хорошо, родимой! Приходи ужо в сумерки.

Вечером пригнал пастух с поля стадо, а в то время дождик. Стали бабы зазывать свою скотинку, Дуня тож побежала по деревне искать свою корову, а старуха увидала ее в окно и закричала:

- Дуня, Дуня! Поди-кась сюда.

Девка прибежала. Как зачала бранить ее старуха, а пастух-то спрятан у нее за печкою.

- Смотри, Дуняша, будешь каяться, да не воротишь.

Дуня испугалась и не знает, какая-такая вина за нею.

- Экие вы дуры беспасные! - сказала старуха. - Бегаете неосторожно и прыгаете через канаву как попало! Годится ли эдак делать? Посмотри-кась, что ты теперь наделала: ведь ты, дура, честь свою испортила! Кто тебя замуж возьмет?

- Ях, бабушка! Нельзя ли похлопотать да поправить как-нибудь?

- То-то поправить! За все про все отвечай бабушка! Поди-ка сюда, делай, что скажу, да терпи, хоть и больно будет.

- Хорошо, бабушка.

- Смотри в окно да раскорячься пошире, а сама чур не оглядывайся; а то все дело пропадет, в то время и поправить нельзя будет!

Заворотила ей сарафан и махнула пастуху. Иван

подкрался тихонько, скинул портки и начал поправлять Дунькину честь.

- Ну что, хорошо? - спрашивает старуха.

- Хорошо, бабушка! Ух, как хорошо! Ещё поправь, бабушка! Я тебя николи не забуду.

Покончил свое дело пастух и спрятался за печку.

- Теперь, - сказала старуха, - ступай, глупенькая, домой! Да моли за бабушку Бога.

На другой день погнала Дуня скотину и опять стала дразнить пастуха кобылою; а он ей в ответ:

- Я не хочешь ли, честь тебе поправлю!

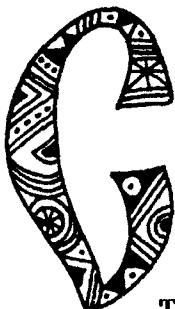
- Ну хорошо, Иван, - сказала с укором девка.

- Не знаю, как тебе, а мне хорошо было, - отвечал пастух.

* Сличи со сказкой «Чудесная мазь»

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

ТОЯЛИ В ДЕРЕВНЕ СОЛДАТЫ, И БАБЫ БЫЛИ К НИМ ОЧЕНЬ ПРИВЫЧНЫ, ДЕЛО-ТО, ЗНАЕШЬ, БЫЛО НЕ ВЕЗ ГРЕХА: ХОЗЯИН НА ЗАРАБОТКУ, А ХОЗЯЙКА И ПЬЕТ, И ЕСТЬ, И СПИТ С СОЛДАТОМ! БОТ У ОДНОГО МУЖИКА БЫЛА ЖЕНА БОЛЬНО ГУЛЬЛИВАЯ, МНОГО РАЗ ЗАСТАВАЛ ОН ЕЕ И С МУЖИКАМИ-ТО И С СОЛДАТАМИ, А ВСЕ ОНА ПРАВА ОСТАВАЛАСЬ. В ОДНО ВРЕМЯ ЗАСТАЛ ЕЕ МУЖИК С ПАРНЕМ В САРАЕ:

- Ну, блядь, что теперь станешь говорить?

И она покедова под парнем лежала - говорила:

- Биновата, мой милой друг!

И как встала да привезжала в избу, сейчас бросилась к свекрови и давай плакать.

Пришел муж и говорит:

- Ну, матушка, я людям не верил, а теперь я сам застал жену с парнем в сарае.

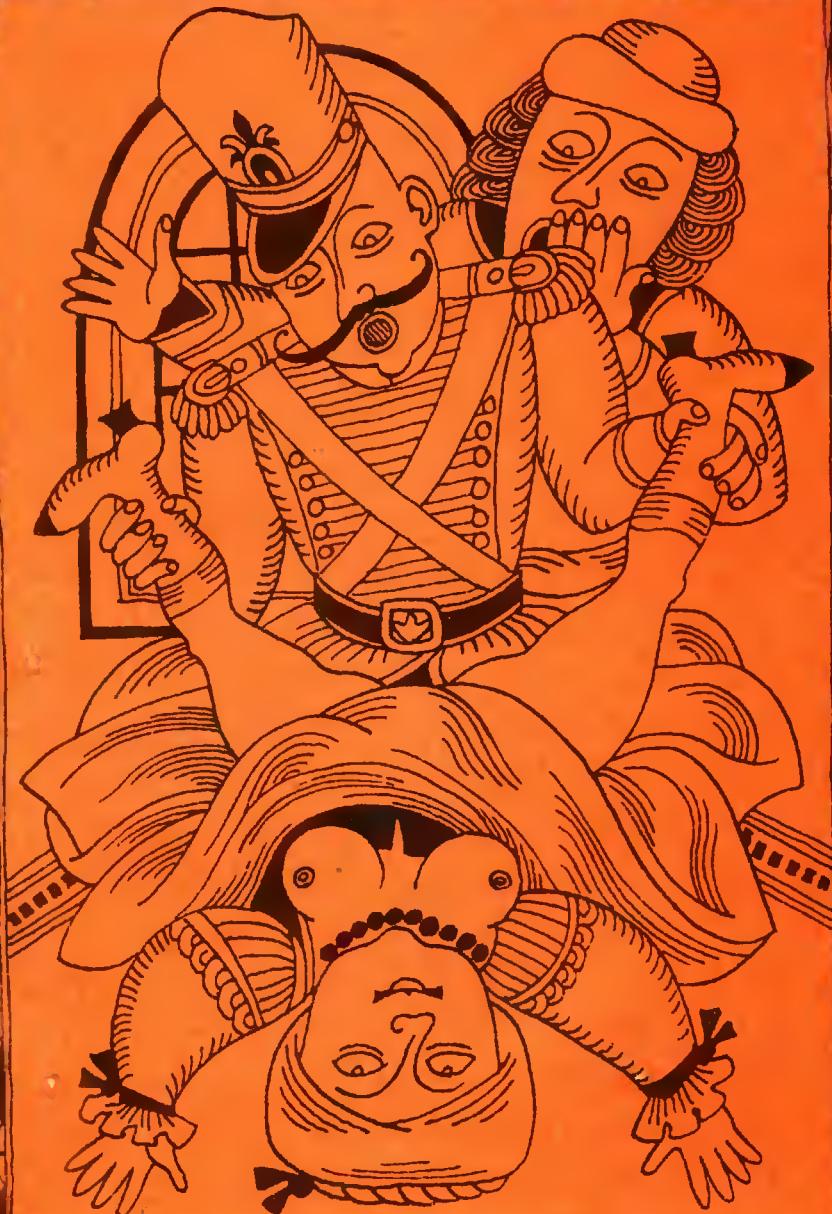
Я баба со слезами:

- Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!
- Ях ты, блядь проклятая, вить я сейчас поднял тебя из-под Индрюшки!
- Ерешь, подлец! Ну-ка скажи, куда я головою лежала?
- Мужик задумался и сказал:**
- Я черт тебя знает, куда ты головой лежала!
- Вот вишь, матушка, как он врет-то на меня!
- Мать накинулась на сына и давай его ругать.
- Хорошо, - говорит мужик, - я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!

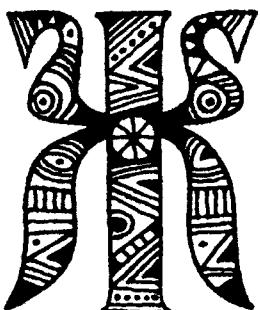
Прошло несколько времени, связалась та баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай. Положил ее солдат на вязанку соломы и давай есть. Хозяин-то и подметь, пришел в сарай и захватил солдата на своей жене.

- Ях, брат служивой! Это не хорошо.
- Черт вас разберет, - отвечает солдат, - она говорит хорошо, а ты - нехорошо, на вас не угодишь!
- Я, брат служивой, пойду на тебя просить!
- Ну ты ступай, еще прося, а я уж выпросил.

СОЛДАТ САМ СПИТ, А ХУЙ РАБОТАЕТ

а)

Ил-был мужик, у него была молодая хозяйка.

Вот пришли в деревню солдаты и поставили к этому мужику в постояльцы одного служивого. Как легли они вечером спать все вместе: хозяйка в средине, а мужик с солдатом по краям. Мужик лежит да разговаривает с женою, а солдат улучил-то времечко и стал хозяйку через жопу валять. Мужик разохотился было и сам на бабу слазить и хотел ее пощупать - хвать за пизду рукою и поймал солдатский хуй.

- Что ты делаешь, служивой?

Я солдат хранил себе, будто спит крепким сном.

- Ишь какой служивой! - сказал мужик, - сам спит, а хуй в пизду направил.

- Извини, хозяин, и сам не знаю, как он туда попал!

б)

Долго подбирался солдат, как бы уеть хохлушки; вот и выдумал и говорит хохлу:

- Хозяин! У тебя в дому много чёртей, спать не дают! Я ты каково спал?

- Я, слава Богу, хорошо!

- Ну, я нынче с тобой ляжу!

Хохлушка говорит:

- Пуфай с нами ляжет!

Хохол согласился. Вот сам хозяин лег с краю, хозяйку положил в середку к себе передком, а солдат улегся к стене и ну подталкивать хозяйку через жопу. Хохол протянул тихонько руку и ухватил солдата за хуй.

- Я, господа служба, сам спит, а хуяку пустил в чужую пиздяку!

- Что ты, чёртов сын, ухватил меня за хуй? - закричал солдат, - я и жене твоей не позволю - не только тебе!

- Я зачем, господа служба, пускаешь хуяку в чужую пиздяку?

- Да разве он лазил туда?

- Ишь какой! Да я его оттуда насили вытащил!

- Экой блудливой шельма! Ну, надую же ему бока, не станет он у меня шляться по чужим дырам.

СОЛДАТ И ХОХЛУШКА

23

Хал хохол с жинкою и сыном в город на волах, а кирасир привязал на дороге кобылу к дереву и едет ее.

- Что ты, москаль, делаешь? *

- Да вот казенная лошадь сплечилась, так лечу!

Я хохлушки думает:

- Верно, у него хуй большой! Ишь кобылу едет!

Взяла и села в телеге на грядку, колесо ударилось в канаву.

Хохлушки упала с телеги и кричит:

- Беги скорей за солдатом, я сплечилась!

Хохол побежкал, догнал солдата:

- Москаль, будь родной отец, помоги, пожалуйста, у меня хэзяйка сплечилась.

- Что делать, надо помочь твоему горю!

Воротился солдат, хохлушка лежит на земле да стонет:

- **Йи, батеньки, сплечилась.**

- **Есть ли у тебя, - спрашивает солдат хохла, - рядом, чём телегу накрыть?**

- **Есть!**

- **Хорошо, давай сюда!**

Накрыл телегу и положил туда хохлушку.

- **Я есть ли у тебя хлеб-соль?**

- **Есть.**

Солдат взял кусочек хлеба и посолил.

- **Ну, хохол, держи волов, чтобы с места не трогались.**

Хохол ухватил их за рога и держит, а солдат влез на телегу и давай есть хохлушку. Сын увидел, что солдат на матери лежит, сказал:

- **Тятко, а тятко! Москаль мамку ебет.**

- **И то, сынок, кажись, ебет! Да нет, хлеб-соль его не попустит!**

Солдат отработал и вылез из телеги.

Хохлушка говорит:

- **Ну, спасибо, москаль! Вот тебе карбованец.**

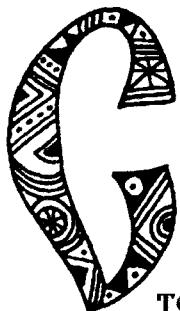
Хохол достал кошелек, даёт ему два карбованца:

- **Спасибо, москаль, что жинку вылечил!**

*Вариант. Хохол подъехал:

- Помогай Бог, добрый человече! Що робиш?

СОЛДАТ И ХОХОЛ

То ял солдат у хохла на квартире и скол знакоство с его хозяйкою. Хохол заметил и перестал ходить на работу; все сидит дома. Солдат поднялся на выдумку, переоделся в другую одежду, приходит вечером к хате и стучится в окно. Хохлушка спрашивает:

- Кто там?

Я солдат отвечает:

- Бабе.

- Какой бабе?

- Какой хохлов тебе! Что, хозяин дома?

- На что тебе?

- Да вот последовал указ всех хохлов переесть! Отпирай-ка скорее двери!

Хохол испугался, не знает, куда деваться, схватил

кожух, залез под лавку и укрылся тем кожухом. Хохлушки отперла двери и впустила солдата; вошел он в хату и кричит:

- Где же хозяин?

- Его нема дома!

Солдат начал искать его на печи, на полатях и по всем углам и наконец напал на хохла под лавкою.

- Я это кто?

- Это теля.

Я хохол услыхал и замычал по-теляччи.

- Ну, коли нет хозяина, так сама ложись!

- Ах, Боже мой, нельзя ли обождать до другого раза, пока хозяин придет?

- Тебе хорошо - до другого раза, а мне надо обойтить все избы, а не обойду - так триста палок в спину. Ложись-ка скорее, мне с тобой некогда разговаривать.

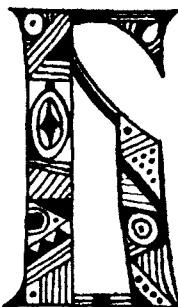
Хохлушки легла, а солдат начал ее осаживать по-свойски, до того припер ей, что аж запердела с натуги. Отвалил солдат и ушел из хаты. Хохол вылез из-под лавки и говорит:

- Ну, спасибо тебе, жинка! Что за меня потрудилась! * У тебя две дыры: в одну прет, в другую дух идет - и то ты не утерпела да запердела, а я, кажись, совсем усрался бы! Ох, жинка! Ты умна, а я ще (еще) умней; ты сказала «теля», а я и замычал по-теляччи!

*Вариант. Что меня пожалела!

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ ЗАЛЕЗ ИЮНЬЮ К ОДНОМУ МУЖИКУ В РИГУ И ЗАЛЕГ НА СЕНЕ СПАТЬ. ТОЛЬКО СТАЛ ЗАСЫПАТЬ, СЛЫШИТ: КТО-ТО ИДЕТ. СОЛДАТ ИСПУГАЛСЯ И ЗАЛЕЗ ПОД САМОЮ КРЫШУ. БОТ ПРИШЛА ТУДА ДЕВКА, А ЗА НЕЮ ПАРЕНЬ; ПРИНЕСЛИ С СОБОЮ ВИНА И РАЗНЫХ ЗАКУСОК; ПОСТАВИЛИ В УГОЛ, РАЗДЕЛИСЬ И ДАВАЙ ЦЕЛОВАТЬСЯ ДА ЛЮБОВАТЬСЯ. ПАРЕНЬ ПОВАЛИЛ ДЕВКУ НА СЕНО И НАЧАЛ ЕЕ ЕТЬ; ДЕВКА ПОДМАХИВАЕТ, А САМА ГОВОРИТ:

- **АХ, МИЛЫЙ ДРУГ!** КОЛИ БОГ ДАСТ, ДА РОЖУ Я РЕБЕНКА - КТО ЗА НИМ ПРИСМОТРИТ, КТО ЕГО ВЫХОДИТ?

Я ПАРЕНЬ ОТВЕЧАЕТ:

- ТОТ, КТО НАД НАМИ!

КАК УСЛЫХАЛ ЭТИ РЕЧИ СОЛДАТ, НЕ ВЫТЕРПЕЛ И ЗАКРИЧАЛ:

- **АХ ВЫ ПОДЛЫЕ!** ВЫ БЛУД ТВОРИТЕ, А Я ЗА ВАС ОТВЕЧАТЬ БУДУ!

ПАРЕНЬ ТОТЧАС ВСКОЧИЛ С ДЕВКИ ДА БЕЖАТЬ; ДЕВКА ТОЖЕ - ДАВАЙ БОГ НОГИ!

Я СОЛДАТ СЛЕЗ НАЗЕМЬ, ЗАБРАЛ ИХ ОДЕЖУ, ВИНО И ЗАКУСКИ И ПОШЕЛ СВОЕЮ ДОРЕГОЮ.

СОЛДАТ И ПОП

3

ахотелось солдату попадью уеть; как быть?
Нарядился во всю амуницию, взял ружье и пришел к попу на
двор.

- Ну, батька! Вышел такой указ, велено всех попов
перееть, подставляй свою сраку!

- Ях, служивой! Нельзя ли меня освободить?

- Вот еще выдумал! Чтоб мне за тебя досталось? Скидай-
ка портки поскорей да становись раком.

- Смилиуйся, служивой! Нельзя ли вместо меня попадью
уеть?

- Оно, пожалуй, можно-то можно! Да чтоб не узнали, а
то беда будет! Я ты, батька, что дашь? Я меньше сотни не
возьму.

- Возьми, служивой, только помоги горю!

- Ну, поди, ложись в телегу, а поверх себя положи попадью, я взлезу и будто тебя отъебу!

Поп лег в телегу, попадья на него, а солдат задрал ей подол и ну валять на все корки.

Поп лежал-лежал, и разобрало его; хуй у попа понатужился, просунулся в дыру сквозь телегу и торчит, да такой красный! Я попова дочь смотрела, смотрела и говорит:

- Яй да служивой, какой у него хуй-то здоровенный: матку и батьку насквозь пронизал, да еще конец мотается! *

* Записана в Московском уезде.

СОЛДАТ РЕШЕТИТ

была свадьба у богатого мужика: женил он сына. И было у него пирожанье великое. Обвенчали жениха с невестой и спать уложили, а наутро подняли, поздравили с законным браком, потом накрыли молодых белою простынею и стали решетить (то есть дарить молодых дарами), всякий кладет денег сколько может! Вот все отрешетили, остался один солдат. Старик видит, что он лежит с похмелья и говорит:

- Что ж, служивой, встань да порешети молодых-то!

Солдат встал.

- Решетить так решетить, - говорит, и идет без портков, как спал, берется за решето, и прямо поднял простыню и давай решетить молодую через жопу.

- Служивой, - кричит свекор, - ты не так решетишь!

Я молодая:

- Ничего, батюшка, пускай хоть так порешетит!

Отвалил ее солдат и полез на лавку. Вот свекру досадно стало, и говорит он девкам:

- Спойте-ка солдату страшную песню!

Девки запели:

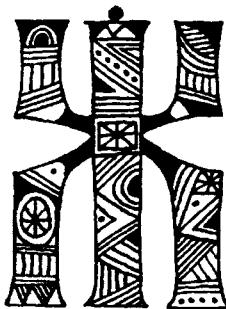
- Ах ты, солдат! По белу свету волочился, а решетить не научился!

- Ах вы, курвы, как умел, так и решетил.

теща и зять-дурень

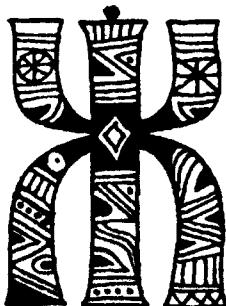
ил-был мужик с бабой, у них была дочь. Нашелся жених, высоватал девку и женился на ней. Случилось зятю быть у тещи в гостях на святках. Теща посадила его за стол и начала угождать. Поставила перед ним разных закусок, а сама зятя спрашивает:

- Послушай, сынок! У вас нонче какую животину к празднику били?

- Да вишь мой батюшка перед самым праздником поймал суку в анбаре и так ее прибил, что она усасалась и усралась. Насилу сутка-то вырвалась да бежать, а батька за нею вдогонку, нагнал ее у забора, как она лезла в дыру, да и по пизде еще раз ударил!

- Ну, нажила себе умного зятя! - думает теща, - Экое словечко сбухал, больше ничего не спрошу у него.

БОЛГИВЯ ЖЕНИ

ил-был мужик, и захотелось ему попытать:
можно ли, когда случится, сказать жене тайну али нет?

Захотелось ему раз до ветру, он пошел на двор и
высился. Воротился в избу, повесил голову и так тяжело
вздыхает, будто что худое сделал! Стала баба его спрашивать:

- Что ты, али захворал? Какой давеча веселый был, а
теперича ишь насупился!

- Эх, жена, молчи! - говорит мужик, - сам не знаю, перед
добром или худом это со мною случилось!

Баба пристала: «Скажи да скажи мне, что такое
случилось?»

- Сейчас ходил я, жена, до ветру. Только сел да пердинул,
как у меня из жопы вылетела одна сорока, вот я и думаю: к
чему бы это такое выло?

Как услыхала баба про сороку, тут же побежала к куме за каким-то делом и давай ей рассказывать:

- Послушай, кума, что с моим мужем-то вчера случилось: пошел он до ветру, только перднул, как у него из жопы вылетело две сороки, к чему бы это такое?

- Не знаю, кумушка!

Потолковали они, потолковали и разошлись. Кума побежала сейчас к своей куме, и говорит ей:

- Не слыхала ты, кумушка Ирина, что с Иваном-то случилось? Ко мне жена его приходила и сказывала, что пошел он до ветру и только перднул один раз, как у него из жопы вылетело три сороки!

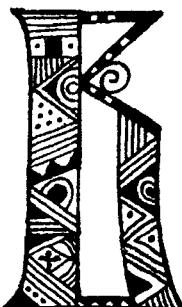
Кума Ирина побежала к соседям и нахвастала, что пошел Иван до ветру, а у него из жопы вылетело четыре сороки. Чем дальше шло, тем больше сорок прибывало; как обошла весть всех деревенских баб, оказалось, что у мужика из жопы вылетело двенадцать сорок, и так пошла на него слава, что и показаться никуда нельзя! Кто ни попадется на глаза, всяк его спрашивает:

- Как это, брат, у тебя из жопы двенадцать сорок вылетело? Расскажи, пожалуйста!

ПОП РЖЕТ, КИК ЖЕРЕБЕЦ

a)

НЕКОТОРОМ СЕЛЕ ЖИА-БЫЛ ПОП, ВЕЛИКИЙ ОХОТНИК
ДО МОЛОДЫХ БАБ, КАК ТОЛЬКО УКИНУТ, ВЫКАЛО, В ОКНО, ЧТО МИМО
ДВОРА ЕГО ИДЕТ МОЛОДКА, СЕЙЧАС ВЫСУНЕТ ГОЛОВУ И ЗАРЖЕТ ПО-
ЖЕРЕБЯЧЫИ. НА ТОМ ЖЕ СЕЛЕ ЖИЛ ОДИН МУЖИК, У КОТОРОГО ЖЕНА
БЫЛА ОЧЕНЬ ХОРОША СОБОЙ. И ХОДИЛА ОНА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЗА ВОДОЮ
МИМО ПОПОВСКОГО ДВОРА; А ПОП ТОЛЬКО УСМОТРИТ ЕЕ - СЕЙЧАС
ВЫСУНЕТ В ОКНО ГОЛОВУ И ЗАРЖЕТ. БОТ БАБА ПРИШЛА ДОМОЙ И
СПРАШИВАЕТ У МУЖИКА:

- Муженек! Скажи, пожалуй, отчего это иду я за водой
мило попова двора, а поп на всю улицу ржет по-жеребячыи!

- Эх, дура баба! Это он тебя ~~заржать~~ хочет! Я ты смотри,
как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребячыи: «иго-
го», ты ему сама заржи тонким голосом: «иги-ги». Он к тебе
сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его и

замани; вот мы попа-то и обработаем; пусть не ржет по-
жеребячы!

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидал ее из
окошка и заржал на всю улицу: «Иго-го, иго-го», а баба в
ответ ему заржала: «Иги-ги, иги-ги!».

Поп вскочил, надел подрясник, выбежал из избы, и к бабе:

- Что, Марьушка! Нельзя ли того?..

- Можно, батька! Вот муж собирается в город на
ярманку, только лошадей нигде не добудет.

- Ты давно в сказала, присылай его ко мне, я дам свою
пару лошадей, и с повозкой. Пусть себе едет!

Боротилась баба домой и говорит мужу:

- Так и так, вери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался - и прямо к попу, а поп давно его
ждет.

- Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадок на
ярманку съездить.

- Изволь, изволь, свет!

Запряг мужик поповых лошадей в повозку, приехал
домой и говорит жене:

- Ну, хозяйка! Я выеду за деревню, постою немножко да и
назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь да
застучу в ворота - он испугается и станет спрашивать: «Где
вы спрятаться?» Ты и спрячь его в энтот сундук, что с
голландской сажей стоит; слышь?

- Ладно!

Сел мужик в повозку и поехал за деревню, поп увидал и сейчас бросился к бабе.

- Здравствуй, Марьушка!

- Здравствуй, батюшка! Теперь нам своя воля, погуляем!

Садись-ка за стол да выпей водочки.

Поп выпил рюмочку, и не терпится ему, поскакал с себя рясу, и сапоги, и портки - свирается на постель ложиться. Бдруг как застучит у ворот. Поп испугался и спрашивает:

- Кто это, Марьушка, стучится?

- Ях, батька! Ведь это мой муж домой приехал, кажись, что-то позабыл!

- Куда же мне-то, свет, спрятаться?

- Я вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда!

Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок.

Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает:

- Что воротился?

- Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярмарке-то купят, пособи-ка на повозку снести.

Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы.

- Отчего он такой тяжелой? - говорит хозяин, - кажись, совсем порожний, а тяжел!

Я сам тащит-тащит да нарочно об стену или об дверь и стукнет: поп катается в сундуке и думает: «Ну, попал в добруй капкан!»

Встали на повозку; мужик сел на сундук и повехал на

поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней постегивать - помчались они во весь дух! Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею:

- Поди, останови этого мужика да спроси - куда так шибко гонит?

Лакей подбежал и кричит:

- Эй, мужичок! Постой, постой!

Мужик остановился.

- Барин велел спросить, что так шибко гонишь?

- Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню.

- Что же, мужичок, поймал хоть одного?

- Одного-то поймал, а за другим гнался, да вот ты помешал! Теперь за ним не угонишься.

Лакей рассказал про то барину: так и так, одного черта мужик поймал!

Барин сейчас к мужику:

- Покажи, братец, мие черта; я сроду их не видывал!

- Даешь, барин, сто рублей, покажу.

- Хорошо, - сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп - весь избитый да вымазанный в саже, с растрепанными патлами.

- Ях, какой страшный! - сказал барин, - как есть черт! Бороды длинные, рожа черная, глаза так и выпучил!

Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город, приехал на площадь, где была ярмарка, и остановился.

- Что, мужик, продашь? - спрашивают его.
- Черта! - отвечает он.
- Я что просишь?
- Тысячу рублей.
- Я меньше как?
- Ничего меньше! Одно слово - тысячу рублей.

Тут собралось около мужика столько народу, что яблоку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке.

- Мужик, продаёй черта.
- Купите.
- Ну, что цена будет?
- Тысяча рублей, да и то за одного черта, без сундука. Сундук-то мне нужен, коли еще поймаю черта, чтобы было куда посадить.

Купцы сложились и дали ему тысячу.

- Извольте получать! - говорит мужик и открыл сундук. Поп как вскочит да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнет от него в разные стороны, так поп и убежал!
- Экой черт! К здакому коли попадешься, совсем пропадешь, - говорят купцы промеж себя. Я мужик воротился домой и отвел к попу лошадей.

- Спасибо, - говорит, - батюшка, за повозку - славно торговал; тысячу рубликов зашиб.

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидала попа и ну ржать: «Иги-ги-ги».

- Ну, мать твою так! - сказал поп, - муж твой славно меня угигикал.

С тех пор перестал поп ржать по-жеребячни.
б)

В некотором царстве, в некотором государстве жил поп, полюбилась ему мужикова жена: как только пойдет она по воду с ведрами - он и начнет ржать, как жеребец. Вот раз идет она по воду, поп увидел и заржал; она себе тож взяла да и заржала. Поп выбежал:

- Что, умница, нельзя ли свести нам с тобой знакомства?

- Можно, батыка, только надо уладить это дело!

Пришла домой и говорит мужу:

- Поп хочет со мной заняться, просится ко мне ночевать.

- Ну что ж? Пускай приходит, а я поеду пахать в поле, да ворочусь и накрою его; авось что и слупим с него!

Поехал мужик в поле нарочно мимо попова двора.

- Куда, свет, едешь?

- Пахать, батюшка! Благословите на путь, на дорогу!

- Хорошее дело, - говорит поп, - Бог тебя благословит!

Я баба пошла сейчас по воду, повстречалась с попом и говорит:

- Ну, муж уехал пахать! Приходи, батыка, нынче вечером; я тебе закуску приготовлю, а ты вина приноси...

Поп насили вчера дождался; поскорее оделся, захватил в карман денег и штоф вина и побежал к бабе.

Пришел.

- Здравствуй, умница!

- Здравствуй, батька!

Вынул поп штоф, поставил на стол; закусили они и выпили как следует. Тут поп начал с бабой заигрывать, затитьки ее пощупывать, уж совсем на кровать тащит!

Да тут вдруг как застучит в окно:

- Отворяй, жена! Что заперлась? Или женихов прячешь?

- Погоди, муженек, сейчас отопру.

Поп испугался.

- Куда же мне? Куда деваться-то?

Я баба ему говорит:

- Ты, батька, поскорей разденься да напяль на себя вот эту худенькую одежду-то и садись здесь у печки. Коли муж про тебя спросит, я скажу: нищий ночевать попросился, я и пустила.

Поп сейчас стащил с себя рясу, оделся в изорванную одежду и сел у печки. Мужик вошел в избу.

- Что, муженек, рано воротился? Сказал: на три дня едешь.

- Да забыл бочонок с водою. Я это что у тебя за человек?

- Это странник, попросился ночевать - я и пустила!

- Ну, хозяйка! Дай-ка поужинать, а там и спать ляжем, завтра рано надыть на пашню ехать.

Сел за стол и начал упisyывать.

- Ты, может, винца выпьешь? - говорит жена.

- Я разве есть?

- Есть; нынче ходила я к матушке, она дала мне целый

штоф.

Мужик подвыпил порядком и говорит попу:

- Садись, земляк, с нами ужинать!

Поп уставился и молчит.

- Эх, жена! Ходил он по белому свету, оброс весь бородою и перед людьми стыдно теперь показаться, виши как боится! Подай-ка сюда ножницы, я ему бороду-то обстригу!

Баба подала ножницы, мужик и остряг попу бороду догола. Потом сидел-сидел да и выдумал:

- Эй, хозяйка! - говорит. - Ступай к попадье да попроси, чтоб пожаловала к нам закусить и выпить; она женщина хорошая! Ее можно попотчевать.

Побежала баба попадью звать, а та тому и рада; вскочила, оделась и пошла к мужику.

- Что так долго, матушка? - спросил мужик.

- Экой! Чай сам знаешь, какое собирание у поповой жены: покудова умоется да оденется - хороший мужик десять верст уйдет!

- Ну, садись, матушка, закуси с нами и выпей с чём Бог послал: у меня сегодня праздник: корова бычка родила!

И ну наливать ее водкой; один стакан поднес, и другой, и третий.

- Пей, матушка, за здоровье нашего бычка!

Так все вино и выпили.

- Жена! говорит мужик своей хозяйке, - сходи-ка в кабак да возьми ка еще полштоф: я загулял сегодня!

Жена побежала в кабак, а мужик видит, что попадья захмелела, и стал у нее просить, чтоб дала ему поесть. Попадья отговаривалась, отговаривалась, никак не могла отговориться. Все мужик пристает:

- Дай, матушка! Я отродясь не пробовал у попадьи!

- Где же мы ляжем? - спрашивает попадья, - ведь здесь нищий сидит!

- Ничего, пусть себе посмотрит! - сказал мужик, положил попадью на кровать и давай ее зудить*

Поп сидит, поглядывает да тяжело вздыхает. Только мужик покончил с попадьей дело, пришла жена его с водкою. Ну, тут опять выпили. Попадья распрощалась и ушла домой, а мужик лег с женой спать. И поп прилег на лавке будто спать, а сам выжидает время - как бы удрать. Мужик нарочно и захрапел. Поп потихоньку вскочил да давай Бог ноги. Прибежал домой, насили достучался, сбросил с себя тряпье и ложится к попадье. Вот попадья хвать его за бороду

- а бороды-то нет.

- Кто это, батыка, тебя облупил?

- Да тот черт, что и тебя лупил!

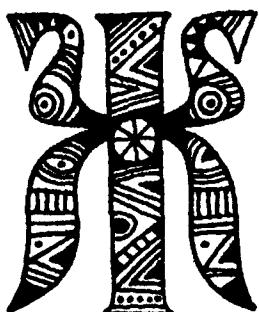
Тут попадья и язык прикусила.

* Вариант. Сандалить.

ХИТРИЯ БАБА*

а)

ил-был мечанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожилися. И говорит жена мужу:

- Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить.
- Я как поправиться?
- Уж я придумала, только не ругай меня.
- Ну делай, коли придумала.
- Спрячься-ка, - говорит жена, - да выжидаю. Я найду и приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем.
- Ну, хорошо.

Вот взяла она коров, насыпала сажею и поставила на полатях, муж спрятался, а жена навеллась, нарумянилась, убралася и вышла на улицу, да и села подле окошечка такая наряженная!** Немного погодя едет мимо верхом на лошади

поп. Подъехал близко и говорит:

- Что, молодушка, нарядилася, али у тебя праздник какой?
- Какой праздник! С горя нарядилася! Теперь я одна дома.
- Я муж где?
- На работу уехал.
- Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно; пусты-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коротать!
- Милости просим, батюшка!
- Куда же лошадь девать-то?
- Беди на двор, я велю батраку привратить ее.
- Вот вошли они вдвоем в избу.
- Как же, голубушка, надо наперед выпить; вот целковой, посытай за вином.

Принес батрак им целый штоф водки, они выпили и закусили.

- Ну, теперь пора и спать ложиться, - говорит поп, - поваляемся да и поевемся немножко!
- Послушай, батька! Коли грехить, так грехить: раздевайся догола; так веселее!

Поп разделся донаага и только улегся на кровать, как муж застучит шивко-нашивко.

- Ох, веда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб.

Поп как был голый, так и вскочил в короб и улегся в саже.

И муж идет в избу да ругается.

- Что ты, мать твою раздак! Дверь долго не отворяешь?
Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел
потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу
и села под окошечком.

Едет мимо дьякон. С ним то же случилось. Как застучал
муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в коров с сажею и
прямо попал на попа.

- Кто тут?

- Это я, - говорит поп шепотом. - И ты, свет, кто?

- Я, батюшка, дьякон.

- Да как ты сюда попал?

- Я ты, батюшка, как?

- Уж молчи, чтоб хозяин не услыхал, а то беда будет!

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка и
дьячка. Очнулся и он в корове с сажею, ощупал руками попа
и дьякона:

- Кто здесь?

- Это мы, я и отец дьякон, - говорит поп, - а ты, кажись,
дьячок?

- Точно, батюшка!

Наконец пошла хозяйка на улицу и звонарь заманила.
Звонарь только разделился, как раздался шум и стук; он
бултых в коров:

- Кто тут?

- Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком. Я ты,

кажись, звонарь?

- Так точно, батюшка!

- Ну, свет, теперь весь причт церковной собрался!

Муж вошел и говорит жене:

- Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят.

- Пожалуй, продавай, - говорит жена, - на полатях целой коров стоит.

Взял он с баграком, взвалили этот коров на телегу и повезли по большой дороге.

Едет барин:

- Сворачивай! - кричит во всю глотку.

- Нельзя, у меня черти на возу!

- Я покажи, - говорит барин.

- Дай пятьсот рублей.

- Что так дорого?

- Да коли открою коров, только и видел их: сейчас уйдут!

Дал ему барин пятьсот рублей. Как открыл он коров - как повыскочил оттуда весь причт церковный. Да во всю прыть вежать - настоящие черти, измазанные да черные!***

в)

Жил-был мужик, была у него молодая да пригожая жена. Полюбилась она попу и дьякону, и дьячку.

- Что, Марьушка, - спрашивает поп, - нельзя ли этого?

- Приходите, батюшка, вечером, как только стемнеет.

Стал просить дьякон, она сказала ему:

- Приходите, отец дьякон, как совсем ночь наступит.

И дьячку велела приходить около полуночи. Мужик сговорился с женой, ушел из дома, набрал мешков, будто хочет в город идти на базар.

Пришел к бабе поп, и только разделясь, раздался стук - мужик воротился. Поп спрятался в коров на самый низ. Потом пришел дьякон, туда же попал и лег на попа; а за ним дьячок, поверх всех улегся. Мужик кричит:

- Подай, жена, ружье! Хочу стрелять, да напиши мелом цель вот на этом коробе.

Пишет баба цель; поп шепчет ей:

- Пиши повыше!

И дьячок:

- Пиши пониже.

Попугал их, попугал мужик и велел жене выпускать на волю, а сам стал с дубинкою у порога и давай потчевать. Дьячок и дьякон ушли, а поп спрятался в сенях под корову. Мужик заприметил то и говорит жене:

- Жена! Ступай к попадье, пусть придет да корову купит: она давно торговала; я теперь дешево отдам.

Как услыхала попадья о корове, сейчас скочила с кровати, оделась и прибежала.

- Что, Иван, коровку-то продаешь?

- Продаю, матушка!

- Что просишь?

- Давай сорок рублей; а коли попилить дашь - ничего не

возьму.

- Ну, пили, свет!

Мужик разложил попадью в сенях, отработал ее и говорит:

- Я корову, матушка, я завтра пришлю вместе с теленком.

Попадья ушла, а мужик кричит на жену:

- Давай ужинать!

- Чего тебе?

- Давай молока!

- Молока нету, теленок всю корову высосал!

Мужик взял дубинку и давай лупить попа, а поп, как теленок, мычит; мычал, мычал, да видит: дело-то невмоготу, выскоцил и драла домой.

- Где ты был? - спрашивает попадья, - ишь полуношник, все по блядям шляешься!

А поп говорит ей:

- Молчи, мать твою так, а где корова, что ты купила?

в)

Жил-был кузнец, у него хозяйка была чудная красавица.

Жили они бедно. Раз кузнец говорит своей жене:

- Послушай, хозяйка! Что нам делать? Откуда денег взять? Ты хоть бы женихов к себе приманила! На тебя и богатые станут зориться. Ступай-ка по городу, не попадется ли какой дурак! Я ты смотри не плошай: коли кто у тебя попросит, ты обери с него деньги и вели приходить на ночь в

кузницу, через трубу. Я сам там буду и разделаюсь как надо!

Кузнециха нарядилась почице и пошла по городу.
Попадается ей знакомый поп.

- Здравствуй, бабенка! Что, муж твой дома?

- Нету, батюшка! Барин потребовал его к себе на целой
месяц на работу, я теперь живу одна.

- Ну, свет, тем лучше, что одна. Нельзя ли мне другому
к тебе ночевать прийти?

- Отчего же, батюшка, можно, только дай двадцать
рублей.

- Изволь, свет! На сейчас и деньги. Я вечером, после
всенощной, прямо к тебе буду.

- Приходи, батюшка, только не в избу, я буду ночевать в
кузнице — караулить мужнины струменты; так ты и спустишь
туда потихоньку в трубу.

- Хорошо, свет!

Получила она с попа двадцать рублей и пошла дальше.
Быстречает ее староста церковный.

- Я, здравствуй, кузнециха!

- Здравствуй, добрый человек!

- Что, муж твой дома?

- Нету, ушел к барину работать на целой месяц, теперь
одна дома живу.

- Нельзя ли с тобой, милая, хоть одну ночку
переночевать?

- Отчего же! Теперь моя своя воля. Давай двадцать рублей

и приходи вечером попозже. Я буду ночевать в кузнице; а как придешь, не стучись в дверь, чтоб шуму не было, а спущайся потихоньку в трубу.

- Ладно!

Взяла она со старости двадцать рублей и пошла дальше. Повстречался с нею цыган.

- Гэ, здорова, пани матка!

- Здравствуй, цыган!

- Я что, моя кохана, твой старик дома?

- Нету, уехал на целой месяц к барину работать. Я теперь одна живу.

- Гэ, моя коханочка! Как я с тобой могу ночку переночевать!

- Отчего же! Приходи, цыган! Только давай двадцать рублей.

Цыган вынул деньги:

- На-на, моя коханочка! Я вечером к тебе приведу.

Приходи, цыган, прямо в кузницу и спустись в трубу: я там стану тебя дожидаться.

- Хорошо, моя голубка!

Боротилась домой кузнециха и говорит:

- Ну, муженек, придут к ночи три жениха в гости; со всех взяла по двадцати рублей.

- Ну, хозяйка, слава Богу! Я с ними сделаюсь.

Дождались вечера. Кузнец собрался и пошел на кузницу, развел огонь в горне, положил туда клещи и стал женихов

поджидалъ. Вот поп отправил всенощную, схватил рясу и вегом из церкви в кузницу. Нагоняет его староста.

- Куда вы, батюшка?

- Я помалчивай, свет! Согрешил перед Богом, иду к кузнецам на ночь, и деньги вперед отдал.

- Ах, батюшка! Ведь и я туда же иду!

- Ничего, свет! Пойдем вдвоем, еще веселее будет.

Стали подходить к кузнице, нагнал их цыган.

- Гэ, куда вы, отцы духовные?

- Помаачивай, цыган, мы идем к одной бабе на ночь - вот в эту кузницу.

- Ага, батеньки, я и сам к ней бегу!

- Ну, пойдем с нами.

Пришли все трое.

- Ну, кому теперича вперед в трубу лезть?

Поп говорит:

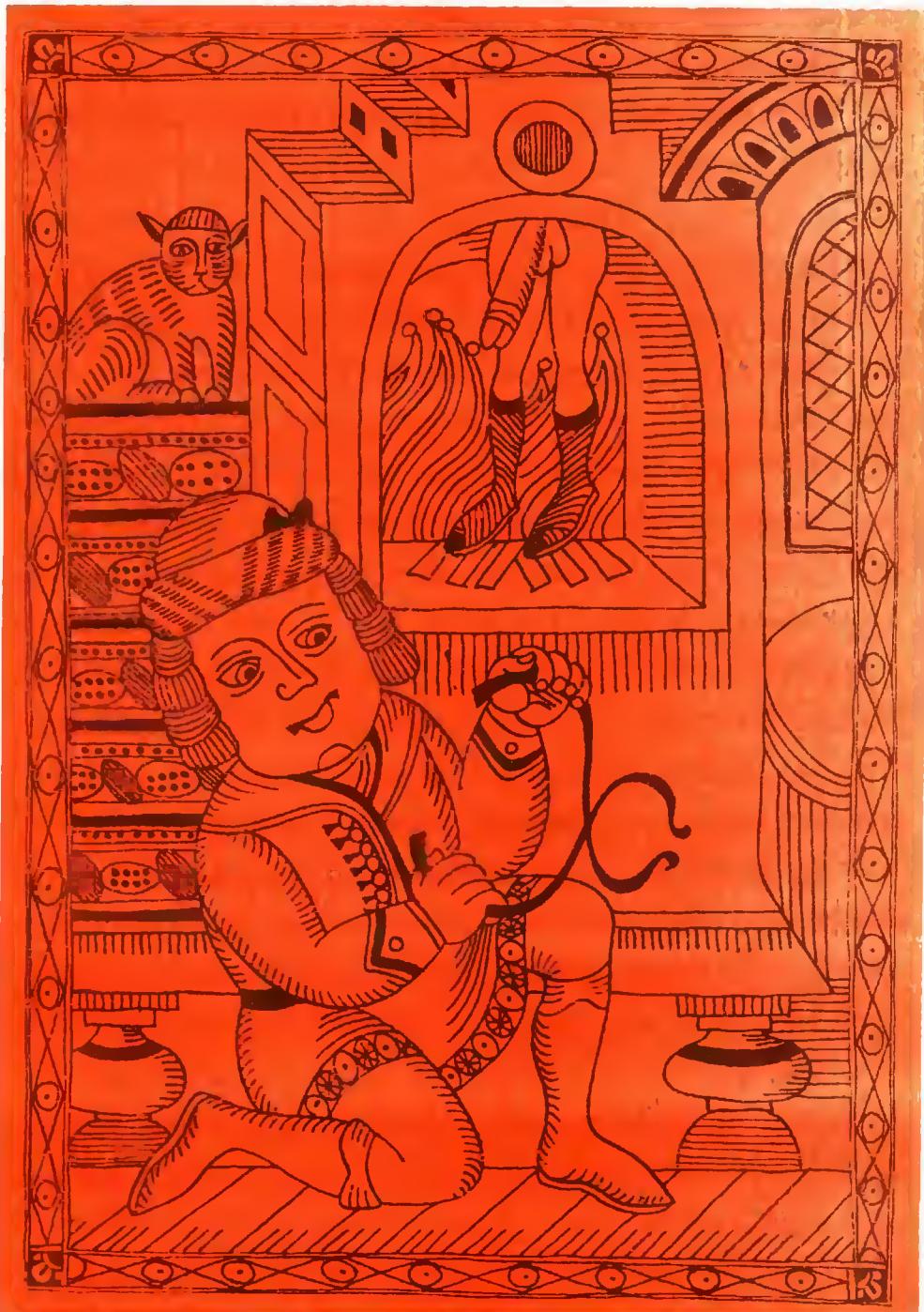
- Мне, свет! Я ведь постарше вас.

- Ну, полезай, батюшка.

Поп снял с себя рясу и скинул долой сапоги и портки. Староста с цыганом взяли зацепили его веревками под руки и хотят спускать в трубу. Поп говорит им:

- Как только, братцы, я сделаю свое дело, так и закричу: «Фык!», а вы меня шмыг! И тащите назад.

Только стали опускать попа в трубу, кузнец накалил клемши покрепче и схватил батьку клемшами-то за муде, закричал поп благим матом:

- Фык!

Они его шмыг и вытащили назад.

- Что, батенька, так скоро отработал? - спрашивает цыган.

- Ах, свет! Какая у нее пизда-то горячая, только дотронулся, как словно порохом обожгло. Я еще никогда эдакой не пробовал!

- Ну, теперь я полезу! - сказал староста.

- Полезай!

Староста разделся. Поп с цыганом подвязали его под руки и давай в трубу спускать. Кузнец взял клеми, схватил и этого жениха за муде.

Староста зарорал:

- Фык!

Они его шмыг и вытащили назад.

- Ну, цыган, - говорит староста, - не жалко двадцати рублей, было за что заплатить, полезай теперь ты.

- Я, батюшки, не по-вашему стану работать: покудова три раза не отвалию - не отстану от нее. Смотрите же, батеньки, не тащите меня, покуда три раза не скажу: .

- Фык!

- Хорошо.

Стали спускать цыгана, кузнец услыхал, что третий жених лезет в трубу, взял с горна горячие клеми, схватил цыгана прямо за муде. Цыган во все горло орет:

- Фык!

Не тащут. Цыган в другой раз:

- Фык!

Не тащут. Цыган в третий раз:

- Фык! Серу вашего батька! Тут не ебут, а живого пекут!
- Фык!

Поп и староста шмыг-и вытащили цыгана. Муде все у него облезли! Напустился цыган на батьку:

- Ты, псяча, козляча борода! Зачем не сказал, как там потчуют? Черт тебя бери, пущай бы у тебя одного яйца были поджарены. Ох, батеньки, мне-то пуще всех досталось!

- Ну, свет, ничего, когда подлая баба нас обманула, так пойдем же теперь к ней в избу, а с нею, шкурюю, по-своему разделяемся.

Оделись они кое-как и потащились к кузнецихе, пришли в избу и застали ее одну.

- Что ты, шельма, с нами сделала?

- Ях, миленькие! - отвечает кузнецеха, - я ведь и сама не рада, что моего мужа домой черти принесли: воротился ни с того ни с сего, да с вечера и пошел в кузницу работать. Садитесь-ка, голубчики, я маленько поуберусь; ночь большая, вся наша будет; а муж теперь в кузнице до белого дня пробудет.

Уселись гости. Вдруг идет домой кузнец, притворился пьяным, стучится в дверь и ругается на жену:

- Отворяй, блядища!

Как услыхали шум да крик - гости покакивали:

- Куда же нам теперь деваться?

Кузнециха говорит:

- Не бойтесь, голубчики, я вас спрячу, ведь он пьяной, скоро уснет. Ты, батюшка, скидывай поскорей с себя всю одежду и становись голой в переднем углу: я скажу мужу, что святыя**** купила!

Поп сейчас скинул с себя долой рясу, портки, сапоги и сорочку, стал в переднем углу, словно святой, и косу и бороду распустил.

- Я я куда денусь? - спрашивает староста.

- Я я куда? - кричит цыган.

- Я вы, голубчики, скидайте с себя одежду догола. Тебя - говорит старосте, - я привяжу веревкою к жерди и скажу мужу, что большой кувшин купила; а ты, цыган, полезай вот в эту кадушку с гущею; там просидишь - он тебя и не увидит!

Разделись они догола; кузнециха прицепила старосту веревкою к жерди, а цыган полез прямо в гущу. Отворила кузнециха дверь мужу, он входит, ругается и кричит:

- Жена, давай ужинать!

Посмотрел, в углу стоит поп.

- Я что это за черт у тебя стоит?

- Господь с тобой! Какой черт? Это святые.

- Я что за такого большого заплатила?

- Завтра узнаешь, ложись-ка спать.

Кузнец зажег свечу, подошел к попу, взял его за кляп и спрашивает у хозяйки:

- Я это что за штука?

- Эта штука, чтоб свечку ставить.

- Ну, дай-ко сейчас поставлю!

Взял свечку и ну лепить к хую. Свечка не пристает - все отваливается.

- Надо этот подсвечник накалить: тогда лучше пристанет!

И стал свечкою конец поповского кляпа прижигать. Поп как перднет, прыгнул через стол и вон из избы, так голый и удрал!

- Ах ты, блядища,- закричал муж, - ты ведь купила не святыя, а черта, смотри, ведь он ушел - и деньги пропали!

Потом подошел к жерди:

- Я это что висит?

- Кувшин большой для воды купила.

- Какой, черт, кувшин - это настоящая бочка! Да крепок ли он?

- Я стучала в него кулаком - хорошо звенит!

- Дай-ка я поленом попробую: не разобьется ли?

Взял полено и со всего маху как начал дуть старосту по ребрам. Староста только на веревке качается. Вдруг веревка оборвалася; староста головою об пол, вскочил и убежал вон.

- Ишь, накупила! - говорит кузнец. - Дай-ка квасу напьюся.

Подошел к кадушке и видит: цыган в гуще по горло сидит, одно рыло выставил наружу. Кузнец крестится:

- Бот до чего с тобой дожил; верно, ты эту гущу держишь

В КАДУШКЕ С ТЕХ ПОР, КАК ЗАМУЖ ЗА МЕНЯ ВЫШЛА: ВИДИШЬ, В НЕЙ УЖЕ ЧЕРТИ ЗАВЕЛИСЬ!

ВЗЯЛ - НАКРЫЛ КАДУШКУ С ЦЫГАНОМ КРУЖКОМ И ЗАКОЛОТИЛ НАКРЕПКО ГВОЗДЯМИ. СИДИТ ЦЫГАН ГОЛОДНЫЙ ДЕНЬ И ДРУГОЙ; А НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ ЗАПРЯГ КУЗНЕЦ ТЕЛЕГУ, ВСТАЩИЛ НА НЕЕ КАДУШКУ И ПОЕХАЛ К ОЗЕРУ. ПРИЕХАЛ И ОСТАНОВИЛСЯ ЗДЕСЬ. СКИНУЛ СВОИ САПОГИ, ЗАСУЧИЛ ШТАНЫ, ВЛЕЗ В ВОДУ И ХОДИТ С КНУТОМ ОКОЛО (ОЗЕРА) БЕРЕГА, ВУДТО ЧТО ЛОВИТ. НЕМНОГО ПОГОДЯ ЕДЕТ МИМО БАРИН.

- Здорово, мужичок!

- Эка, барин, зачем здоровкался; только охоте моей помешал.

- Какой охоте?

- Да вот сейчас было взялся черт за крючок, да как услыхал твой голос и клевать не стал, назад воротился.

- Что ты врешь?

- Чего врать-то! Я уж одного поймал и в кадушку посадил; а другого ты испугал.

- Я покажь мне того, что поймал!

- Не покажу, барин.

- Вот тебе пятьдесят рублей.

- Мне дома и свои господа дадут сотню.

- Ну, бери сто рублей!

КУЗНЕЦ ВЗЯЛ СТО РУБЛЕЙ С БАРИНА, ОТКРЫЛ КАДУШКУ: КАК ВЫСКОЧИТ ОТТУДА ЦЫГАН ВСЕЙ В ГУЩЕ, ДА ТЯГУ И ДАЛ..

- В самом деле черт! - сказал барин и плюнул, - сколько лет на свете живу, а только в первой раз увидел черта!

Кузнец воротился домой и говорит жене:

- Ну, хозяйка, вить я продал цыгана за сто рублей; теперь надо еще продать попову рясу, и дело ладно будет.

Надел на себя попову рясу, взял попову палку и рано утром пошел к попову двору. Поп увидел кузнеца и думает:

- Дело-то будет плохо, коли прихожане узнают. - И стал просить кузнеца:

- Сделай милость, свет, не смеши людей!

- Что дашь? Хочешь выкупить за сто рублей?

- Ни то за сто, полтораста дам!

Кузнец отдал попу рясу и палку и взял с него полтораста рублей. Пошел к жене и стал с нею жить да поживать маленько поисправнее ***

* Сличи со сказкой «Поп ржет как жеребец»

** Вариант. Эта сказка начинается и так: мужик бедный, Ванька голый, задумал жениться на богатой купеческой дочери, выпросил у ее отца меркую мерить деньги и тем обманул его. Тот подумал: «Верно, мужик-то богат» и отдал за него свою дочь. Но он стал мотать и промотал все. Тут жена его пустилась на хитрости. дождалась воскресенья и пошла к обедне. Увидел ее повар, подошел к ней, стал бранить ее мужа за пьянство и говорит:

- Эх, Марья Дмитровна! Нельзя ли с тобой очинку переношевать?

- Можно, - сказала она, - только когда мужа дома не будет.

Отстояла она обедню, смотрит, поп за ней бежит и просит:

- Как вы, Марья Дмитровна, того - нельзя ли тебя хоть разок поеть?

- Можно, приходи, как мужа дома не будет.

(Место повара занимает иногда воевода). Пришла Марья Дмитровна домой и рассказала про все мужу: сам он сейчас пошел по деревне, идет мимо повара и кричит:

- Пойдет Ванька голой во царев кабак на всю ночь гулять!

- Зайди ко мне, - кричит ему повар, - я поднесу.

- Нешто у меня денег нет?

Я сам поскорей потащился к попову двору. Идет и туже кричит себе:

- Пойдет Ванька во царев кабак на всю ночь гулять!

Как услыхал такие слова повар, сейчас нарядился и пошел к Ванькиной жене. Она посадила его за стол и стала потчевать, как вдруг воротился домой Ванька голой.

- Эх, Марья Дмитровна, куда мне деться?

- Полезай в сундук.

Помещик полез туда, а муж вошел и заругался на хозяйку:

- Што до сих пор, мать твою туда-то, не ложишься спать?

Пошумел-пошумел и ушел. Он за двери, а тут и поп пожаловал в гости. И с попом случилась та же беда, бросился он в сундук и прямо сел на помещика; тот схватил его за бороду.

- Это ты, батюшка?

- Я, свет!

Банька голой запряг лошадь, поставил сундук на воз, привез к реке и бросил его в воду. Поп с помещиком насили вывались; а Банька забрал их одежду со всеми деньгами, что в карманах было, и стал со своей женой жить да поживать, да добра наживать, а лиха изымывать!

*** Вариант. Пришел поп и только выпил рюмку, смотрит - муж стучится в избу. Куда деваться?

- Сядись сюда, - говорит жена, - мели в жерновах; теперь темно, не признает; я скажу: тетка мелет!

Поп стал молоть Баньку вошел в избу, как треснет попа по уху:

- Мели, тетка! Мели, курва!

Походит, походит по избе, да опять попу по уху:

- Мели, тетка! Мели, курва!

И потом закричал на жену:

- Ездуй в огонь!

Вдруга жена огонь, посмотрел Банька и закричал:

- Я ты, косматый черт, зачем сюда зашел?

Делать нечего попу, признался:

- К жене твоей пришел!

- Давай пятьсот рублей выкупу!

Поп говорит:

- Да лад, только отпусти душу на покаянье!

- Да еще выгони у меня из дома черта.

Бзял поп крест и запел молебен. Банька открыл коров - оттуда выскошил измазанный помещик и бежать. Поймал его Банька и содрал тоже выкупу 500 рублей и стал себе жить пропеваючи.

**** Святые - священные фигуры, делаемые к святым.

***** Вариант. Вместо кузнеца выведен маляр. К жене маляра забрался цыган. Муж вернулся домой. Куда деваться цыгану?

- Раздевайся, - говорит хитрая баба, - наголо; я тебя поставлю в кладовую, где образа стоят.

Муж вошел и спрашивает:

- Что работники, много на маляровали?

- Поди сам в кладовой погляди.

Пошел маляр с женой в кладовую. Цыган стоит у стенки, распял руки, точно Христос распятый. Маляр посмотрел на него и говорит:

- Кого это они сделали? Как будто святой Анника - только хуй великой! Будто святой Яфнас - только хуй прицеплен не так, как у нас. Будто святой Ониксо - да хуй висит низко!

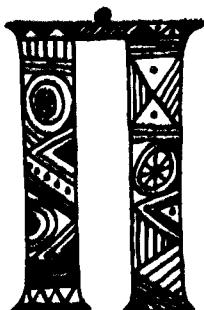
Бзял свечу и давай прижигать цыгану хуй. Цыган как прынёт и убежал домой. На другой день маляр увидел цыгана на улице, среди народа, подошел и стал говорить:

- Ах, братцы! Что у меня вчера-то случилось! Стали святыне бегать...

Цыган не утерпел и говорит:

- Серу твоего батька! Как будешь хуй припекать - еще не так будут утекать!

ЖИДОВКА

ОШЕЛ ПАРЕНЬ НА РАБОТУ; УВИДЕЛ НА ДОРОГЕ КАБАК И ЗАЕХАЛ НОЧЕВАТЬ. А ТОТ КАБАК ДЕРЖАЛ ЖИД; У НЕГО БЫЛА ЖЕНА. БОТ СТЕМНЕЛО, И ПОЛЕГЛИ ОНИ СПАТЬ НА ПОЛУ. ПОКАЗАЛОСЬ ЖИДОВКЕ ЖАРКО, ОНА СПРОСОНOK РАСКИДАЛАСЬ И ПОСБРОСИЛА С СЕБЯ ВСЕ: ЛЕЖИТ С ОТКРЫТОЙ ПИЗДОЙ. ВЗЯЛА МУЖИКА ОХОТА; ОН НЕ ДУМАЛ ДОЛГО, ВЗЛЕЗ НА НЕЕ И ДАВАЙ ВАЛЯТЬ. ЖИДОВКА ДУМАЕТ СЕБЕ, ЧТО ЭТО МУЖ ЕЕ КАЧАЕТ, ГОВОРИТ:

- Волько, волько!

А парень отвечает:

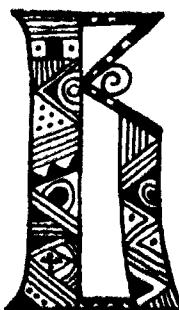
- Какого ты черта волькаешь? Жид проснется!

Жидовка схватила его за голову, пощупала - а пейсиков нет!

- Йи вей, волько?

- И так потихонько! - сказал парень, отработал и слез долой.

СОЛДАТ И ЧЕРТ

ышел солдат в чистую отставку и пустился на родину; а солдат-то был размыч горе: какие были деньжонки, все пустил в разные стороны. Идет дорогою.

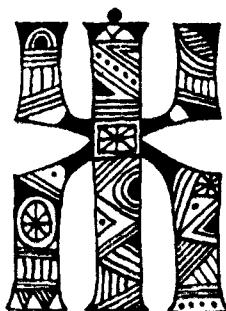
- Дай, - говорит, - я с горя горилки тяпну! Продам последний ранец и развеселю ретивое.

Ладно, ранец побоку - и урезал полштофа начисто. Пошел путем-дорогою, брякнулся спьяна наземь и стоит на четвереньках, никак не может подняться! Привеждал черт:

- Что ты делаешь, служивой?
- Сам видишь - ебу!
- Я что ж у тебя хуй торчит наружу?
- Не попаду!
- Да ты кого ебешь?
- Да кого велишь, того и стану.

Черт видит, что солдат - парень ловкий, а им таких и надо, взял его к себе. Солдат теперь живет богато - каждый день пьет горилку, курит махорку, редкой закусывает.

НИКОЛА ДУПЛЯНСКОЙ

а)

Ил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень молодой - Тереха Гладкой. Спозднал про то старик и говорит жене:

- Хозяйка! Я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел; о чем его ни попросишь - то и даст тебе!

Я сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и заполз к ней в дупло. Вот баба его напекла пирогов, колобов да масленых блинов и пошла в лес молиться Миколе Дуплянскому. Пришла к сосне, увидала старика и думает:

- Вот он, батюшка Микола Дуплянской-то!

Давай ему молиться:

- Ослепи, батюшка Микола, моего старика!

Я старик отвечает:

- Ступай, женка, домой, будет твой старик слеп, а

зобенку (корзину) с пирогами оставь здесь.

Баба поставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой. Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колбас и блинов, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой.

- Что ты, старик, - спрашивает его жена, - так тихо ползешь? Разве не видишь?

- Ох, женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу!

Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. Вечеру того же дня пришел к ней дружок - Тереха Гладкой.

- Ты теперь ничего не бойся! - говорит ей баба. - Ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколе Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился на медня домой и уж ничего не видит!

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принял их упывать за обе щеки.

- Смотри, Тереха! - говорит хозяйка, - не подавись блиами; я схожу масла принесу!

Только вышла она из избы по маслу, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернулся блин комком и пихнул Тереху в рот, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый.

- Говорила тебе: не ешь без масла, а то подавишься, да

НЕ ПОСЛУШАЛ: ВОТ ТЕПЕРЬ И ПОМЕР!

ВЗЯЛА ЕГО, СВОЛОКЛА ПОД МОСТ И ЛЕГЛА ОДНА СПАТЬ. НЕ СПИТСЯ ЕЙ ОДНОЙ-ТО, И НУ ЗВАТЬ К СЕБЕ СТАРИКА; А СТАРИК ГОВОРИТ:

- МНЕ И ЗДЕСЬ ХОРОШО!

ПОЛЕЖАЛ-ПОЛЕЖАЛ СТАРИК И ЗАКРИЧАЛ, РОВНО СО СНА:

- ЖЕНА, ВСТАВАЙ, У НАС ПОД МОСТОМ ТЕРЕХА ЛЕЖИТ МЕРТВОЙ!

- ЧТО ТЫ, СТАРИК! ТЕБЕ ВО СНЕ ПРИВИДЕЛОСЬ.

СТАРИК СЛЕЗ С ПЕЧКИ, ВЫТАЩИЛ ТЕРЕХУ ГЛАДКОГО И ПОВОЛОК К БОГАТОМУ МУЖИКУ; УВИДАЛ У НЕГО БАДЬЮ С МЕДОМ, ПОСТАВИЛ ОКОЛО БАДЬИ ТЕРЕХУ И ДАЛ ЕМУ В РУКИ ЛОПАТОЧКУ - БУДТО МЕД КОЛУПАЕТ. СМОТРИТ МУЖИК: КТО-ТО МЕД ВОРУЕТ, ПОДБЕЖАЛ ДА КАК УДАРИТ ТЕРЕХУ ПО ГОЛОВЕ: ТОТ НА ЗЕМЛЮ И ПОВАЛИЛСЯ, АКИ МЕРТВ. Я СТАРИК ВЫСКОЧИЛ ИЗ-ЗА УГЛА, СХВАТИЛ МУЖИКА ЗА ВОРОТ:

- ЗА ЧТО ПАРНЯ УБИЛ?

- ВОЗЬМИ СТО РУБЛЕЙ, ТОЛЬКО НИКОМУ НЕ СКАЗЫВАЙ! - ГОВОРИТ МУЖИК.

- ДАВАЙ ПЯТЬСОТ, А ТО В СУД ПОВОЛОКУ!

ДАЛ МУЖИК ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ; СТАРИК ПОДХВАТИЛ МЕРТВЕЦА И ПОВОЛОК НА ПОГОСТ; ВЫВЕЛ ИЗ ПОПОВОЙ КОНЮШНИ ЖЕРЕБЦА, ПОСАДИЛ НА НЕГО ТЕРЕХУ, ПРИВЯЗАЛ ВОЖЖИ К РУКАМ И ПУСТИЛ ПО ПОГОСТУ. ПОП ВЫБЕЖАЛ, РУГАЕТ ТЕРЕХУ И ХОЧЕТ ЕГО ИЗЛОВИТЬ; ЖЕРЕБ ОТ ПОПА, ДА ПРЯМО В КОНЮШНИЮ, ДА КАК УДАРИТ ТЕРЕХУ ГЛАДКОГО О ПЕРЕКЛАДИНУ - ОН УПАЛ И ПОКАТИЛСЯ НАЗЕМЬ. Я СТАРИК ВЫСКОЧИЛ ИЗ-ЗА УГЛА И УХВАТИЛ ПОПА ЗА БОРОДУ:

- За что убил парня? Пойдем-ка в суд!
Делать нечего, дал ему поп триста рублей.
- Только отпусти да никому не сказывай.
И Тереху похоронил.

)

Жил-был поп с попадьей, завела попадья себе любовника. Батрак заметил то и стал ей всячески помеху творить.

- Как бы избыть его, - думает попадья и пошла за советом к старухе Знахарке, а батрак с ней давно сделался. Приходит и спрашивает:

- Родимая бабушка! Помоги мне, как бы работника с попом извести!

- Поди, - говорит старуха, - в лес; там явился Никола Дуплянский, его попроси - он тебе поможет.

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. Я батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукою, взлез на ель и кряхтит. Попадья глядь - и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к нему и давай молить:

- Батюшка, Никола Дуплянский! Как бы мне извести батрака с попом?

- О жено, жено, - отвечает Никола Дуплянский. - Совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да помасленей блинов, они поедят и ослепнут; а еще навари им яиц, как поедят, так и оглохнут.

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали

собираться в поле; она им и говорит:

- Наперед позавтракайте!

И стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и подливает, ничего не жалеет.

- Кушайте, родные, масленее, макайте в масло-то, поскучней будет!

Я батрак уже и попа научил. Поели они и стали говорить:

- Что-то темно стало!

Я сами прямо-таки на стену лезут.

- Что с вами, родные?

- Бог покарал: совсем ослепли.

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним гулять, пить и веселиться.

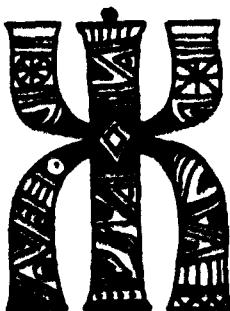
- Дай-ка теперь мне поеть, - просит гость у попадьи. Только давай с заду, как козел козу евет!

Попадья задрала хвост и стала раком, а гость и взлез на нее.

Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валить со всего маху — важно отдули!

ДВА БРАТИЯ-ЖЕНИХА

Ил-был мужик, у него было два сына - парни
большие. Стал старик со старухою советоваться:

- Какого сына оженить нам, Грицька или Лавра?
- Женим старшего, - сказала старуха.

И стали они сватать за Лавра и сосватали ему невесту на
самую масляницу в другой деревне. Дождались святой недели,
разговелись; вот и собирается Лавр вместе с братом Грицьком
ехать к невесте. Собрались, запрягли пару лошадей, сели в
повозку. Лавро, как жених, за барина, а Грицько - за кучера,
и поехали в гости. Только выехали за деревню, как Лавру
захотелось уже срать; так налупился на разговенах!

- Брат Грицько, - говорит он, - останови лошадей.
- Зачем?
- Посрать хочу.

- Экой ты дурак! Ужели ты станешь на своей земле срать?
Потерпи маленько, съедем на чужое поле - там вали хоть во
все брюхо!

Нечего делать, поднатужился Лавр, терпит - ажно в жар
его бросает и пот прошибает. Вот и чужое поле.

- Ну, братец, - говорит Лавр, - сделай такую милость,
останови лошадей, а то невтерпеж: до смерти хочу срать!

Я Грицько в ответ:

- Экой ты глупой! С тобой пропадешь; отчего не сказал,
как ехали мы через свое поле; там смело бы сел и срал, покуда
хотел. Я теперь сам знаешь: как срать на чужой земле! Еще,
не ровен час, какой черт увидит да поколотит нас обоих и
лошадей отберет. Ты потерпи маленько; как приедем к
твоему тестю на двор - ты выскочи из повозки и прямо в
нужник, и сери себе смело; а я тем временем лошадей
выпряжен.

Сидит Лавр на повозке, дуется да крепится. Приехали в
деревню и пустились к тестиному двору. У самых ворот
встречает своего будущего зятя теща.

- Здравствуй, сынок, голубчик! Уж мы тебя давно ждали!

Я жених, не говоря ни слова, выскочил из повозки и
прямо в нужник. Теща думала, что зять стыдится, схватила
его за руку и говорит:

- Что, сынок, стыдишься? Господь с тобой, не стыдись, у
нас чужих людей никаких нету, прошу покорно в избу.

Бтачила его в избу и посадила за стол в переднем углу.

Пришло Лавру невмоготу, начал под себя валить и насрал полные штаны, сидит на лавке, боится с места пошевелиться. Теща-то суетится: наставила перед гостями закусок, взяла штоф с вином в руки, налила и подносит первый стакан жениху. Только поднялся жених со стаканом и встал на ноги - как поплыло говно вниз по ляжкам да в голеница, пошла вонь на всю избу. Что за причина! Боняет! Теща бросается по всем углам, глядит: не ребятишки ли где напакостили? Нет, нигде не видать, подходит к гостям.

- Ах, любезные мои! У нас на дворе-то не совсем чисто; может, кто из вас ногой в говно попал, встаньте-ко, я посмотрю: не замаран ли у кого сапог? - Осмотрела старуха Грицька - ничего нету, подошла к Лавру: - Ну-ка, зятек, ты как приехал на двор - так и побежал к нужнику; не втяпался ли в говно?

Стала его щупать, и только дотронулась промеж колен - всю руку выпачкала.

Заругалась она на жениха:

- Что ты, с ума сошел, что ли? Кой черт тебе сделалось! Ты, верно, не в гости приехал, а насмехаться над нами; подлая твоя душа! Еще не пил, не ел, а за столом обосрался! Ступай же к черту, будь ему зятем, а не нам!

Тотчас призвала старуха свою дочь и говорит:

- Ну, дитя мое любезное! Не благословляю тебя выходить за этого дрянного засерю, выходи за его брата: вот тебе жених!

Тут Лавра в сторону, а в передний угол посадили Грицька, начали пить, есть и прохладиться до самого вечера. Пристигла ночь, пора и спать ложиться. Старуха говорит гостям:

- Ну, ступайте с Богом спать в новой избе, а ты, дочка,неси туда перину да постели жениху; а этому засере ничего не стели, пущай на голой лавке валяется!

Бот легли они спать, Грицько на перине, а Лавр скорчился на лавке; не спится ему, все думает, как бы отомстить брату его насмешку. Слышит, что Грицько заснул крепко, он встал с лавки, взял стол и тихонько перетащил его к самым дверям; а сам опять улегся на лавке. В самую полночь проснулся Грицько, встал с перины и идет до ветру прямо к дверям, подошел да как ударится о стол.

- Что такое? Где же двери? - думает он. Воротился назад, давай искать - куда ни сунется, все стены.

- Куда же двери-то девались?

Я срать так приспичило ему, хоть умирай! Что делать? Сел у стола и насрал такую кучу, что на лопате не унесешь. Насрал и раздумался:

- Дело-то неладно, надо говно до утра убрать!

Поглядел кругом и увидел в стене большую щель, как ляпнет - в щель-то не попадет, а прямо в стену, говно отвалилось назад да прямо ему в рыло. Утерся Грицько руками, забрал еще пригоршню, бросил в другой раз - опять то же самое. И стены вымазал, и себя самого выпачкал. Надо

умыться: стал искать воды; искал-искал и нашупал в печи чугун с красною¹ краской, что яйца к празднику красят.

Вытащил и стал умывать руки и голову.

- Ну теперь ладно будет!

Лег Грицько спать и только заснул, брат его взял потихоньку стол и перенес на старое место. Стало совсем рассветать, пришла невеста жениха будить.

- Еставай, душенька! - говорит она ему. - Уж завтрак готов.

Да как глянула на него и видит, что жених рожею на черта смахивает, испугалась и побежала вон. Прибежала к матери, а сама-то разливается.

- Что ты плачешь? - спрашивает мать.

- Как же мне не плакать? Бить я совсем пропала: поди-ка сама посмотри, что у нас в новой-то избе деется!

- Я что деется? Там жених твой с братом.

- Какой жених? Это черт, а не жених!

Пошли все трое: отец, мать и невеста, в избу, где жених спал. Только вошли - жених увидел их и усмехается с радости: одни зубы белеют, а лицо все синее - настоящий бес! Они бежать вон. Старик запер избу накрепко и пошел к попу.

- Поди, батюшка, освяти у нас новую избу да выгони оттуда нечистую силу: завелась-таки проклятая!

- Как, свет, у тебя черти завелись? Да я, свет, чертей-то сам боюсь!

- Не бойся, батюшка! У меня есть ковыла: коли что

случится -садись на нее верхом и уезжай. Так не то черт - птица не поймает!

- Ну, свет, так и быть, пойду выгонять нечистую силу, только чтоб кобыла была моя!

- Баша, батюшка, баша! - говорит мужик, а сам ему кланяется.

Поп пошел к избе, захватил с собой дьячка и пономаря, нарядился в ризу, взял в руки кадильницу с огнем, посыпал ладаном; ходят они кругом избы и поют:

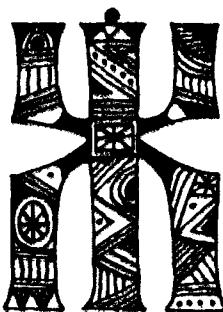
- Святый Боже!

- Ишь, - думает Грицько, - поп ходит со крестом, стану у дверей, неровно, взойдет в избу - так попрошу у него благословения.-Стал у двери и дожидается.

Поп обошел кругом избы три раза, подступил к дверям и только отворил да сделал шаг за порог - Грицько и протянул к нему свою синюю руку. Поп как бросится назад, да на кобылу верхом и давай стегать ее по бокам кадильницей вместо кнута. Кобыла помчалась во весь опор, а поп знай ее по бокам поджаривает да как-то махнул и попал ей невзначай под хвост горячим, кобыла еще пуще понесла, бьет задом и передом, споткнулась и грянулась наземь, поп через нее кубарем, сломил себе голову и околел, а женихи-дурни воротились себе домой ни с чем.

¹ Так у А. Н. Яфнасьева. Далее в тексте краска синяя.

невеста без головы

a)

ил мужик с бабою. Повел он на ярмарку корову и продал мужику из другой деревни, выпили магарыч и стали сватами.

- Ну, сват, будь завсегда знаком!

- Как же, сват, как же!

С тех пор где они ни съедутся, величают друг друга сватами и угождают водкой. Случилось один раз съехаться им в Харчевне.

- Я здравствуй, сват!

- Здорово, сват! Какова твоя коровушка?

- Слава Богу!

- Ну, слава Богу лучше всего. Я вот, сват, как вы нам с твоей породниться?

- Ну что ж? У тебя сына время женить, а у меня дочь -

ХОТЬ СЕЙЧАС ВЫДАВАЙ ЗАМУЖ!

- Так, значит, по рукам?

- По рукам!

Потолковали и разъехались. Воротился домой мужик, что корову-то продал, и говорит сыну:

- Ну, сынок, кланяйся: я тебе невесту нашел, хочу тебя женить.

- Где же так нашел, батюшка?

- Я помнишь того свата, которому янодысь я корову-то продал?

- Знаю, батюшка!

- Ну вот, у этого свата дочка - красавица!

- Нешто ты видел?

- Сам-то я не видел, а от свата слыхал.

- Я не видал, так и хвалить неча. Сам ведаешь: заглазного купца кнутом дерут! Ты пусти меня, я схожу в ихнюю деревню, повысмотрю хорошенъко и разузнаю: какова еще девка?

- Ну, ступай с Богом!

Парень надел на себя самую худую одежду, перекинул узду через плечо, взял кнут в руки и отправился к свату. Пришел уже вечером и стучится под окошком у сватовой избы.

- Здорово, хозяин!

- Будь здоров, добрый человек, - отвечает мужик, - чего тебе надо?

- Пусти к себе от темной ночи укрыться.

- Я ты откуда?

- Издалеча, верст за сто, ишу, дядюшка, хозяйских лошадей. Был я на ночлеге с лошадьми, у меня двух лошадей и увели. Вот третий день ишу, а толку нету...

- Пожалуй, переночуй у нас!

Вошел парень в избу, снял узду с плеча и повесил на гвоздь, сел на лавку и поглядывает на невесту. Старик спрашивает у своего ночлежника:

- Я что в вашей стороне хорошего слыхать?

- Хорошего, дяденька, ничего, а худого много.

- Что же то такое?

- Да вот что: каждую ночь волки людей едят: уж недели с две редкая ночь пройдет, чтобы волки не отгрызли пять или десять человек!

Потолковали и легли спать. Старик со старухою в клети, дочь в сенях на койке и ночлежник в сенях, только на сене, что наверху было на досках накладено. Парень лежит да все прислушивается, не придет ли к девке какой любовник? Прошел час и два, вдруг постучался кто-то в двери и говорит:

- Миленькая, отопри!

Девка встала потихоньку, отперла дверь и впустила своего полюбовника, он разделся и лег с нею спать. Поговорили промеж себя и до того договорились, что гость взобрался на девку и ну валить ее во все лопатки. Отзудил раз, отзудил и другой.

- Послушай, душа, я слыхала от баб, что если привязать

ноги веревкою и притянуть покруче к самой шее, то пизда вся внаруже будет и что эдак-то хорошо есться: не надо и подмахивать. Попробуем-ка, дружок!

Гость долго не думал, взял свой кушак, обвязал около ее ног, притянул их покруче к шее и давай качать. Тут ночлежник как бросится сверху да закричит во все горло:

- Караул! Рятуй, хозяин! Твоя дочь пропала, волки голову отъели.

Любовник соскочил да и к дверям, а ночлежник схватил его за шиворот.

- Нет, брат, стой, погоди маленько!

Старик со старухою услышали крик, что волки у ихней дочери голову отъели, выбежали из клети и к дочерниной постели. Щупает ее старик руками и нащупал впотьмах пизду и жопу, оробел. Бить это, думает, одно туловище - головы-то нету. И закричал на старуху:

- Давай скорее огня! Теперь нашей дочки нет живой на свете! - Я сам крепко ухватился и держит за пизду и жопу и плачет по дочери.

Принесла баба огня. Глядь, а дочка-то связана!

- Господи Боже мой, что это такое?

- Я вот он, дядюшка, волк-то! - говорит ночлежник, держа любовника за ворот.

- Эка ты, сукин сын! - закричала старуха. - Разя не мог поесть ее попросту?

Давай толкать любовника в шею, так и вытолкали. Я дочь

развязали.

- Сделай милость, дружок, - просит старик ночлежника,
- не скаживай никому нашего горя, вот тебе за то двадцать
пять рублей.

- Нет, дядюшка, не скажу! Бог с вами! Какое мне дело!

Поутру угостил старик ночлежника и проводил за
деревню. Пошел парень домой, идет, а навстречу ему целая
ватага нищих с котомками.

- Послушайте, нищенкие, - стал он говорить им, -
ступайте вот в эту деревню, там на самом краю живет
мужик богатой, нынче он делает поминки по своей дочери, у
которой волки голову отъели. Я мужик-то добродушный, он вас
примет, накормит и напоит, еще и в котомки накладет.

Нищие прямо туда и потащились, пришли на двор,
выстроились в ряд и дожидаются обеда. Хозяин увидел:

- Ишь сколько их нашло!

Взял большой каравай хлеба, разрезал и обдарил всех по
куску, а нищие все стоят, не идут со двора вон.

- Чего ж вы дожидаетесь? - спрашивает мужик. - Бить
вам дали милостинку?

- Да не будет ли, дядюшка, твоей милости, не дашь ли
нам пробедать да помянуть твою дочку.

- Какую дочку?

- Да которую волки съели.

- Какой черт вам сказал, у меня дома все благополучно!

- Да нас послал к тебе эдакой-то парень.

- Ну, ну, проваливайте! - закричал мужик.

Нишие ушли со двора, а хозяин говорит:

- Ну, старуха, пропали мои деньги! Только понапрасну дал этому сукину сыну: обещался никому не сказывать, а как вышел за ворота, полон двор ниших нагнал! Поди-кась он теперича по всем деревням славу пустил! Да еще коли сват про то узнает, так дело наше дрянь выйдет!

Меж тем парень шел-шел и пришел домой.

- Ну что, сынок, видел свою невесту? - спрашивают его отец с матерью.

- Ях, батюшка, не досаждайте мне, лучше бы совсем не видать.

- Что так?

- Да вить у моей нареченной невесты, царство ей небесное, волки голову отъели. Одно туловище оставили, завтра хоронить будут!

- Эка беда-то стряслась над ними! Надуть, старуха, поехать да проститься, пока не похоронили. Люди они для нас были хорошие. Запряги-ка нам, сынок, лошадок, мы со старухою к свату поедем...

Сын запряг лошадей, они сели и поехали. Подъезжают к двору, а сват увидел и выбежал навстречу.

- Здравствуй, сват! Как Господь милует? Милости просим в избу, гости дорогие!

Я гости унылым голосом отвечают:

- Спасибо, сватушка, мы к тебе не гостить приехали, а

проститься с твою дочкою. Верно, не судьба нам быть в родстве с тобою.

- Отчего же, сват?

- Да вить у тебя несчастье в доме: волки голову у дочки отгрызли!

- Когда? Кто это вам сказывал?

- Да сынок, вить он у тебя прошлую ночь ночевал. Все сам и видел.

- Вот-те раз! Дак это твой сын был? Нечего делать, хоть дочка моя и жива, да дело-то неладно!

Потолковали и решились с Богом, с тех пор и перестали они называться сватами.

)

. Отпросился солдат в отпуск, шел-шел путем-дорогою и пришлось ему ночевать у одного попа. У этого попа была дочь, и солдат уж дорогою слышал про нее, что к поповне ходит полюбовник. Сели ужинать, поп и спрашивает:

- Служивой! Где ты служишь-то?

- В Питере, батька!

- Я что, часто царя видишь?

- Да везперечь.

- Не слыхать ли у вас чего нового?

- Слыхать-то слыхать, да говорить нельзя!

- Скажи, свет.

- Тады узнаешь, как указ будет.

- Пожалуйста, свет, скажи!

Пристал поп к солдату, как ванный лист к жопе.

- Ну, батька! Будет новая форма бабам насчет ебли, ноги в хомут и голову в хомут - так и ебисы! Эдакая теперича пошла строгость во всем: даже есть нельзя без формы!

- Что делать, ихняя воля! - сказал поп.

Я дочь сидит себе на печи да слушает. Вот легли спать, дочь на печи, а солдат на полатях.

- Дай, батюшка, мне полено, - говорит солдат попу.

- Я на что тебе, кавалер?

- Да у вас, пожалуй, ночью волки ходят!

Поп рассмеялся, подал ему полено и говорит поповне:

- Виши, рассказывают, в Питере дураков нет, а вот - солдат, да и тот с дурью; коли так в избу ходят волки?

Вот в самую полночь пришел полюбовник к поповне на печь и хочет на нее лезть, а она ему не дает.

- Найди, - говорит, - хомут. Теперь на то новая форма царем установлена, нынче солдат батьке сказывал.

- Да где я тебе хомут-то возьму?

- В сенях на гвозде висит.

Бскочил он, принес хомут, надел поповне на ноги, а там задрал ей ноги кверху как можно покруче и просунул в хомут поповнику голову. Только стал выло ее запиндрячивать, а солдат скочил с полатей да как урежет его поленом по жопе, а сам кричит благим матом:

- Батюшка, волки!

Полюбовник удрали, не кончив дело, а поп с попадьей

бросились на печь посмотреть, не съели ли волки поповну?
Поп схватил ее за пизду, попадья за жопу, и голосят себе.

- Ах, бедная дочка! Отъели у тебя волки голову.

Я солдат вздул огонь - и на печь, тут поп с попадьей
увидали, что дочка-то жива - в хомуте сидит. Солдат
посмотрел и закричал:

- Да как вы смели без указа государева эдак делать?

- Не сказывай, служивой, - просит поп, - вот тебе сто
рублев.

Солдат взял деньги и говорит:

- Ну, батька, так и быть - ей по глупости прощаю, а коли
в ты сам да с попадьей стал эдак есться - тысячи рублей бы не
взял!

БАБЫ УВЕРТКИ

Т

тетушка! Я хочу у тебя попросить...

- Ну говори, что тебе нужно?

- Я думаю, ты и сама можешь догадаться, что нужно.

Тетка тотчас догадалась:

- Я бы, пожалуй, Иванушка, сделала для тебя удовольствие, да вить ты не знаешь наших бабьих уверток.

- Явось, тетушка, как-нибудь и увернуся!

- Ну, хорошо, приходи сегодня ночью к нам под окошко.

Парень обрадовался, дождался ночи и пошел к дядину двору, а кругом двора-то была набросана кострика. Ходит он мимо окна, а кострика под ногами трещит!

- Посмотри-ка, старик! - говорит тетка. - Кто-то ходит около избы, не вор ли какой?

Дядя открыл окошко и спрашивает:

- Кто там по ночам шляется?

- Это я, дядя, - отвечает племянник.

- Какой черт тебя сюда занес?

- Да что, дядя! За спором дело стало: отец говорит, что у тебя изба срублена в девять венцов, а я говорю - в десять. Вот я и пришел пересчитать.

- Разве он, старый черт, разум-то прожил! - говорит дядя. Сам же рубил со мной избу в десять венцов!

- Так, дядя, так; вот я пойду, отцу-то в глаза наплюю!

На другой день парень сказал тетке:

- Ну, тетушка! Эдак, пожалуй, с тобой дела не сделаешь, а попадешься!

- Экой ты чудной! Дядя с тобой говорит, а я как к тебе выйду? Я ты знаешь, где наша закута, куда овец загоняют, туда и приходи в нынешнюю ночь. Уж я к тебе непременно выйду!

Парень послушался, пришел ночью в дядину закуту, присжался в угол и поджидал тетку. Я тетка говорит своему мужу:

- Поди-ка, хозяин! Что-то у нас на дворе не здорово: нет ли зверя. Овцы наши что-то всполошились. Уж не волк ли к нам Закрался!

Старик вышел на двор и спрашивает:

- Кто тут в закуте?

Племянник выскоцил:

- Это я, дядюшка.

- Зачем тебя черт занес в эдакую пору?

- Чего, дядюшка? Отец не дает мне спокою, чутъ не дошло
у нас до драки.

- За что ж так?

- Я вот за что: он говорит, что у тебя девять овец, а
десятый баран. Я я спорю, что у тебя только девять овец, а
барана вить ты зарезал.

- Да, твоя правда: барана я на крестины зарезал. Да вить
он, старой дьявол, сам был у меня на крестинах и ел
баранину. Даром что он мне брат родной, а я завтра как
увижу его - сейчас в глаза наплюю.

- Я мне что? Даром что он мне отец родной - пойду ему
да бороду выдеру, а то вить сам не спит и людям не дает!
Прощай, дядя!

- Прощай с Богом!

Я тетка так со смеху и катается. На третий день
племянник увидел тетку и говорит:

- Ах, тетка, тетка! Как тебе не стыдно? С тобою, право
пропадешь!

- Эх ты, Вания, Вания, какой глупой! Дядя-то с тобой
разговаривает, а мне как к тебе выйтить? Вот теперь два раза
увернулся. Смотри в третий раз не дай маху. Ночью приходи
к нам в избу, вить ты знаешь, где мы спим, да как
нацулаешь - так и валяй. У меня жопа-то будет заворочена.

Только легла тетка спать с мужем да и говорит ему:

- Послушай-ка, что я тебе скажу: чтой-то мне мочи нету,
спала я шесть годов с краю, а теперь ложись ты сюда, а я к

СТЕНКЕ.

- Мне все равно, - сказал старик и полез на край.

Полежала, полежала тетка да и вздумала:

- Эх, хозяин, какая в избе-то жара! Посмотри-ка, должно быть, печка закрыта.

Я сама хвать его рукой за жопу:

- Я ты все в портках! Ях ты, прелое муде! Ты бы спросил хоть у Лукьяна или у Карпа: спят ли они когда в портках со своими женами?

Он послушал ее ума-разума, скинул портки и заснул: жопа заворочена! Только пропели первые петухи, племянник пролез в подворотню да сейчас в сени, приложил ухо к дверям: в избе тихо. Отворил дверь потихоньку, вошел в избу и ну щупать около постели. Нащупал дядину жопу и обрадовался голой сраке, вынул свой кляп и наставил дядя в жопу. Как попер, дядя закричал благим матом и ухватил его за хуй. И тетка спрашивает:

- Что ты, что ты, старик?

- Вставай скорей! - закричал дядя на жену, - Зажигай лучину: я вора поймал.

Тетка вскочила, побежала будто огонь дуть, да взяла воды и осталной огонь залила.

- Что ж ты копаешься?

- Да огня нету!

- Беги к соседу!

- Как я пойду! Теперь дело ночное, волки таскаются.

- Ах, мать твою растак! На вот, держи вора, а я сам побегу за огнем-то. Да смотри не упусти!

Покедова дядя отыскал фонарь, отпер ворота, пришел к соседу, разведил его и рассказал, что случилось, да добыл огня, Тетка в это время оставалась с племянничком в избе.

- Ну, - говорит, - теперича делай со мной что хочешь.

Бот он положил ее на постелю и отработал ее два раза. Тетка проводила парня и думает:

- Что сказать мужу? Как-де вора упустила?

Спасибо, на ее счастье не так давно отелилась корова, а теленок был привязан к ихней кровати. Баба хитра, ухватила этого теленка за язык и держит. Воротился муж с огнем и спрашивает:

- Жена, что ты держишь?

- Как дал ты, так и держу!

Мужик так рассердился, схватил ножик и отрезал теленку голову.

- Что ты, с ума сошел или взбесился? - закричала на него жена.

Он скинул свои портки и показывает ей жопу.

- На-ка, посмотри, как он меня лизнул! Коли бы еще раз лизнул, кажись, и жив не был бы!

Повстречалась Тетка с племянником и говорит:

- Я что, Баня, купишь мне красные башмаки (сапоги)?

- Отчего не купить! Бот завтра в город поеду и куплю.

- Купи, Баня, я те заслужу.

Я Банька-то был не промах, пошел на огород, выбрал кочан капусты, вырезал вилок, да в платок завернул и несет тетке.

- Что, Иванушка, купил?

- Купил.

- Дай-ка я попробую.

- Сначала заработай!

Привел ее в сарай, платок с вилком положил ей под голову и давай попирать тетку: попирает, а капуста в головах скрипит да скрипит. Тетка и говорит:

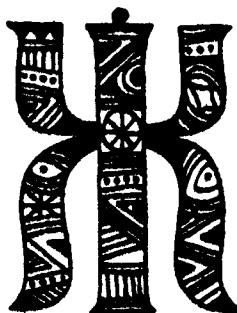
- Скрипи, не скрипи, а быть на ногах!

Я парень:

- Съесть и в пирогах!

СТРАННЫЕ ИМЕНИ

Ил-был старик с женой. Поехал в поле пахать, только прошел одну борозду - и выпадал котелок с деньгами. Обрадовался мужик, схватил котелок и только хотел припрятать - подходит солдат, увидел деньги и говорит:

- Послушай, мужик, Это мои деньги, коли отдашь их мне, то сколько борозд пропашешь иныче, столько и котелков с деньгами найдешь!

Мужик подумал-подумал и отдал солдату свою находку. Начал опять пахать, прошел одну борозду - нет денег, прошел другую - тоже нет!

- Видно, соху пущаю мелко! - думает мужик и пустил соху поглубже, едва лошадь тянуть сможет. Я денег все нету. Приходит к нему хозяйка с обедом и давай его ругать:

- Какой ты хозяин! Бога ты не боишься, поди-кась как

лошадь упарил! Зачем так глубоко пашешь?

- Послушай, жена! - говорит мужик. - Только приехал я на поле да прошел первую борозду - сейчас и вырыл котелок, полный денег; да принеси на ту пору нечистая сила солдата. Коли ты, говорит, отдашь мне эти деньги, то сколько ни пройдешь за день борозд, столько и котелков с деньгами найдешь. Я ему и отдал свою находку; стал пахать да вижу, что нет ничего, и подумал себе: видно, соха берет мелко, ну, взял и пустил ее поглубже; пахал, пахал, целый день пахал, а толку нету!

- Экой ты дурак! Попало счастье, не мог сверечь. Я в какую сторону пошел солдат?

- Да прямо вот по этой дороге.

- Пойду-ка его догоню!

И пошла хозяйка со своим сынишком догонять солдата. Шли-шли, и видит: идет впереди какой-то солдат и несет в руках котелок. Нагнала.

- Здорово, служивой! Куда Бог несет?

- Иду в отпуск, голубушка!

- Я в какую деревню?

- Да в такую-то.

- Ну и мне туда ж надо; пойдем вместе.

- Пойдем!

Идут вместе и разговаривают:

- Как тебя, голубушка, зовут?

- Ях, служивой, нас с сыном так зовут, что и сказать

стыдно.

- Что за стыдно? Украсть - стыдно, а сказать - ничего, все можно.

- Да вишь, меня-то зовут: Насеру, а сына - Насрал.

- Ну что ж - Это ничего!

Пришли они на постоянный двор и легли ночевать. Только солдат заснул, баба вытащила у него котелок, разбудила сына и ушла с ним домой. Солдат проснулся, хватился - а денег нету и стал звать:

- Насеру, Насеру!

Я хозяин услыхал и говорит:

- Служивой, ступай в иужник срать.

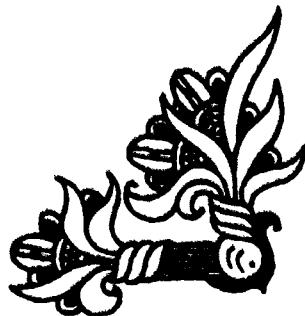
Солдат видит, что баба не откликается, давай звать мальчика:

- Насрал, Насрал!

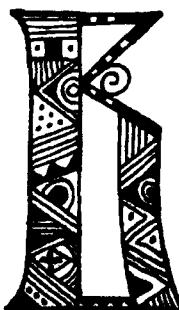
Я хозяин заругался:

- Экой-ты, служка! Таки насрал в хате!

Взял солдата и выгнал вон.

ПОП И ЦЫГАН

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ ЖИЛ-БЫЛ ЦЫГАН, У НЕГО БЫЛ ОТЕЦ - СТАРИК. КРЕПКО СТАРИК ЗАБОЛЕЛ, ЛЕЖИТ В ПОСТЕЛИ. И СЫН ХОДИЛ-ХОДИЛ ЗА НИМ ДА ПОТОМ И БРОСИЛ. ЧТО ОТЕЦ ИИ ПОПРОСИТ У НЕГО - ПИТЬ АБО ЧТО, - ЦЫГАН БУДТО НЕ СЛЫШИТ, ТОЛЬКО ДУМАЕТ, КАБЫ ПОСКОРЕЕ ПОМЕР!

- Э, СЫНКУ, СЫНКУ! - ГОВОРИТ ОТЕЦ, - ТЫ ВЖЕ НЕ СТАВ МЕНЕ И ЗА БАТЬКА ПОЧИТАТИ, А Я Ж ТЕБЕ НА СВИТ РОДЫВ!

Я СЫН ЕМУ ОТВЕЧАЕТ:

- СЕРУ ТВОЕГО БАТЬКА! ТЫ НЕ МЕНЕ РОДЫВ, А СВОЮ ДУШУ СОЛОДЫВ (УСЛАЖДАЛ). ПОЛЕЗДАЙ ТЫ К МАТЕРИ В СРАКУ, ТО Я БАТЬКО, И ТЕБЕ ПЕРЕРОБЛЮ.

ОТЕЦ ВЗДОХНЕТ И ПРОМОЛЧИТ. ПРИШЛО ВРЕМЯ, ПОМЕР СТАРИК. ОДЕЛИ ЕГО И ПОЛОЖИЛИ НА ЛАВКЕ. ЛЕЖИТ ПОКОЙНИК, БОРОДА У НЕГО ДЛИННАЯ; НАКУРИЛИ В ИЗБЕ ЛАДДИОМ, ВСЕ ГОТОВО.

Пошел цыган за попом.

- Здравствуй, батиньку!

- Здорово, цыган! Что скажешь?

- Мой батько помер, пиды - похорони.

- Невжели помер?

- Помер, легкой ему опочивок! Лежит на лавке, как Спас, и вородку свою распас, мосьмило по хатоньке походите и на его билое тило посмотрите. Да, кажись, батиньку, он и просвятится, бо так и пахнет от него ладаном!

- Что же, цыган, есть у тебя деньги за похороны заплатить?

- За шо тоби деньги платить? За тое стерво, шо лежит на лавке, черной, як головешка, а вытаращив зубы, як бешена собака. Дай ще тоби за него деньги платити! Пожалуй, не приходь хоронить, я тоби приволоку его за ноги: шо хошь, то и рови з ним, хоть соби на вечину копти да жры!

- Ну ладно, ладно, - говорит поп, - сейчас приду да похороню.

Воротился домой цыган, вслед за ним и поп: отпели цыгана отца, положили во гроб, снесли на кладбище и похоронили.

- Невжли ты, - говорит поп цыгану, - нисколько не заплатишь мне за своего отца? Тебе грешно будет!

- Ах, батиньку! - сказал цыган. - Сам знаешь, яки у цыгана деньги: було трошки, усе потратив на поминки, а ты, батиньку, повремены до ярманки, добуду денег - отдам тебе!

- Ну, хорошо, свет! Подождать можно.

Началась ярмарка, поехал цыган в город - лошадьми менять; поехал и поп по своим делам. Вот и попадается цыган попу навстречу.

- Послушай, цыган, - напоминает поп, - время тебе деньги отдать!

- Якие деньги? За что тоби отдавать?

- Как за что? Я твоего батька схоронил.

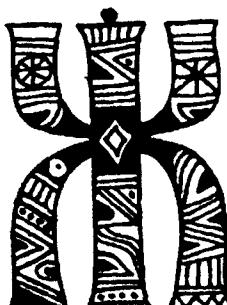
- Я тож мини и треба! Я сколько не ищу своего батька, никак не могу найти; чужие батьки лошадьми меняют, а моего нема. Я се ты, псяча-козляча твоя борода! Похоронив моего батьку! - Ухватил попа за бороду, повалил на землю, вытащил из-за пояса кнут и начал его отжаривать:

- От тоби, псяча-козляча борода! Хоть сдохны - да роды моего батька! Я то задеру кнутом!

Насилу поп вырвался из цыганских рук да давай Бог тягу! С тех пор полно спрашивать с цыгана денег.

ДОБРЫЙ ПОП

Ил-был поп; нанял себе работника, привел его домой:

- Ну, работник! Служи хорошенъко, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

- Ну, свет, - говорит поп, - Бог даст, переноочуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

- Хорошо, батюшка!

Дождались они утра, встали рано. Поп и говорит попадье:

- Давай-ка нам, матка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику:

- Давай, свет, мы и пообедаем за один раз и будем косить до самого полдника без роздыху.

- Как вам угодно, батюшка, пожалуй, и пообедаем.

- Подавай, матка, на стол обедать, - приказал поп жене.

Она подала им и обедать. Они по ложке, по другой хлебнули и - сыты. Поп говорит работнику:

- Давай, свет, за одним столом и пополуднем и будем косить до самого ужина.

- Как вам угодно, батюшка, полудновать - так полудновать.

Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой - и сыты.

- Все равно, свет, - говорит поп работнику, - давай заодно и поужинаем, и заночуем на поле - завтра раньше на работу поспеем.

- Давай, батюшка.

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон.

- Куда ты, свет? - спрашивает поп.

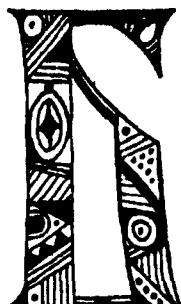
- Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угождать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД

• 23 •

ыл поп, содержал на большой дороге постоянный двор. Идучи с заработка, заходили к нему ночевать и обедать всякие мужики. Вот разговорился раз поп с одним парнем.

- Что, свет, хороша ль работа выла, много ль денег заработал?

- Сот пяток несү домой.

- Это добре дело, свет! Давай-ка с тобой поспорим да об заклад побьемся на эти пять сотен; коли выиграешь, будет у тебя целая тысяча.

- О чём нам с тобой спорить-то?

- Я вот что: живи у меня сутки, пей, ешь, что твоей душе угодно, только до ветру не ходи: вытерпишь - твое счастье, а не вытерпишь - мое!

- Изволь, батька!

И ударились об заклад. Поп сейчас поставил на стол всякого кушанья и вина, парень давай уписывать. Нажрался и напился до того, что вздохнуть невмоготу. Запер его поп в особую горницу. Только дня еще не прошло, а мужику захотелось срать: нестерпеж пришло; что делать, говорит он попу:

- Отопри, батька! Проспорил!

Поп обобрал с него деньги и отпустил домой начистоту. Понравилось попу ограбить денежки, надул еще двух трех мужиков таким же манером. Прошел о нем слух по деревням и селам, и выискался один хватюга. Шел он домой с работы, а денег у него в мешке-то меньше гроша; пришел к попу ночевать.

- Откуда идешь? - спрашивает поп.

- В работниках жил, теперь иду домой.

- Я много ль денег домой несешь?

- Тысячи полторы будет!

Поп как услышал - чуть не подскочил от радости.

- Давай, - говорит, - об заклад виться. Ешь и пей ты у меня, что душе угодно, только до ветру не ходи целые сутки. Вытерпишь, я плачу тебе полторы тысячи, а не вытерпишь - ты мне заплатишь. Хошь?

- Давай, батька!

Уселся мужик и давай угощаться. Поп не успевает

носить кушанье да вина подливать - так все и прибирает. Нажрался, напился и спать повалился. Поп его запер на крепко. Ночью проснулся мужик и так захотелось ему до ветру, что, кажется, последнюю калитку ломает - туто приходит! Мужик увидел: на гвозде висит большая попова шапка, снял ее, навалил ее больше половины и опять повесил на стену, а сам улегся спать. Прошли сутки, мужик давай стучать.

- Отопри, батька!

Поп отпер, осмотрел везде, нигде не видать насранного.

Тут мужик и прижал попа:

- Подавай денежки!

Поп морчится, а делать нечего, заплатил ему деньги и спрашивает:

- Как тебя, проклятой, зовут-то? Николи тебя пущать не буду.

- Меня зовут Какофием, батько! - отвечал мужик. Взял денежки и ушел.

Остался поп один и раздумвал: жалко стало ему денег.

- Пойду с горя лошадей посмотрю!

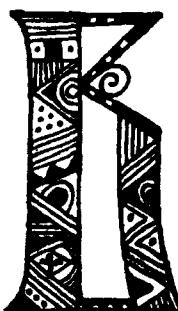
Схватил со стены шапку и напялил на голову: говно и потекло оттуда по голове на шею ему и на плечи. Поп еще пуще взбесился; выскочил на двор, сел верхом на лошадь и погнал ее по большой дороге, а навстречу ему извозчики едут. Поп и спрашивает:

- Не видали ли, ребята, Какофья?

- Батька, каков ты? Нече сказать, хорош! Кто тебя так славно изукрасил-то?

С тем поп и воротился.

КАКОВ Я!*

НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ жил-был мужик, такой плутоватой, что Боже упаси! Стибрел где-то сотню рублей и убежал из своей деревни; шел-шел и выпросился переночевать у попа.

- Ступай, - говорит поп, - ты у нас места не пролежишь!

Пришел мужик, разделясь, лег на лавку. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидел, что мужик считает деньги - а на это они чутки, и думает:

- Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть! Дай-ка напою его пьяным да и оберу!

Был поп, немножко погодя, подошел к мужику и говорит:

- Пойдем, свет, с нами ужинать!

Мужик обрадовался.

- Спасибо, батюшка!

Сели ужинать, поп поставил вино и давай его наливать, так потчует, просто отдыха не дает. Мужик напился пьян и свалился на пол. Поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил на лавку. Наутро проснулся мужик, глядь - а в кармане пусто. Смекнул, в чем дело, да что возьмешь. Коли просить на попа, так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам отколь пришел. Еще беды наживешь!

Так мужик и ушел. Таскался кое-где месяц, и другой, и третий - а там и думает себе:

- Чай, поп теперь меня позабыл. Оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить.

Пришел к попу в избу, а попа на ту пору дома не случилось, одна попадья сидела.

- Пусти, матушка, переночевать к себе!
- Пожалуй, иди!

Он вошел в избу и уселся на лавке.

- Как тебя зовут, свет? Откуда идешь?
- Какофием, матушка, иду издалеча на Богомолье.

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет - будто читает. И потом как заплачет. Попадья и спрашивает:

- О чём, свет, плачешь?
- Как мне не плакать! В Святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы, грешные, столько творим нечестивого, что не ведаю, матушка, как еще Бог грехам-то

терпит?

- Я ты, свет, научен грамоте?
- Как же, матушка, насчет этого дела я не обижен от Бога!
- Я петь по-дьячковски умеешь?
- Умею, матушка, умею; с малых лет учился, весь церковный устав знаю.

- Я у нас, свет, дьячка нету, уехал отца хоронить: не поможешь ли батьке завтра обедню отслужить?

- Хорошо, матушка! Отчего не помочь?

Приехал поп, попадья ему все рассказала. Поп тому рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь и начал служить обедню. Только мужик стоит на клиросе и молчит себе. Поп закричал на него:

- Что же ты стоишь молча, не поешь?

И мужик ему:

- Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велиши!

И сел на жопу. Поп опять кричит:

- Что же ты сидишь, а не поешь?

- Пожалуй, я и лягу.

И развалился на полу. Поп подошел и вытүрил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик пришел к попу на двор.

Попадья спрашивает:

- Что, отслужили обедню?
- Отслужили, матушка!
- Я где ж батька?
- Он в церкви остался - надо хоронить покойника, а меня

ПОСЛАЛ К ТЕБЕ ВЗЯТЬ НОВОЙ ТУЛУП, СУКНОМ КРЫТОЙ, ДА БОБРОВУЮ ШАПКУ: ИДТИ ДАЛЕКО, ДАК ОН ХОЧЕТ ПОТЕПЛЕЕ ОДЕТЬСЯ!

Попадья пошла за тулупом и шапкою, а мужик зашел за избу, снял свою шапку, насыпал полную и положил ее на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкой и драла.

Поп отслужил обедню и приходит домой; попадья увидала, что он в старом тулупе, и спрашивает:

- ГДЕ Ж НОВОЙ ТУЛУП-ТО?

- Какой?

Ну, тут рассказали друг другу про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, что с говном лежала, надел на голову и побежал по деревне искать мужика, а говно из шапки так и плывет по роже: весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина:

- Не видал ли Какофья?

- Вижу, батюшка, каков ты! Хорош!

Кого ни спросит, все ему одно отвечают.

- Какие дураки! - говорит поп. - Им одно толкуешь, а они тебе другое!

Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добрался.

- Ну, - думает, - что с воза упало - то пропало!

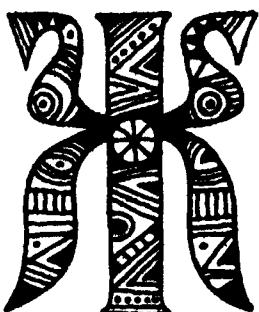
Боротился домой, снял шапку, а попадья как посмотрела на него, сейчас завопила:

- Их, батька, вить у тебя оспа на голове выходит!

- Что ты врешь! - сказал поп; пощупал свою голову и всю руку в говне вымазал. Тем сказка и кончилась.

* Сличи со сказкой «Битье ов заклад»

КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНИЯ И ПРИКАЗЧИК

(Подобная есть у Боккаччо)

Ил-был купец, старый хрыч, женился на молоденькой бабенке, а у него много было приказчиков. Старшего из приказчиков звали Потапом; детина он был видный, зачал к хозяйке подбираться, шутить с нею всякие шуточки, так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене:

- Послушай, душенька! Что люди-то говорят, будто ты с приказчиком Потапом живешь.

- Что ты, Бог с тобой, соглашусь ли я! Не верь людям; верь своим глазам.

- Говорят, что он к тебе давно подбирался! Нельзя ли как-нибудь испытать его?

- Ну что ж, - говорит жена, - послушай меня, нарядись в мое платье и поди к нему в сад - знаешь, где он спит, да потихоньку шепотом скажи: Я-де к тебе от мужа пришла! Вот и посмотришь тогда, каков он есть.

- Ладно! - сказал купец.

Я купчиха улучила время и научила приказчика: как придет муж, хорошенько его поколотить. Чтобы он, подлец, долго помнил!

Дождался купец ночи, нарядился в женине платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику.

- Кто это? - спрашивает приказчик.

Купец отвечает шепотом:

- Я, душенька!

- Зачем?

- От мужа ушла да к тебе пришла.

- Ах ты, подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу!

Я ты, блядь, хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину!

И давай колотить купца по шее, по спине да в поволочки:

- Не ходи, мерзавка! Не страми меня. Я ни за что не соглашусь на такие пакости!

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит:

- Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принял он меня ругать, страмить да бить -насилу ушел!

- Вот видишь, а ты всякому веришь! - сказала купчиха. И с того времени стала жить с приказчиком без всякого страха.

Послесловие

В создание этой веселой книги были вовлечены славные имена отечественной культуры прошлого века - известнейший собиратель и лексикограф Владимир Иванович Да́ль (1801 - 1872), знаменитый русский ученый - этнолог, мифолог - Александр Николаевич Афана́сьев (1826 - 1871). Последний выступил здесь в качестве составителя и, возможно, автора предисловия. Многим он известен также как составитель фундаментального корпуса русских народных сказок, неоднократно переиздававшегося, начиная с 1855 года и научного труда "Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическим сказанием у других родственных народов", изданного в Москве 130 лет назад. Автор "Истории русской этнографии" А. Н. Пыпин в 1891 году отнес фигуру А. Н. Афана́сьева "к числу наиболее симпатичных имен в истории русской науки, посвященной исследованию русской народности и старины".

Библиографическая история книги рассмотрена Леонидом Бессмертных в издании 1992 года и в газете "Книжное обозрение" от 24 июля того же года. Полная рукопись книги хранится в институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в С.-Петербурге.

Такова фактическая сторона дела. Читателю уже ясно, что перед ним не просто веселая книга, а озорная, дерзкая, вольная, местами бранная и циничная. Подобная литература,

называемая то “скабрезной”, то “нецензурной”, стала появляться у нас в самое последнее время - в основном, в виде переизданий (сюда относится и “Девичья игрушка” Ивана Баркова, и “Лука Мудищев”). А в прошлом году в США состоялся даже специальный международный симпозиум, посвященный проблеме так называемой “ненормативной лексики” в разных языках мира. Участники симпозиума не могли не признать, что в этой области культуры Россия давно обогнала Америку...

Нельзя сказать, что подобные сказки вообще никогда не печатались. В 1908 году, например, в сборнике Н. Е. Ончукова “Северные сказки” обнародовано несколько рискованных образцов, учтенных в известном указателе сказочных сюжетов Н. П. Андреева по системе Антти Аарне в разделе так называемых новеллистических сказок (Л., 1929, п 1178 зализать “рану” женщины) и анекдотов (п 1351, 1542, 1543, 1563, 1734, 1744, 2073). Среди них есть и вариации публикуемых нами (например, о чесалке, или про “смех и слезы”: прохожий удивляет попа своей мужской силой; попадья приглашает прохожего к себе, выдает его за брата и одурачивает мужа). Афанасьевское же собрание впервые целиком посвящено сказкам и прибауткам такого рода. В издании они названы “заветными”:

Старое русское слово “заветный” происходит от глагола “заветать”, что значит “заповедывать, заказывать, строго наказывать или приказывать, налагать залог, запрет”. Давая эти пояснения, В. И. Даля в своем знаменитом “Толковом словаре

живого великорусского языка” добавляет: “*заветный - тайно хранимый, тайный, задушевный*” и т. п. Так что “*заветный*” происходит не от глагола “*завещать*”, но от глагола “*завечать, заветать*”, ныне не употребляемого в русском литературном языке. Так намечается этимологическое сопряжение внутри одного глагола двух полярных полюсов народной культуры. На том, где не знают смеха, возвышается духовный “*Новый Завет*”, чье название, однако, уходит в архаическую глубь того же самого корня.

Видимо, не случайно в современных российских изданиях “*заветные*” произведения фольклора соседствуют с литературой, раскрывающей правду о событиях отечественной истории, еще недавно бывших под строжайшим запретом. Очевидно, прав был Ник. Огарев, когда писал в предисловии к лондонскому изданию 1861 года “*Русской потайной литературы XIX столетия*” о том, что “*...поэзия гражданских стремлений и похабщина... связаны больше, чем кажется. В сущности, они ветви одного дерева*”. И объясняется это, надо полагать, тем, что тоталитаризм в любой его форме - от самодержавия до фашизма - боится народной стихии как неуправляемой силы. К такой стихии относятся и антигосударственные высказывания, и нетерпящая запрета область секса, и вообще карнавальность в широком смысле слова - то, что М. М. Бахтин называл низовой культурой или смеховой культурой.

Нельзя не подчеркнуть, что публикуемые тексты

категорически не могут быть отнесены к области “клубнички” или, тем более, порнографии. В них царит подлинно народное, карнавальное переворачивание архаических ценностей, когда официальное - снижается, выступая на первый план, нарочито выпячивается и даже господствует вопреки всему. Здесь уже все равно, о чем идет речь - о половом акте или дефекации, так как не в эротике дело, а в “смачном” культе “низа”. Публикуемые тексты представляют собой удивительное по изобретательности буйство народной фантазии, не знающее запретов и табу. Это гиперболизм изdevки и благопожелания, игры и удалого озорства. По сравнению с ними прежние подцензурные издания фольклора кажутся в этом аспекте бесполыми, искусственно стерилизованными, как бы одноцветными.

Понятно, что подобного рода фольклор принадлежит, так сказать, средней возрастной группе традиционного общества - не детям и не старикам, а ищущей своего выхода силе молодых. Их ведет не сладострастие, а удалъ, буйство всесокрушающей здоровой витальности. Здесь царствует могучий и дерзкий “низ”, сокровенным воплощением которого становится функции гениталий. Неслучайно в сказках преобладает не телесная, а скорее инструментальная лексика: “кляп”, “струмент”, “отработал”, “обработал” и т. п.

Все эти “мастеровые” метафоры сообщают повествованию специфически “объективированный”, отстраненный от

психологии характер. К слову, официально запретному, в народе особое отношение, связанное не только с карнавализацией, прославляющей и выпячивающей область человеческого “низа”, но и с архаическими представлениями и верованиями в магическую действенность сквернословия, в культы гениталий вообще и фаллоса в частности. В публикуемых текстах отразилось и обрядовое сквернослствие, ритуальное оголение, которые призваны были содействовать плодородию всего живого в обществе и природе, воскрешению, обновлению, росту и т. п. Сюда же относятся постоянные насмешки над старостью - это типично обрядовый мотив, развитый в самых разных фольклорных жанрах.

Сквернослствие никогда не преобладало в народной жизни: оно было регламентировано обрядовым календарем. Гиперболизация, максимализация образов “низа” выступает нормой поэтики “заветных” жанров. Надо помнить, что в живой традиции такие образы естественно соседствовали с целомудренной лексикой, с высоко нравственной идеализацией действительности. Одно не отрицало другое, всему было свое время, свой повод, свое место. Видимо, идеализация и гиперболизация были всегда, только идеалы и мечты в разных случаях были различными. В одном - это мог быть ковер-самолет, а в другом - “кляп” по локоть или в семь верст. И тогда свершалось чудо: то, что народу невозможно было достичь в социальной сфере, то им осуществлялось посредством озорного

секса, успешного соревнования в этой области. И господа и попы оказывались посрамленными, причем в самом интимном, в самом, с их точки зрения, срамном. И для крестьянского (мужицкого, батрацкого, солдатского) восприятия это было сильнее и необратимее любой чисто социальной сатиры, любого "революционного" ниспровержения. "Низ" оказывался сильнее "верха", и эта победа воспринимается как триумф человеческого, а не животного начала, ибо побеждает самое человечное - юмор, смех, посрамление, глумление, раблезианский натурализм. Как говорится, смех и грех. А впрочем, есть ли тут грех? Разве здоровье - греховно? Не в монастырях же озорничают сказочные герои Афанасьева.

Что касается конкретно антирелигиозных мотивов, сводимых в "заветных" историях к высмеиванию священнослужителей, то подобная направленность объясняется не только и не столько бытовой неприязнью к попам, которая могла иметь место, но и тем, что Эрос - вообще "язычник" по природе. Ему безразлична церковная иерархия. Не забудем и того, что "языческая" практика русского крестьянства знала и такие, прямо скажем, экзотические (с позиций церкви) обряды, в ходе которых, например, крестьяне катали попа по полю и принуждали его имитировать соитие с землей. (Этнограф Д. К. Зеленин наблюдал это еще в конце прошлого века.)

Остается добавить одно: в реальной жизни такие сказки бытовали, конечно, рассредоточенно. В этой книге они собраны

воедино не по своим лексическим особенностям, не по причине специфичности круга образов (читатель без труда обнаружит в издании сказки, относящиеся к различным группам сказочных сюжетов), а из-за былого запрета на подобные издания - воистину как “заветное” собрание русского крестьянского фольклора. Хочется надеяться, что не за горами и специальное академическое издание существующих в государственных и частных архивах фольклорных произведений, счастливо избежавших цензуры, стерилизованшей народное мироощущение на разных этапах отечественной истории.

И. И. Земцовский.

Содержание:

•23•

Предисловие ФИЛОБИБЛА	7
Лиса и заяц.....	13
Воробей и кобыла	16
Медведь и баба	18
Волк.....	20
Мужик, медведь, лиса и слепень	22
Кот и лиса	24
Бошь и блоха	26
Собака и дятел	27
Пизда и жопа.....	29
Мой жопу	30
Худо не худо	32
Дурень	34
Щучья голова.....	37
Женитьба дурня	43
Боязливая невеста	52
Горячий кляп	58
Прибаутки	61
Старческий стих	64

СЕМЕЙНЫЕ разговоры	66
ПЕРВОЕ знакомство жениха с невестою	68
МУЖИК и барин	72
Догадливая хозяйка	74
Нет	77
Муж на яйцах	81
Охотник и леший	85
Мужик и черт	87
Мужик за бабьей работой	90
Жена слепого	95
Тетерев	98
Ярхиерейский ответ	100
Посев хуев	102
БОЛШЕВНОЕ кольцо	110
Раззадоренная барыня	122
По-собачьи	125
Две жены	127
Стыдливая барыня	130
Добрый отец	134
Сказка о том, как поп родил теленка	136
Поп и Западня	140
Поп, попадья, поповна и батрак	141
Поросенок	147
Духовный отец	150
Поп и мужик.....	151

Поп и батрак	160
Поповская семья и батрак	172
Чесалка	176
Загони тепла	182
Похороны кобеля (или козла)	185
Суд о коровах	191
Жадный поп	197
Смех и горе	200
Чудесная мазь	208
Чудесная дудка	221
Пастух	225
Солдат, мужик и баба	229
Солдат сам спит, а хуй работает	232
Солдат и хохлушки	235
Солдат и хохол	237
Беглый солдат	240
Солдат и поп	242
Солдат решетит	245
Теща и зять-дурень	248
Болтливая жена	249
Поп ржет, как жеребец	252
Хитрая баба	262
Жидовка	279
Солдат и черт	280
Никола Дуплянской	281

Два брата-жениха	286
Невеста без головы.....	292
Бабы увертки	301
Странные имена	307
Поп и цыган	310
Добрый поп	313
Битье об заклад	315
Каков я!.....	318
Купеческая жена и приказчик	322
Послесловие	325

Литературно-художественное издание

Александр Николаевич Афанасьев

З А В Е Т Н Ы Е С К А З К И

Руководитель проекта А. Карпович

Афанасьев А.Н.
А 94 Заветные сказки.— СПб.: АО «Бояныч», 1994.—
336 с., илл.

ISBN 5-7199-0012-8

"Заветные сказки" из коллекции А.Н. Афанасьева обычно не включаются в известные издания русских народных сказок и, так сказать, не предназначены для чтения вслух. Этот озорной, дерзкий, крайне вольный крестьянский фольклор заинтересует историков, филологов, художников.

Подписано к печати 16.12.93 г. Формат' 70×100¹/16. Гарнитура Полуустав.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,3. Уч.-изд. л. 11,4.
Тираж 35000 экз. ЛР № 060577 от 23.01.1992 г. Заказ № 10.

Издательство «Бояныч», 198103, Санкт-Петербург, а/я 46

Отпечатано с готовых диапозитивов АО «Бояныч» в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ. 198052, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

